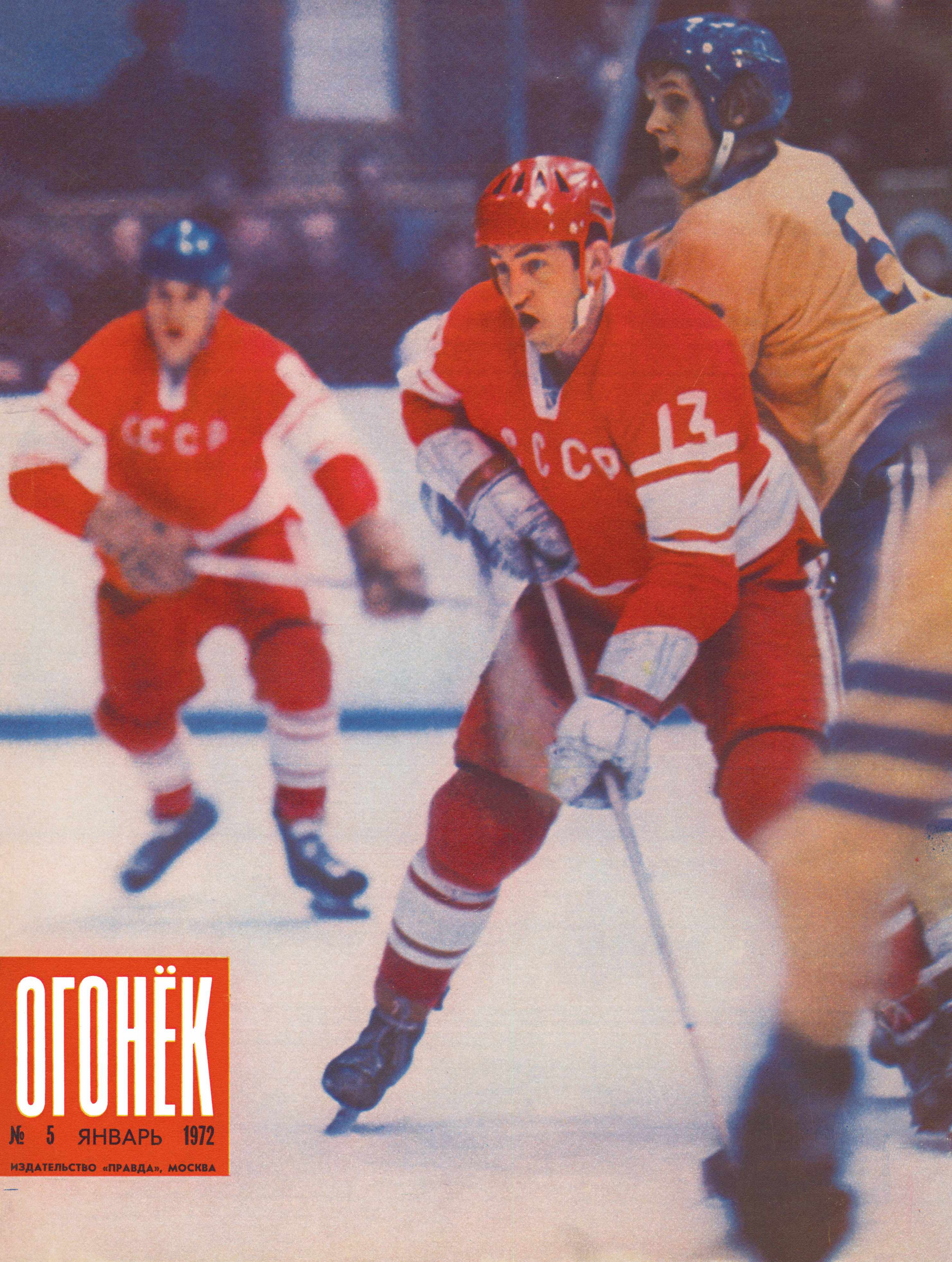

ОГОНЁК

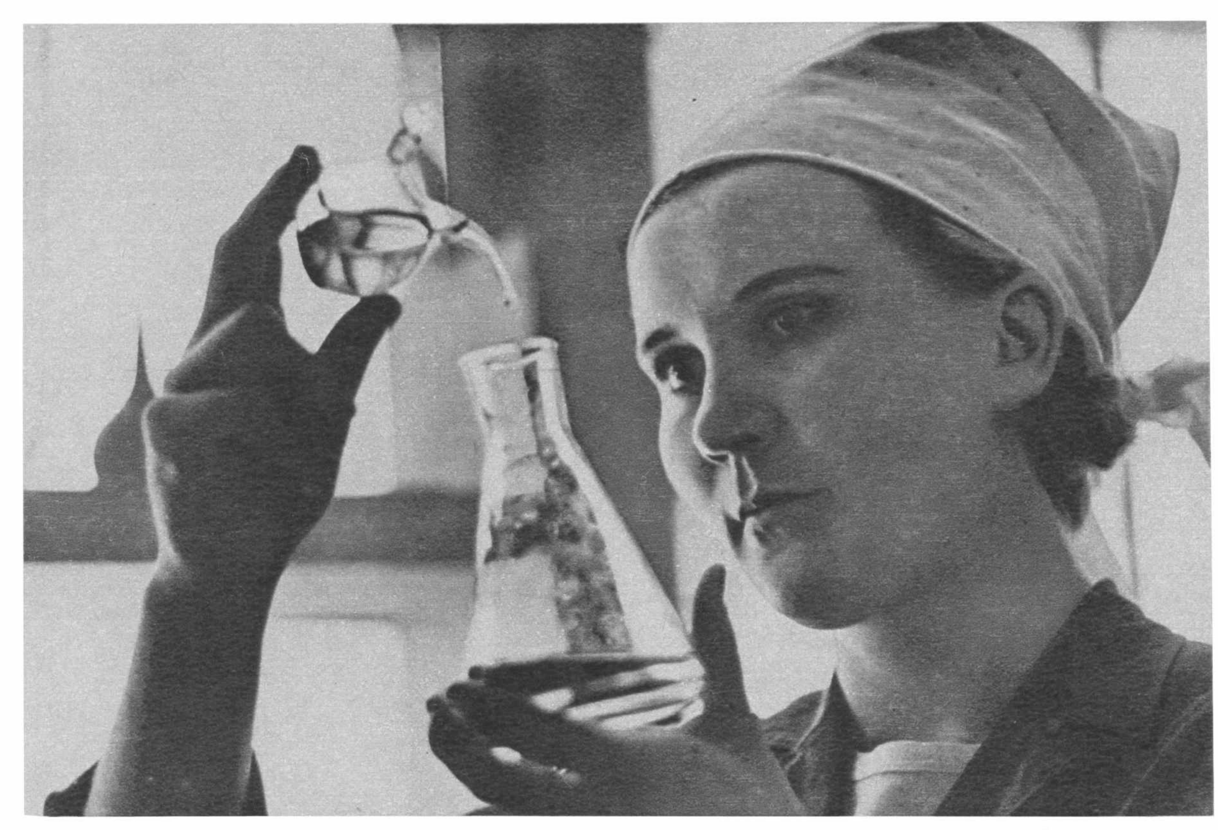
№ 5 ЯНВАРЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

КАЗАХСТАН

СЧАСТЬЕ САУРТАЯ

Инженер-технолог Людмила Кабаченко — уважаемый человек в цехе триполифосфата натрия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 5 (2326)

29 ЯНВАРЯ 1972

Алексей БРАГИН
Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

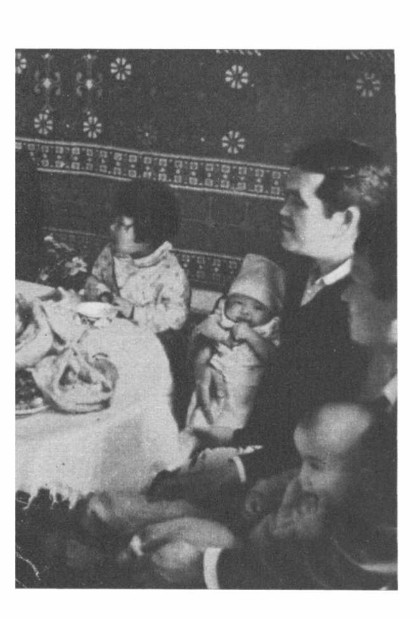
Солнце подымалось навстречу Сауртаю. Асфальт, казалось, струился под колеса быстрым светлым потоком, сжатым с двух сторон тополями, едва тронутыми первой желтизной. Сауртая радовало рабочее утро: мелькавшие в кабинах знакомые лица водителей, добрая скорость, чистый и крепкий осенний воздух, еще не успевший нагреться.

К обычным в такие часы ощущениям примешивалась и грусть. Вчера ему оформили пенсию — 115 рублей 80 копеек. Конечно, на эти деньги можно жить неплохо: есть кое-какие сбережения, есть сад, сыновья вышли в люди. Но разве легко расстаться с дорогами? Старенькая его машина «ГАЗ-51», что и говорить! Однако после капитального ремонта шесть лет бегает без единой поломки. Да и он, Сауртай, за всю

Сегодня все Керимбаевы в сборе.

Сауртай и его сыновья — Калмахан, Кулмахан, Ермахан.

свою жизнь ни разу не получал по больничному листу. Шестьдесят один год, а он не знает, что такое простуда или головная боль. Медсанбат на Втором Белорусском не в счет. Надо же было фашистскому снаряду разорваться в нескольких шагах от него!

Каких только машин не видел он на своем веку! Как гордился он, арбакеш рудного двора, один из первых рабочих Чимкентского свинцового завода, когда в 1935-м после автошколы ему доверили «АМО-3»! А потом были и «АМО-Ф15», и «ЗИС-5», и «ГАЗ-АА», и «шевроле», и «студебеккер». Он возил лес и кирпич, руду и свинец, возил продукты, возил ульи на заводскую пасеку. И все по той же дороге, что и сегодня. Только раньше по тихому проселку, ведущему в предгорья, а теперь по магистрали индустриального района. Он доставлял на прифронтовой аэродром бомбы, а первой послевоенной весной — саженцы для своего заводского парка.

Сегодня в кузове — доски и арматура. Вторая автобаза обслуживает свинцовый и фосфорный заводы. Вот он показался за поворотом, батыр химии—Чимкентский фосфорный! Шесть высоченных труб посылают в небо серый дым и бледные желтоватые языки пламени. Шесть труб — шесть печей. Где-то там, в печном цехе, работает его средний сын, Кулмахан. Недавно вернулся из армии — и снова в свой цех. Сыновья у него срифмованы, как в песне: Калмахан, Кулмахан, Ермахан. Так принято в ауле Теспе... Старший, Калмахан, родился за несколько месяцев до войны, отец пережил четырехлетнюю разлуку с ним. Цех инженера Калмахана Керимбаева рядом с печным, а название цеха такое, что не выговорить. Можно только прочесть: цех триполифосфата натрия.

А вот младший, Ермахан, поступил в кооперативный техникум. Твоя воля, сын, только учись хорошо. Три сына, две дороги.

Однажды директор завода, поблагодарив Сауртая за сыновей, стал величать его папашей. Старик хитровато улыбнулся, похлопал директора по плечу и сказал:

— Мы с тобой курдасы — ровесники. Ровесникам положено шутить друг с другом. Уважаю директора, но в сыновья не возьму, потому что у меня седин меньше твоего...

...Пока шла разгрузка, водитель мельком увидел старшего сына. Химия временами представлялась ему, человеку пожилому, колдов-

Встреча на Пражском аэродроме.
Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС).

ПРАЖСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

24 января из Москвы в Прагу для участия в работе очередного совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора прибыла советская делегация. В состав делегации входят Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев (глава делегации), Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, заведующий отделом ЦК КПСС К. В. Русаков, первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов.

В Прагу также прибыли: делегация Народной Республики Болгарии во главе с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым, делегация Венгерской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК ВСРП Я. Кадаром, делегация Германской Демократической Республики во главе с Первым секретарем ЦК СЕПГ Э. Хонеккером, делегация Польской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК ПОРП Э. Гереком, делегация Социалистической Республики Румынии во главе с Генеральным секретарем РКП, Председателем Государственного совета СРР Н. Чаушеску.

Делегации встречали Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак, Президент ЧССР Л. Свобода, Председатель правительства ЧССР Л. Штроугал и другие руководящие партийные и государственные деятели ЧССР.

ством, не все было понятно ему и в производственной жизни сыновей, но в душевных их качествах он был уверен.

* * *

Побывал бы Сауртай Керимбаев на занятии в школе коммунистического труда цеха триполифосфата натрия, многое бы стало ему яснее. В тесной бытовке собралась молодежь. Недавно эти парни и девушки окончили профессионально-техническое училище и пока именовались стажерами. Тоненькие, русые, черноволосые, в брючках, в спецовках, настороженно и удивленно вслушивались они в слова начальника цеха Игоря Васильевича Фролова.

— Помните, беззаботная ваша юность кончилась, началась самостоятельная жизнь. Вы должны представить себе, что такое ваш завод, ваш цех, ваша смена... Почти шесть лет назад в президиум XXIII съезда КПСС поступил первый образчик нашей продукции — желтый фосфор, необходимый и сельскому хозяйству и промышленности. Что касается нашего цеха, то и его значение трудно переоценить. Он выпускает в три с половиной раза больше продукции, чем все остальные заводы страны. Вы спросите: а что такое триполифосфат натрия? С чем его едят?

— Едят?

Девушки прыснули, а Игорь Васильевич ответил более чем серьезно:

— Да, да! С колбасой, например, с консервами, сгущенным молоком и плавленым сыром. Только в очень малых дозах. Триполифосфаты улучшают свойства теста и даже предохраняют хлеб от черствения. Триполифосфаты незаменимы в качестве добавки к синтетическим моющим средствам. В стиральных порошках «Новость», «Лотос», «Сумгаит», «Айна» их содержится до пятидесяти и даже восьмидесяти процентов. Они нужны и в космосе и в производстве лекарственных и косметических препаратов.

В ударную смену Калмахана Керимбаева попали совсем юные выпускники ГПТУ — Зухра Басханова, Люба Куликова, Таня Герасимова. Среди стажеров была и Надя Зотова, молодой инженер, только что окончившая Алтайский политехнический институт. Так начинают на фосфорном все...

Первый цех похож на огромную лабораторию. От склада соды до склада готовой продукции людей почти не видно. Процесс получения триполифосфата непрерывен и скрыт от глаз.

Дыхание цеха ритмичное и негромкое. И в этом спокойном, однообразном шуме, скромной рабочей обстановке очень хорошо, уверенно чувствует себя инженер Калмахан Керимбаев.

В отца он — невысокий, кряжистый. Говорит сдержанно, вполголоса. Начинал в 1966 году с аппаратчика, как и большинство его сверстников. Потом — старший аппаратчик, мастер, начальник смены...

— Кто ваши учителя, Калмахан?

— Отец с матерью. В рабочем деле особенно отец. У него учился главному—трудолюбию, прямоте, уважению к людям. Не забуду чимкентскую школу имени Джамбула. Когда заканчивал, много говорили о большой химии. Вот я и пошел на химический факультет технологического института. Лучший мой наставник — доцент Адеп Сейтмагзимович Сейтмагзимов. Преподавал технологию неорганических веществ... И еще помогали мне — не смейтесь!— семнадцать девушек, вся наша группа. А пришел на завод — прежде всего встретил Игоря Фролова, Игоря Васильевича, начальника нашего цеха. Между прочим, я знал его еще студентом. Он был нападающим клубной команды «Металлург», а я... запасным. Игорь был старше меня на два курса. Ему сейчас тридцать два, а мне тридцать. Он руководил моим дипломным проектом. Но по-настоящему я познакомился с ним здесь, в цехе, и, признаться, удивился его требовательности. На заводе люди быстро взрослеют. Да, он и учитель и старший товарищ. Мой учитель и секретарь партбюро цеха — Дмитрий Иванович Матвеев, старший аппаратчик. Технического вуза не кончал, но у него опыт — военный, житейский. Я в этом убедился, когда был комсоргом цеха.

Список учителей рос... Калмахан говорил и о том, что завод— это большой дом. И в этом доме он уже отвечает за молодых, как отец отвечал за него.

Потом разговор пошел о социалистическом соревновании в их смене. Тут своя специфика. Непрерывность технологического процесса мешает определить степень участия в нем каждого аппаратчика. Поэтому аппаратчик здесь должен знать всю технологическую нитку — от верхних башенных отметок до глубоких горизонтов, где происходит дробление. Конечно, основное внимание сосредоточено на своем участке, но он, как пограничник, обязан почувствовать «нарушителя» и на соседнем. Словом, чувство локтя приобретает тут особенное значение. А личная ответственность становится неотделимой

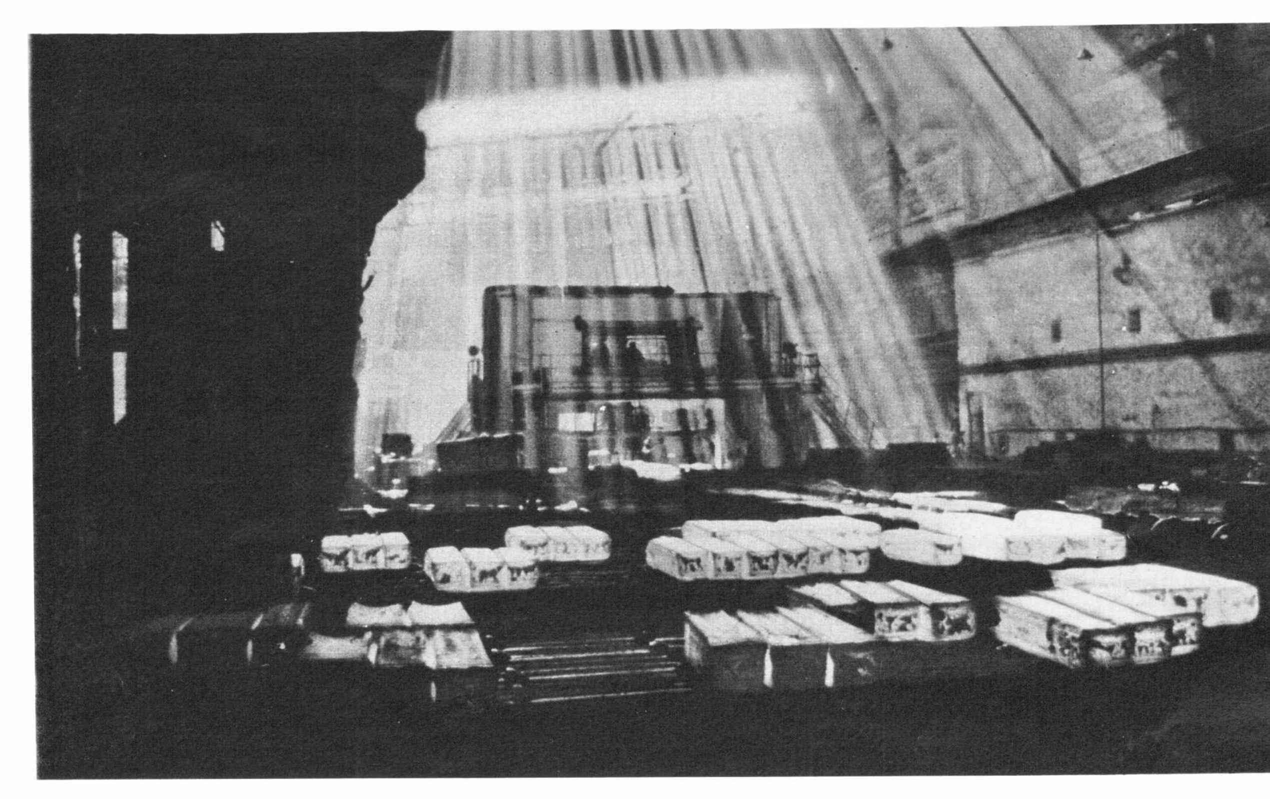
ДОБРОЕ НАЧАЛО

В минувшее воскресенье в печати было опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1971 году.

В сообщении указывается: «ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ПРЕТВОРЯЯ В ЖИЗНЬ РЕШЕНИЯ XXIV СЪЕЗДА КПСС, РАЗВЕРНУЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ ЗА УСПЕШНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА ПЕРВОГО ГОДА ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ И ДОБИЛИСЬ В 1971 ГОДУ НОВЫХ ТРУДОВЫХ УСПЕХОВ. ОСНОВНЫЕ ЗАДАНИЯ ГОДОВОГО ПЛАНА ВЫПОЛНЕНЫ, А ПО РЯДУ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПЛАН ВЫПОЛНЕН ДОСРОЧНО.

ПРИРОСТ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОХОДА, ИСПОЛЬЗОВАННОГО НА ПОТРЕБЛЕНИЕ И НАКОПЛЕНИЕ, СОСТАВИЛ ОКОЛО 6 ПРОЦЕНТОВ. БОЛЕЕ ЧЕТЫРЕХ ПЯТЫХ ЭТОГО ПРИРОСТА ПОЛУЧЕНО ЗА СЧЕТ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА.

ОСУЩЕСТВЛЕНЫ НАМЕЧЕННЫЕ НА 1971 ГОД МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПОВЫШЕНИЮ НАРОДНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ».

По сравнению с 1970 годом продукция промышленных предприятий черной и цветной металлургии увеличилась на 6 процентов. Эта фотография сделана на одном из передовых предприятий — Кузнецком металлургическом комбинате.

Фото Г. Копосова.

от ответственности коллективной. Узость взгляда — «Знай свой шесток» — мешает работе: твоя персональная ошибка отзывается на работе всех.

В течение девяти месяцев года смена Калмахана Керимбаева семь раз завоевывала призовые места.

И в этом соревновании выдвинулись одаренные ученики молодого инженера.

Виктор Писаренко... Образование — десять классов. В цех пришел из армии. С помощью Сауртаича (так тут все чаще и чаще уважительно зовут Калмахана) изучил производство, стал старшим аппаратчиком.

Совет Байтуманов... Аппаратчик дробления, в недавнем прошлом слесарь. Комсомольский «прожекторист». Учится на вечернем отделении технологического института.

Геннадий Чекризов... Старший аппаратчик. Работает на турбокальцинаторе — это сердце цеха. Здесь, собственно говоря, и происходит образование триполифосфата натрия. Медленно вращается турбина. Геннадий вслушивается в спокойное дыхание машины. Любой посторонний звук как бы предупреждает об опасности. Если кальцинатор выйдет из строя — остановится цех... Аппаратчик в совершенстве знает все узлы сложной машины. У себя на «верхотуре» он чувствует, как работают шестерни в подвале.

А Нина Анищук, депутат горсовета, забралась совсем высоко: ее пульт на отметке «плюс 38». В поле зрения Нины — процесс непрерывной промывки, работа насосов, движение горячей воды. Она внимательна, быстро реагирует на любое отклонение стрелки пульта. Стройная, легкая — четвертый год капитан волейбольной команды! Всегда вовремя придет на помощь товарищу. В этом году поступила в технологический институт, на химический факультет.

— Недавно забежала в парикмахерскую сделать маникюр,— рассказывала Нина.— Смотрю, у маникюрши очень знакомое лицо. Пять лет назад мы начинали с ней вместе на заводе. Что, спрашиваю, здесь больше по душе? Честно созналась: «Да». Я, конечно, ее не упрекаю. Каждый находит свою профессию сам. Но и я не сомневаюсь в правильности своего выбора. Даже материальная сторона: начинала с 59 рублей, а сейчас почти в три раза больше. Отдельную квартиру мне с мужем дали. Вокруг — друзья. И смене нашей почет.

В смене Калмахана Керимбаева научились думать друг о друге, научились по-государственному думать обо всем производстве. Тому пример — забота о новой очереди завода. Здесь реальной силой становится то коммунистическое начало, та моральная заинтересованность, которые не отражаются в ведомостях заработной платы.

Спешит в нерабочее время в новый цех технолог Вадим Баймуратов. После ночной смены заходит туда же усталый Калмахан. Присматривается, точнее сказать, примеривается, обдумывает. Сегодня он еще ничего окончательно не знает о расстановке сил, но пусковые и наладочные работы в новом цехе не за горами.

С тревогой думает Калмахан и о работе печного цеха. Ведь если раздвинется фронт триполифосфатного (а он непременно раздвинется!), будет не хватать желтого фосфора, а следовательно, фосфорной кислоты. Что ты скажешь мне, брат мой Кулмахан?

С той поры, когда Калмахан переехал из отчего дома на новую квартиру, братьям редко приходится бывать вместе. Не всегда совпадают выходные дни, не всегда находятся свободные часы. Но старшая дочка, Гульджан, живет у деда с бабкой, и время от времени вся большая семья собирается за одним столом. А все главное они всегда решали вместе.

— Помнишь, Кулмахан, когда тебя в 1970 году принимали в члены партии, отец, ты и я сидели в этой же комнате и читали Устав? Мы с отцом тогда экзаменовали тебя. И не зря!

Кулмахан улыбался той же застенчивой улыбкой, что и старший брат, щурил глаза отец, посматривал на всех троих испытующе и ласково. И, остановив свой взгляд на младшем, говорит:

— Ну, а ты, Ермахан, что нам доброго скажешь сегодня? Ты, сынок, откололся от братьев... Кооператор...

— Может быть, от братьев и откололся, но от тебя, папа, не ушел. Я вчера на любительские права сдал. Купите машину — буду вас на работу возить.

Отец ухмыльнулся:

— У нас есть кому сидеть за рулем. А машина нам действительно нужна... Если уйду на пенсию — затоскую. «Москвичей» много, и «Жигули» появились...

Но к этому часу поспел кульчатай — вкусное мясо с особо приготовленным, тонко раскатанным тестом, на которое такая мастерица мама Тулай. И здесь мы оставим Сауртая и его сыновей, дадим им возможность помечтать и о большом будущем завода и о своих домашних делах...

Чимкент.

На аэродроме Шереметьево. Грузы Советского Красного Креста для отправки в Бангладеш доставлены к самолету.

ПРИЗНАНИЕ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ БАНГЛАДЕШ

Следуя своей миролюбивой внешней политике равноправия и дружбы между всеми государствами, а также руководствуясь принципами самоопределения народов, Советский Союз заявил о признании им Народной Республики Бангладеш как суверенного государства, о своей готовности установить с ней дипломатические отношения и обменяться дипломатическими представительствами.

* * *

Корреспондент «Огонька» А. Голиков на днях встретил на аэродроме прибывший из Дакки экипаж командира корабля В. Д. Гаврилина, который первым доставил в Дакку грузы Советского Красного Креста — помощь советских людей возвращающимся из Индии беженцам и населению Бангладеш.

Вот что рассказал В. Д. Гаврилин о первом рейсе в Дакку.

— Вступив на землю Бангладеш, мы оказались в кругу друзей. Наш самолет здесь называли «крыльями дружбы». Говорили, что героическая борьба народа Бангладеш за свободу и независимость показала настоящих друзей страны. Это прежде всего Индия, Советский Союз и другие социалистические государства.

Еще с воздуха мы наблюдали, как ремонтируются дороги, мосты, восстанавливаются линии связи. Сейчас в стране действуют почти все шоссейные дороги, а скоро начнется и регулярное железнодорожное сообщение.

В Дакке мы присутствовали при знаменательном событии: над зданием аэропорта был поднят новый государственный флаг Народной Республики Бангладеш.

Представители трудолюбивого и талантливого народа Бангладеш, с которыми нам довелось встречаться, просили передать советским людям их глубокую благодарность за помощь и дружбу.

В этих ящиках, погруженных в самолет Аэрофлота, продовольствие, медикаменты, антибиотики — дар советских людей населению Народной Республики Бангладеш.

Фото В. Созинова (ТАСС).

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ШАГИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Яков ЛОМКО

Лаконичное и строгое, как большинство сообщений по вопросам экономики и международных экономических отношений, коммюнике о пятьдесят шестом заседании Исполнительного комитета Совета Экономической Взаимопомощи привлекло, вероятно, внимание прежде всего специалистов, занятых изучением экономического сотрудничества социалистических стран. Но мне кажется, что это коммюнике о рядовом заседании Исполкома СЭВ представляет большой интерес во многих отношениях и для всех, кому успехи развития социалистических стран небезразличны.

Когда в начале августа прошлого года была опубликована принятая странами СЭВ Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции, на страницах многих ведущих печатных органов западных стран, отражающих интересы крупного бизнеса, с некоторой нарочитой подчеркнутостью обсуждался тезис о том, что-де эта программа — лишь «начало» процесса интеграции. Коль это лишь начало, считали авторы этого тезиса, то до реализации положений программы еще далеко, и время покажет, как к ней будут относиться страны, принявшие Комплексную программу. Буржуазным экономистам уж очень не хотелось согласиться с тем, что принятие Комплексной программы выразило «твердую решимость социалистических стран осуществить долговременные принципиальные цели их всестороннего братского сотрудничества», как оценивался факт принятия программы Политбюро ЦК КПСС и Советом Министров СССР.

Коммюнике о 56-м заседании Исполкома СЭВ принесло глубокое разочарование тем, кто хотел бы, чтобы дело социалистической экономической интеграции «застряло» на старте, на «этапе толкования» положений программы. Совет Экономической Взаимопомощи приступил к реализации программы социалистической экономической интеграции, и в настоящее время работа в этом направлении составляет главное содержание деятельности всех органов Совета.

Комплексная программа — это план организации международного разделения труда между братскими странами и налаживания ими совместного производства наиболее современных и сложных видов промышленной продукции (машин, электронно-вычислительной техники, технологического оборудования и т. п.). Ее осуществление позволит каждой стране наиболее эффективно использовать свои силы и природные ресурсы и в то же время получать в сотрудничестве с другими странами самые современные виды продукции, оборудование, что было бы не всегда под силу каждой стране в отдельности.

За прошедшие полгода многие страны СЭВ и постоянные комиссии уже успели выработать практические предложения и рекомендации по сотрудничеству братских стран в развитии целого ряда важнейших направлений экономики. К ним относятся предложения по расширению и качественному совершенствованию машиностроительной и радиоэлектронной продукции, совместному планированию некоторых видов металлорежущих станков, расширению сотрудничества в области производства пищевых продуктов и улучшению их качества. Большое значение имеет принятие рекомендаций по специализации производства сортовых семян основных сельскохозяйственных культур. Одновременно были согласованы объемы поставок каждой страны, удовлетворение потребности в сортовых семенах. Серьезное влияние на подъем животноводства в странах СЭВ окажут взаимные поставки племенного скота и птицы. План этих поставок согласован на период до 1975 года. Важным шагом в реализации программы интеграции следует признать и решение о создании двух новых комитетов СЭВ: комитета по сотрудничеству в области планирования и комитета по научно-техническому сотрудничеству.

Не ставя задачи перечислить все рассмотренные Исполкомом СЭВ вопросы, многие из которых столь же важны, хотелось бы подчеркнуть, как мне кажется, главное. Комплексная программа — документ, исчерпывающе охватывающий проблемы углубления экономического сотрудничества социалистических стран.

Коммюнике Исполкома СЭВ убедительно говорит о признаках здорового развития братского сотрудничества социалистических стран, в котором гармонически сочетаются национальные и интернациональные интересы трудящихся стран — членов СЭВ.

Братская взаимопомощь стран СЭВ обеспечивает им высокие темпы развития, значительно превосходящие темпы развития капиталистических стран. За годы последнего пятилетия (1966—1970 годы) промышленное производство в странах СЭВ выросло на 49%. Среднегодовые темпы роста составили в среднем 8,3 процента, тогда как в странах «Общего рынка» — 6,5 процента, а в США — 3,3 процента.

Планомерное углубление сотрудничества социалистических стран на основе Комплексной программы социалистической экономической интеграции составляет резкий контраст отношениям между капиталистическими странами. Предпринятая в прошлом году попытка президента Никсона «вывести на орбиту» свою программу «оздоровления» экономики США обнажила не только финансовую неустойчивость капиталистического мира, но и хищническую сущность взаимоотношений в этом мире, в основе которых лежит «право» силы, стремление поправить свои дела за счет своих же партнеров, навязать им невыгодные соглашения и сделки, поставить их в зависимость от своих интересов.

Новые практические шаги социалистической экономической интеграции — свидетельство крепнущего единства и плодотворного сотрудничества социалистических стран.

А. СОФРОНОВ

ЗАМЕТКИ С V КОНФЕРЕНЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ СОЛИДАРНОСТИ НАРОДОВ АЗИИ И АФРИКИ

Фото П. Давыдова (АПН).

Каир. Здание ЦК АСС, в котором проходила конференция.

ДОРОГОЙ БОРЬБЫ И СОЛИДАРНОСТИ

Память человеческая — это такой сосуд, что в нем всегда остаются щедрые капли воспоминаний. Остаются незабываемые, добрые воспоминания о тех, кто умеет видеть и в небольшом, только рожденном потоке начало бурной и могучей реки.

Теперь, через четырнадцать лет после того, как в столице Египта, славном городе Каире, состоялась I конференция солидарности, открывшаяся в конце декабря 1957 года и закончившая свою работу в первый день 1958 года, невольно вспоминается тот огромный, благородный и вместе с тем нелегкий путь, который прошла Организация солидарности народов Азии и Африки. Именно так: огромный, благородный и очень нелегкий.

Начав свой путь в Каире, наша организация на вторую свою конференцию собралась в Конакри, столице освободившейся от колониального ига Гвинеи, затем в сердце Африки — у подножия горы Килиманджаро, красивейшем городе Танзании, городе Моши, дальше путь был продолжен в Гану, и вот, наконец, снова столица Арабской Республики Египет Каир. Большой путь, во время которого на двух великих континентах Азии и Африки произошли огромные революционные изменения, освободившие подавляющее число народов этих континентов от колониализма, вернувшие свободу и национальную независимость миллионам людей на афро-азиатских просторах.

Было бы беспочвенным идеализмом считать, что все уже сделано. Еще на азиатском и африканском континентах льется кровь. Империалисты, колонизаторы и расисты пытаются удержать на юге Африки свои бастионы. Активную материальную и идеологическую помощь в этих попытках им оказывают старые, «классические» колонизаторы и колонизаторы «новой формации» — империалисты США, не просто стоящие за спиной всех больших и малых провокаций и потрясений, происходящих на землях Азии и Африки, но и активно вдохновляющие всех и каждого, кто готов ринуться в болото междоусобной борьбы, ложного национализма, расового различия и религиозной несовместимости. Этой борьбе всячески способствуют оголтелый антисоветизм и раскольническая деятельность маоистов, пытающихся вовлечь в сферу своего влияния отдельных лиц, а иногда и некоторые организации, как правило, предающие в угоду так называемой «левой фразе» коренные интересы своего народа.

К счастью, несмотря на отдельные, частные поражения, процесс освобождения народов Азии и Африки от империализма и колониализма, боевая солидарность народов — процесс неуклонно развивающийся, ставший уже исторически необратимым.

Кто бы и под каким бы предлогом ни пытался разъединить народы Азии и Африки, попытки эти обречены в конечном итоге на провал.

Нет, эти четырнадцать, а точней, пятнадцать лет становления, жизни и борьбы Организации солидарности народов Азии и Африки не прошли даром. Именно в дни V конференции вспоминалось и то время, когда только зарождалось движение афро-азиатской солидарности.

Как же все это было?

В конце декабря 1956 года в столице Индии Дели, где после I конференции солидарности народов Азии находился центр этого движения, состоялась I конференция писателей Азии. Только-только в результате решительного противодействия правительства Советского Союза и других социалистических стран, благодаря мужественной борьбе египетского народа потерпела поражение англо-франко-израильская агрессия против Египта. Писатели Азии, собравшиеся в Дели, выразили свою горячую поддержку борьбе египетского народа. 1 января 1957 года в Дели состоялось внеочередное заседание Комитета солидарности стран Азии. На этом заседании было решено направить в Каир миссию доброй воли для установления контактов с Египтом, с предложением объединения усилий общественности не только Азии, но и Африки в их борьбе против империалистической агрессии, колониализма и расизма. Главой делегации был единодушно избран видный индийский общественный деятель, друг Джавахарлала Неру, член индийского парламента Ануп Сингх.

В начале февраля 1957 года наша миссия доброй воли собралась в Каире. Но вначале все оказалось не так просто. Организация солидарности народов Азии только начинала свое существование. Египетские общественные и государственные деятели еще не знали ее программы, принимая на первых порах Организацию солидарности за какую-то пацифистскую организацию, разместившуюся в Дели. Можно

было понять египтян: улицы Каира были еще в баррикадах, Порт-Саид, подвергшийся варварским атакам агрессоров с моря и воздуха, еще дымился, вся его приморская часть была разбита; Суэцкий канал был выведен из строя...

Проходили дни, мы жили в Каире и не могли установить контактов с теми, ради кого появились в столице Египта.

И вот здесь мне хочется с особой теплотой вспомнить нынешнего президента Арабской Республики Египет Анвара Садата, который в ту пору возглавлял боевое издательство и газету «Аль-Гумхурия». Мы в Советском Союзе знали его талантливое, страстное перо журналиста, развившее империалистических агрессоров, высоко поднимавшее дух борьбы арабских народов. Многие его статьи, публиковавшиеся в египетской прессе, затем перепечатывались в газете «Правда» и других советских газетах.

Мы попросились к нему на прием и были незамедлительно приняты. До сих пор помнится тепло и радушие, какие были оказаны. А мне лично была обещана статья для журнала «Огонек», которую я вскоре же и получил. Статья называлась «Письмо русскому брату» и тогда же была опубликована в журнале «Огонек».

Во время дружеской беседы с Анваром Садатом мы рассказали ему о том, что находимся в Каире в составе миссии доброй воли, прибывшей в Египет с целью установления контактов и выяснения возможности созыва I конференции солидарности народов Азии и Африки в Каире. Анвар Садат внимательно выслушал нас и сказал, что поможет нашей миссии встретиться с Гамалем Абдель Насером, которому мы и должны изложить цель нашего приезда в Каир.

Через день мы были приняты президентом Гамалем Абдель Насером в его резиденции. Это была почти трехчасовая, удивительно сердечная беседа.

Президент откровенно поведал нам о трудностях, которые переживал в ту пору Египет, и вместе с тем рассказал о высоком боевом духе и решимости египетского народа, готового до конца сражаться за свою свободу и независимость.

В конце беседы, тепло прощаясь с нами, Гамаль Абдель Насер сказал:

— Каир в вашем распоряжении.

Это было в феврале 1957 года, а в конце декабря того же года в зале Каирского университета Анвар Садат открыл I конференцию солидарности народов Азии и Африки.

Полный сил и вдохновения борьбы, Анвар Садат стоял рядом с председателем Азиатского комитета солидарности, мудрой дочерью индийского народа Рамешвари Неру. Вместе они как бы символизировали единство двух великих континентов.

Большой вклад в успешное проведение I конференции и создание Организации солидарности народов Азии и Африки внесла многонациональная делегация Советского комитета солидарности, возглавляемая тогда общественным деятелем, писателем Шарафом Рашидовым.

Так все началось в Каире — так сейчас, через четырнадцать лет, несмотря на все трудности и сложности, все вернулось под небо Каира, для того чтобы дальше продолжить свой благородный путь.

На этот раз конференция разместилась в большом Африканском зале здания ЦК Арабского социалистического союза. Прямо у входа рядом с вечно неторопливым Нилом на свежем ветерке трепетали флаги государств, делегации которых представляли на конференции национальные организации солидарности.

Мы встречали десятки старых добрых друзей и вместе с ними многих других, кто вырос и созрел как политические и общественные деятели именно в последние годы, годы, далеко не простые, отмеченные политическим и экономическим становлением и вместе с тем ожесточенной борьбой за укрепление позиций социалистического и некапиталистического пути развития государств Азии и Африки, борьбой против темных сил империалистической, неоколониалистской реакции, пытающейся удержать народы Азии и Африки в одном случае на старых позициях, а в другом — сбить, повернуть их на путь неоколониалистского порабощения, загнать в ярмо экономического рабства. Борьба эта сурова и непримирима. Но народы Азии и Африки научились распознавать своих подлинных друзей. Поэтому делегаты так горячо приняли послание Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС Леонида Ильича Брежнева, в котором говорилось:

«Советский Союз будет и впредь давать решительный отпор агрессивной политике империалистов, неустанно бороться за сохранение и упрочение мира, за свободу, независимость и безопасность народов, крепить и развивать дружбу и сотрудничество с народами молодых независимых государств, всемерно содействовать успешному решению стоящих перед ними проблем социального, экономического и культурного развития».

Поэтому так сердечно аплодировали делегаты выдающимся деятелям афро-азиатской солидарности, которым были вручены памятные медали с изображением великого сына Египта Гамаля Абдель Насера, отдавшего свою яркую жизнь борьбе афро-азиатских народов за свободу и национальную независимость.

Поэтому с таким нетерпением ожидали делегаты конференции выступления главы советской делегации, члена ЦК КПСС, первого секретаря Центрального Комитета Компартии Армении А. Е. Кочиняна.

«Современное положение,— сказал он,— ставит перед движением афро-азиатской солидарности большие и сложные задачи. Наше движение, которое активно содействует укреплению всемирного антиимпериалистического фронта и пользуется заслуженным уважением народов, может внести еще более весомый вклад как в борьбу народов против остатков колониализма, так и в их борьбу за то, чтобы не допустить возрождения колониализма в новых, замаскированных формах.

Мы стоим за неуклонное укрепление и развитие движения афроазиатской солидарности, за его дальнейшую политическую консолидацию на четкой антиимпериалистической и интернационалистической платформе. Интернациональная солидарность была и остается основой самого существования нашего движения, его политического и организационного единства. Успех общего дела зависит от вклада каждой национальной организации в антиимпериалистическую борьбу. Вместе с тем задачи, стоящие перед движением, требуют неуклонного укрепления единства и сплоченности всех его отрядов».

Уже потом мы видели размноженный на нескольких языках текст выступления главы советской делегации, внимательно изучаемый участниками этого исторического форума. Активно и содержательно работали различные комиссии конференции. Мне, принимавшему участие в работе комиссии, которой надлежало принять один из документов конференции, обращенный к поиску и усилению новых средств борьбы против неоколониализма, запомнился ряд ярких выступлений делегатов.

— Нельзя недоучитывать роли торговых связей между бывшими метрополиями и бывшими колониями, в частности между Англией и рядом африканских и азиатских стран,—говорил представитель Индии.— Европейское экономическое сообщество, куда недавно вступила Англия, является новой формой колониализма, тем, что мы сейчас привыкли обозначать термином «неоколониализм». Азия и Африка имеют огромные природные богатства, которые мы еще почти не эксплуатируем в национальных интересах. Необходимо национализировать банки. Проводить аграрную реформу. Разрабатывать природные ресурсы. Наши сырьевые товары должны иметь рынки сбыта, выгодные нашим народам. Надо больше торговать друг с другом. Следует как можно больше развивать торговые и экономические связи с Советским Союзом и другими социалистическими странами, потому что это взаимовыгодные многоотраслевые связи. Прошедшие годы, экономическая практика убедили нас в существенной разнице между так называемой «технической помощью» империалистических стран и подлинной помощью социалистических стран. Мы должны пользоваться опытом Советского Союза, опираться на помощь социалистических стран, чтобы мы эффективно развивали свою науку и технику и тем самым лишали империализм малейшей базы в наших странах. Всем известно, что империалисты насаждают у нас коррупцию, тормозящую экономическое развитие наших государств. Индия подписала Договор о мире, дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом. Я участвовал в Москве в экономических переговорах и свидетельствую, что это бескорыстные, дружеские отношения равных. Империалистические страны пытаются запутать ясные вопросы, обострить иногда имеющиеся незначительные разногласия, натравить одну страну на другую. Всему этому мы должны противопоставить взаимное сотрудничество.

Представительница Малагасийской республики (Мадагаскар) обратила внимание на активность идеологической агрессии, пытающейся дымовой завесой прикрыть наличие колониальной экономики и как защиту ее сохранение в Африке военных баз империалистических государств. «В нашей стране,— говорила она,— мы все время сталкиваемся с разжиганием империалистическими идеологами, их прессой националистических страстей, в частности нас пытаются убедить, что Мадагаскару выгодна торговля с Израилем».

— Израиль тесно сотрудничает с расистскими государствами Южной Африки,— говорил делегат Палестины.— Он получает через Южную Африку много оружия. Это все наряду с тем, что Израиль получает постоянную огромную помощь из США. Борьба палестинского народа не региональная борьба, это часть борьбы против всего империализма, возглавляемого Соединенными Штатами Америки.

— Несмотря на большие потери,— говорил делегат Кипра,— империализм еще сохраняет важные позиции. Он по-прежнему агрессивен и активен. Он умело маневрирует, часто меняя тактику и стратегию, пользуясь старым рецептом «разделяй и властвуй». Поэтому нам надо вести активную борьбу против экономического, идеологического и военного проникновения империалистов в наши страны. Мы на Кипре по-прежнему ощущаем активность империалистических происков, опирающихся на наличие у нас британских военных баз. Они пытаются привязать Кипр к политике НАТО, спекулируют на идеологических расхождениях национальных сил. И если Кипру удалось устоять в борьбе против этих провокаций, то только благодаря единству патриотических сил, действующих под руководством Макариоса, опирающихся на помощь Советского Союза и других социалистических стран. Определенные международные круги, заинтересованные в разногласиях между нашими странами, не оставляют попыток продвижения фальшивой теории о разделении мира на «богатые» и «бедные» страны. Но опыт последнего пятидесятилетия со всей убедительностью говорит о том, что в мире имеются не «богатые» и «бедные» страны, а что мир пока еще делится на мир империализма и мир социализма и что мы должны опираться на помощь социалистических стран не только в своей борьбе, но и в строительстве независимой экономики. Отсюда наша главная задача — крепить единство между странами, борющимися за национальную свободу, и странами социалистическими.

Однажды к нам в отель пришли пятеро стройных черноглазых молодых людей.

— Мы из Бангладеш,— сказал один из них.

Мирзо Турсун-заде пригласил гостей в номер.

— Рады, очень рады видеть вас,— сказал он.

— Спасибо,— ответил руководитель делегации Мулла Джалладин Ахмед,— у нас никаких особых просьб нет. Просто нам хотелось поблагодарить вас за ту огромную помощь и поддержку, которые оказывали нам и сейчас оказывают Советское правительство и весь ваш народ. И во время тех трагических дней, когда пакистанское правительство во главе с Яхья Ханом терзали нашу землю, убивали лучших людей, и сейчас, когда мы обрели при помощи Индии и Советского Союза свою независимость.

— Как налаживается жизнь в Дакке? — спросил Турсун-заде.

— Наш любимый Рахман прилетел в Дакку. Люди возвращаются домой. Дети пошли в школы. Снова налаживается торговля. Жизнь входит в берега. Спасибо вам, товарищи... Вы поступили как настоящие коммунисты.

В тот же вечер на приеме в индийском посольстве мы снова встретили эту дружную группу. Знакомое нам и раньше индийское посольство в Каире на этот раз с трудом вместило всех желающих приветствовать и эту, не скрывавшую свое счастье небольшую делегацию и индийских друзей, самоотверженно подавших братскую руку помощи растерзанной Дакке.

Пятая конференция солидарности народов Азии и Африки приняла важные, объединяющие народы Азии и Африки решения. Она решительно, несмотря на попытки некоторых ее участников, говоривших с чужого, маоистского голоса, взяла курс на единство. Впереди большая работа, открывающая новый этап в жизни и борьбе народов Азии и Африки.

Накануне отлета из Каира советская делегация была приглашена на встречу к президенту Арабской Республики Египет Анвару Садату.

Был теплый, совсем нежаркий полдень, когда мы отправились двумя машинами в загородную резиденцию президента. Рядом с двух сторон дороги лежали крестьянские селения. Возле глиняных домов весело бегали ребятишки. Феллахи обрабатывали поля.

Возле самого Нила мы свернули направо и въехали в большой двор, в глубине которого виднелось огромное, с опущенными к земле длинными ветвями дерево. Чуть в стороне от него разместилось несколько плетеных кресел и два столика, на одном из которых стоял черный телефон. Анвар Садат разговаривал с высоким седым человеком. Увидев нас, он протянул руки.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогие братья,— проговорил он, улыбаясь.— Где мы будем беседовать? Здесь, под теплым египетским солнцем, или перейдем в тень?

— Как вам удобнее.

— Тогда здесь, под египетским солнцем,— сказал Анвар Садат.

— От всей души благодарим вас,— сказал Антон Ервандович Кочинян,— за то, что вы, несмотря на большую занятость, нашли возможность принять нашу делегацию. Леонид Ильич Брежнев просил нас передать вам большой сердечный привет.

Анвар Садат пригласил гостей присесть.

— К сожалению, из-за действительно большой занятости я не смог принять другие делегации,— сказал он,— но с советской делегацией я хотел обязательно встретиться. Делегация состоит из старых наших друзей, с кем мы создавали организацию солидарности, и новых друзей нашей страны. Ваше пребывание здесь дало возможность вам познакомиться с нашей страной и увидеть отношение египетского народа к советскому народу. Надеюсь, вы сумеете у себя на родине рассказать о чувстве дружбы, которое питает наш народ к вашему. Прошу заверить ваших друзей, что чувства дружбы к советскому народу, наше отношение к нему никогда не изменятся. Советско-египетское сотрудничество является важным фактором в отношениях между нашими странами и может и дальше приносить большие успехи. Я также счастлив передать наилучшие пожелания моему другу товарищу Брежневу.

Советские делегаты поделились с президентом впечатлениями о только что закончившейся конференции.

Профессор Р. А. Ульяновский сказал:

— Наша дружная, совместная работа с египетской делегацией и с другими делегациями во многом определила успех конференции. Нам бы хотелось отметить большую роль в этом успехе нашего друга, генерального секретаря ОСНАА Юсефа эс-Сибаи, который со времени I конференции возглавляет организацию.

Мирзо Турсун-заде, ветеран движения афро-азиатской солидарности, обратился к президенту:

— Мы счастливы, что снова встретились здесь с вами. Рады видеть вас, дорогой Анвар Садат, во главе Египта. Советский народ глубоко полюбил египетский народ. Эта дружба является плодом совместных усилий. Я слышал, здесь говорят: «Кто пил один раз воду из Нила, будет это делать еще семь раз».

Анвар Садат улыбнулся:

— Среди вас есть такие наши друзья, что намного превысили это количество.

— Дружба советского и египетского народов — прочная, вековая дружба. Это почувствовали здесь даже те, кто первый раз оказался в Египте,— сказал Кочинян.

— Придется еще приехать,— снова улыбнулся Анвар Садат.

— Придется,— согласился с президентом Кочинян.— Мы имели возможность поездить, повидать вашу страну. Мы любовались Асуаном. О нем здесь говорят как о чуде нашей эпохи. Мы видели древнюю культуру Египта в Луксоре. Где бы мы ни были, всюду нас принимали очень сердечно.

— Да, вы правы,— поддержал Кочиняна Анвар Садат,— дружба наших народов прочная, это дружба навсегда.

Посол Советского Союза в АРЕ В. М. Виноградов добавил:

— Сейчас учреждены взаимные годовые премии имени Насера за произведения литературы и искусства, воспевающие дружбу наших народов.

— Это — очень важное событие в отношениях между нашими народами. Мы должны хорошо знать друг друга,— поддержал Виноградова Садат.

...Мы понимали, президент действительно очень занят. Антон Кочинян поднялся.

— Просим принять наш подарок,— сказал он,— чеканка, сделанная армянским художником.

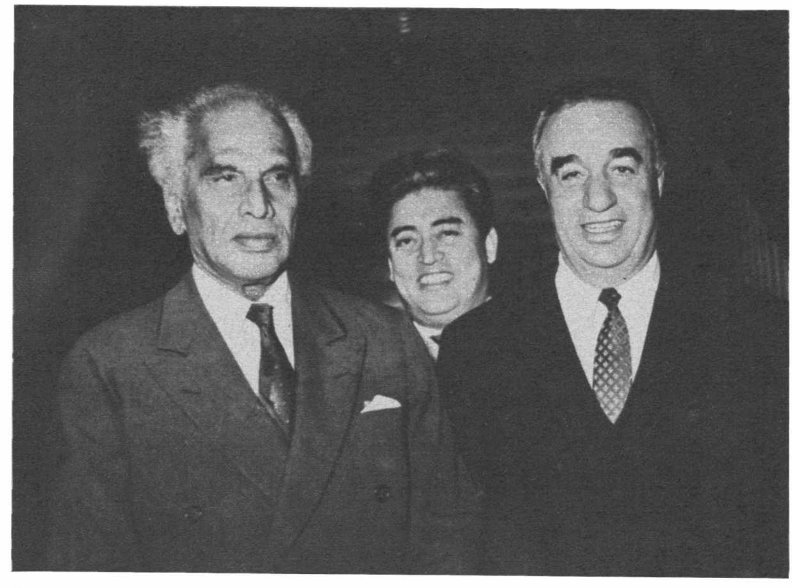
— Прекрасная работа. Какие у вас отличные художники! — сказал Анвар Садат.

Мы попрощались с президентом дружеской нам страны, и машины снова вынесли нас к берегу Нила, где легкий ветерок шевелил склонившиеся к воде ивы.

Каир.
Январь 1972 года.

В зале заседания конференции.

Глава советской делегации А. Е. Кочинян (справа) и Кришна Менон (Индия).

Генеральный секретарь ОСНАА Юсеф эс-Сибаи (слева) и председатель Советского комитета солидарности Мирзо Турсун-заде после вручения медали ОСНАА памяти Гамаля Абдель Насера.

Делегаты Африки.

ВСТРЕЧЬ СОЛНЦУ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ, фото А. ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ВЛАДИВОСТОК, 13-Й КИЛОМЕТР

Этот лаконичный адрес очень популярен сейчас в Приморском крае. Здесь, на берегу Амурского залива, идет строительство Дальневосточного научного центра.

Столетиями упрямо двигались русские землепроходцы на восток. В тех служивых и промышленных людях, что писали в рапортах дерзкие, гордые слова: «Мы шли встречь солнцу»,— наверняка текла кровь ученых. Они открывали новые земли и нередко платили за свои открытия самой дорогой ценой — жизнью. Но они шли и шли и вышли на край континента, к Великому океану...

Связь времен ощущаешь в лабораториях Дальневосточного научного центра. Они, эти исследователи, те, кто спускается сейчас на дно океана, заглядывает в недра земли, проникает с помощью сложных приборов в глубь вещества, пытаясь познать тайны жизни, дает четкие задания электронным машинам, вышли из «той же артели», что и их предки — первые землепроходцы, открыватели неизвестного. И те, кто родился и вырос на Дальнем Востоке, и те, кто, узнав о создании нового центра науки, приехал сюда из Новосибирска, Иркутска, Ленинграда, Москвы.

Стал жителем Владивостока и Андрей Петрович Капица, член-корреспондент Академии наук СССР, депутат Верховного Совета РСФСР. Впервые Андрей Капица увидел Дальний Восток в 1951 году, студентом. С экспедициями он объездил Чукотку, Приморский край, побывал на Камчатке. Для географа Дальний Восток — щедрый подарок судьбы. И то, что узнал тут будущий ученый, навсегда вошло в его сердце. Он много потом ездил по земле, пересекал экватор и Северный полярный круг, работал в Африке и Антарктиде, был в Америке и Австралии, но те земли, что увидел студентом, не забывал никогда.

И вот почти через двадцать лет ему, ученому, которому нет и сорока, предлагают трудное и чрезвычайно ответственное дело: поехать именно на Дальний Восток, возглавить новый крупный центр науки. Он соглашается. Работать тут — его мечта и долг. Ученого и коммуниста.

Я встретилась с Андреем Петровичем Капицей в дни, когда друзья и коллеги поздравляли его с высокой наградой — присуждением Государственной премии. И в этом тоже признание заслуг ученого, руководителя молодого научного центра.

— Основная цель Дальневосточного научного центра,— рассказывает Андрей Петрович,— развивать фундаментальные исследования в области общественных и естественных наук, активно способствовать развитию производительных сил Дальнего Востока, создавать и привлекать к работе высококвалифицированные кадры ученых.

Шестнадцать академических институтов войдут в состав центра. Научные городки вырастут на Сахалине, Камчатке, в Магадане, Хабаровске и тут, неподалеку от Владивостока.

...Трудно найти место более красивое, чем берега Амурского залива. Даже зимой не теряет тайга своих красок: на серо-зеленых сопках пятнами выделяются червонные листья дубов, промерзшие, тяжелые, будто и впрямь отлитые из драгоценного металла. Долго держит их дуб, хочет напомнить людям, что и он был когда-то вечнозеленым растением. И лишь весной роняет свои золотые доспехи.

Только минуту назад все было тихо, как вдруг огромные волны с ревом обрушились на берег, деревья пригнулись до земли, резкий ветер ожег лицо колючим снегом, перемешанным с градом. И вот уже липкий, сырой туман запутал сопки по горло. Это вздохнул Великий океан, изменчивый и коварный.

— Как вы убедились сами, климат Дальнего Востока достаточно суров. Поэтому город науки мы решили строить в районе 13-го километра от Владивостока, где тише ветры, суше воздух, меньше туманов. Зависит это от расположения сопок,— объясняет мне главный архитектор проекта Борис Федорович Богомолов.

Я слушаю архитекторов, смотрю чертежи, макеты, и передо мной возникают легкие, светлые призмы зданий города науки. Он тянется в высоту, дома плотными островками вкраплены в океаны зелени. Не нарушить тайгу, строить только на свободных от деревьев местах — таково одно из архитектурных решений ансамбля.

Здания поднимаются с сопками вверх, спускаются к долинам. Крыша одного дома становится террасой другого. Неровность рельефа заставляет архитектора в каждом конкретном случае искать индивидуальные решения, выбиваясь из унылого стереотипа, но оставаясь в жестких рамках экономичности.

Уже построено несколько корпусов: первенец Академгородка — Институт геологии, в новенькое, «с иголочки» здание въехали счастливые химики, заканчивается отделка Биолого-почвенного института. А остальные работают во временно захваченных лабораториях Института геологии, втиснув в каждую комнату чуть ли не по семь столов. Геологи ворчат, но терпят. И хотя, как шутят тут, лабораторная норма на ученого — два квадратных метра (это-то при общей плотности населения в два человека на квадратный километр!), ведут исследования без скидок на временные неудобства.

ОКЕАН — РЯДОМ

Дыхание океана ощущаешь в лабораториях почти всех институтов Дальневосточного научного центра. Геологи изучают богатства не только суши, но и океанского дна. Взять хотя бы исследования шельфовой отмели — погруженной в воду части континента, этой кладовой земли, где спрятаны нефть, золото, олово, вольфрам. Не все знают, что в зеленоватом рассоле океана растворены ценные редкие элементы: марганец, йод, золото, титан, ванадий. Еще вчера о том, чтобы извлекать эти элементы, писалось только в фантастических романах, а сегодня в Институте химии специальная лаборатория занимается поиском рациональных методов их извлечения, в другой лаборатории того же института создаются защитные покрытия для металлов, ограждающие от коррозии морской воды.

«Организация и развитие морского биологического института на Дальнем Востоке, у берегов богатейшего по своей природе океана,— главное, в чем нуждается сейчас советская биология»— эти слова академика Е. М. Крепса, переписанные на листе ватмана, висят на стене одного из кабинетов, где временно расположился Институт биологии моря. Сотрудники молодого института воспринимают эти добрые слова маститого академика не как похвалу, а как руководство к действию. На XXIV съезде КПСС много говорилось о более широком и рациональном использовании естественных ресурсов, в том числе ресурсов морей и океанов.

Этой проблеме посвящена работа и молодого сотрудника института Станислава Коновалова, удостоенная совсем недавно премии Ленинского комсомола.

Со студенческой скамьи выпускник Дальневосточного университета Станислав Коновалов заинтересовался проблемой миграции лососевых рыб. Не оставлял ее и потом, когда работал на Камчатке, и когда учился в аспирантуре, и когда пришел в молодой Институт биологии моря.

В море лососевые рыбы держатся огромными стадами. А во время нереста распадаются на многочисленные группы, и каждая отправляется только в свое озеро, в свою реку, и никакая сила не может изменить этот вековой маршрут. Но как узнать, например, какая группа направится к берегам Америки, Японии или Камчатки и Курильских островов? Велика ли она?

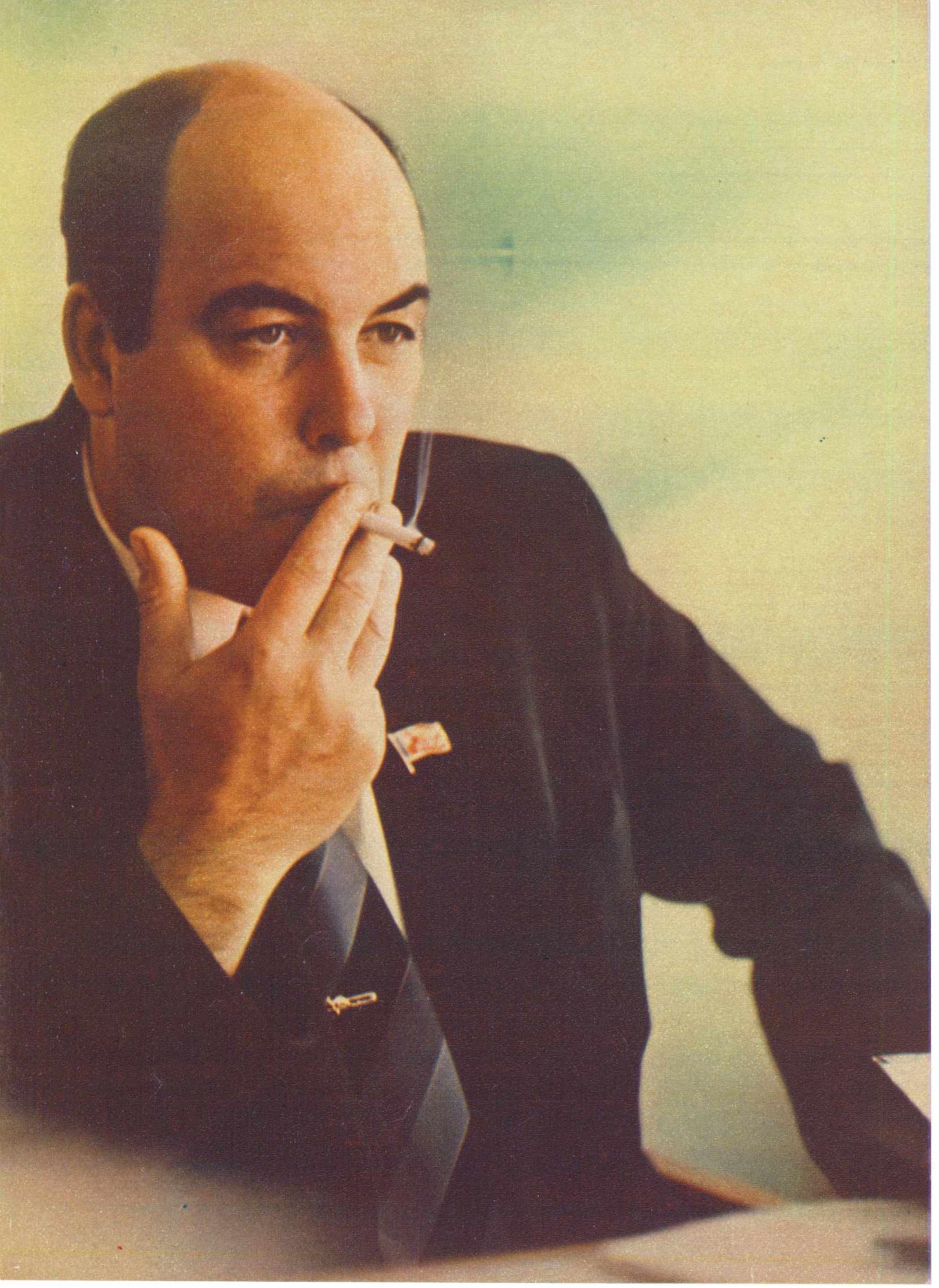
Оказывается, рыба из водоема, где она родилась и куда вернется на нерест, выносит на своей чешуе своеобразную метку, рисунок, по которому ее можно узнать.

Так ученые выясняют, сколько отдельных групп в огромном стаде, кочующем в океане, когда точно и куда точно направится на нерест каждое стадо. А это необходимо учитывать и исследователям и промысловикам.

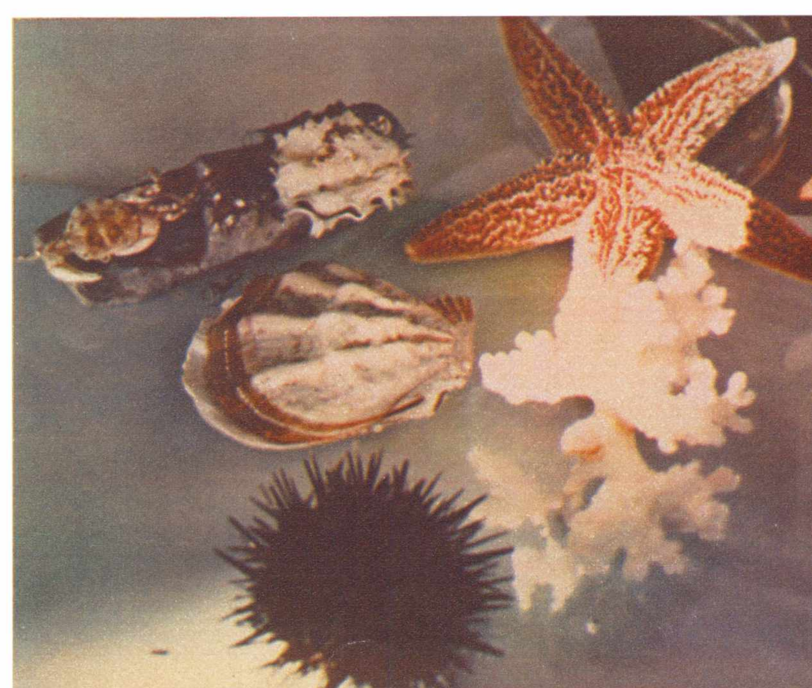
Институту биологии моря, как говорится, на роду написано заниматься «морскими» проблемами. Однако даже в такие, казалось бы, далекие от моря научные учреждения, как Институт процессов управления и Вычислительный центр, океанские ветры внесли совсем неожиданные темы и идеи.

Институт процессов управления неправдоподобно молод. Он создан 1 июня 1971 года. Средний возраст его сотрудников едва достиг двадцати пяти лет, а заместитель директора молодой коммунист Владимир Здор — секретарь комсомольской организации центра. Но именно этот молодой институт представляется особенно важным в общем комплексе научных работ, мощным ускорителем роста производительных сил.

Огромны пространства Дальнего Востока, велики его богатства. И при этом плотность населения — два человека на один квадратный

Председатель президиума Дальневосточного научного центра, лауреат Государственной премии 1971 года, член-корреспондент Академии наук СССР Андрей Петрович Капица.

Дары океана.

Кандидат биологических наук, заместитель директора Института биологии моря Станислав Коновалов удостоен премии Ленинского комсомола за 1971 год.

Вычислительный центр.

Морская экспериментальная станция ведет исследования на воде и под водой. Морские ежи — специальность Любы Мазиной.

километр! Образно говоря, каждый дальневосточник должен работать за семерых. А возможно это лишь при наибольшем развитии автоматизации, кибернетики, внедрении электронно-вычислительных машин, создании автоматизированных систем управления производством. Чрезвычайно важная проблема для всей страны здесь, на востоке, стоит наиболее остро.

Уже работает лаборатория столь популярных сейчас АСУ, создается отдел экономической кибернетики. В исследовании математиков, кибернетиков, экономистов заинтересованы различные научные, промышленные, торговые, строительные организации. Не будет преувеличением сказать, что первая научная тема, с которой начали сотрудники молодой лаборатории, самая животрепещущая для хозяйства Дальнего Востока — создание АСУ строительства. Пожалуй, нигде не предстоят столь гигантские стройки.

Дальневосточный научный центр построен так, чтобы исследователи разных институтов постоянно чувствовали взаимную творческую поддержку. И, может быть, самое главное значение института в том, чтобы математическая культура, сложный симбиоз современных исследовательских приборов с электронно-счетными устройствами настойчивее входили в лаборатории ученых самых разных специальностей, выводя их работы на новые орбиты. Вот оно, следствие научно-технической революции, родившейся в кабинетах ученых! Импульсы технического прогресса как бы возвращаются сюда в новом качестве, ускоряя темп исследований, поднимая их уровень.

У Института процессов управления есть особенность, делающая его единственным в стране. Впрочем, так и задумывалась программа директором института академиком Авениром Аркадьевичем Вороновым. Один из объектов исследований математиков — океан. Он лежит тут, рядом, диктует решения, подсказывает темы, торопит, требует. Уже разрабатываются математические модели, с помощью которых можно прогнозировать сырьевые ресурсы океана, сохранить о нем разнообразную информацию, нужную геологам, химикам, биологам.

Океан не самое уютное место для работы человека. Поэтому уже создаются автоматы, почти фантастические роботы-манипуляторы, которые отправятся на дно и поведают исследователям об увиденном.

БУХТА ТРОИЦЫ

Спускаюсь вниз по узкой отвесной лесенке. Редкие ступеньки ведут под воду. Тут, на семиметровой глубине, идут наблюдения за жизнью обитателей моря. В иллюминаторы камеры видны синие с оранжевым морские звезды. Они кажутся огромными, мягкими, бархатными. Медленно ползут черные, блестящие морские ежи, тычутся в стекло голубоватые рыбы. Что это? Рассекая воду, спускается огромное фантастическое существо. С любопытством приникаю к иллюминатору. Да ведь это водолаз! Даже зимой, когда бухта у берега покрывается льдом и к камере для подводных исследований скользишь, как по катку, не прекращаются работы. Водолазы опускаются на дно, чтобы достать для исследователей интересующих их обитателей моря. Бухта Троицы — форпост Института биологически активных веществ.

Ранней весной 1966 года приехал сюда молодой кандидат химических наук Евгений Васьковский, теперь главный ученый секретарь Дальневосточного научного центра. За ним потянулись и другие исследователи. Что привело их сюда, за триста километров от Владивостока? Ненарушенная, почти первозданная чистота воды, удивительно богатая морская жизнь: более двухсот видов животных обитает в бухте Троицы. Ученые не признались мне в этом, но я твердо убеждена, что третьей причиной, заставившей их обосноваться именно здесь, стала удивительная красота этих мест. Сиреневые в лучах заходящего солнца сопки вплотную окружают бухту. А по сопкам гордо ходят пятнистые олени, не бегут в страхе от человека, дают полюбоваться собой, знают, что находятся под охраной закона.

Первым всегда бывает трудно. Тогда, в 1966-м, не было ни зданий, ни научных приборов, ни электричества. Зимовать оставались два-три человека, мерзли, простужались, болели, но исследований не прекращали ни на день. Своими руками строили лаборатории. И построили. Сейчас в двух зданиях стоят первоклассные научные приборы, которым позавидует самый современный институт мира. Ученые из Ленинграда и Москвы считают за счастье хотя бы несколько недель поработать в этих лабораториях. Молодой и энергичный начальник станции, кандидат химических наук Вячеслав Сова сумел создать на этом «краю света» деловую атмосферу научного творчества. С наукой, как говорится, все в порядке. Но люди, работающие тут, мечтают о том, чтобы их станция попала в общие планы строительства Дальневосточного научного центра. И внимание обращалось бы не только на лаборатории, но и на жилые дома.

Я слушаю ученых и думаю о том, как было бы хорошо, если бы в наших журналистских очерках никогда рядом с описанием научных достижений не соседствовали такие слова, как «теснота», «холод», «неустроенность быта»...

Львиную долю исследований Института биологически активных веществ занимают работы, связанные с морем.

Всем известны целебные свойства женьшеня — корня жизни. Не менее популярным делается уже внедренный дальневосточными учеными в медицинскую практику элеутерококк. Но не все знают, что и в трепанге, в этой отливающей золотом гусенице, находятся родственные женьшеню и не менее удивительные для химиков вещества. А ведь еще совсем недавно считалось, что эти активные соединения (определенный класс гликозидов) характерны только для растений. Вот почему трепанг называют морским женьшенем. Уже известно, например, что некоторые из активных веществ, выделенные из животных этого класса, подавляют рост клеток, оказывают стимулирующее действие на кроветворные органы. Не надо объяснять, какое значение имеют подобные научные исследования для медицины и фармакологии...

ГОРНОТАЕЖНАЯ СТАНЦИЯ

Не только море изучают дальневосточные ученые. И землю. И человека на этой земле, то, как изменяет его хозяйственная деятельность лицо нашей планеты.

Я иду по тайге, и директор горнотаежной станции Тит Петрович Самойлов поверяет мне свои заботы.

Среди тревог нашего века одна из самых острых — тревога за погибающие растения, пересыхающие реки, исчезающих животных. Когда видишь лесные вырубки, которые тянутся до горизонта, искореженную после вывоза леса землю, озеро, превращенное в сточную канаву, с болью думаешь: неужели это непременная цена прогресса?

Беседуя с дальневосточными биологами, почвоведами, ботаниками, дендрологами, понимаешь другое: человек XX века выступает как охранитель природы, его хозяйственная деятельность сопровождается не истреблением, а возрождением.

Просто невозможно поверить, что эта тайга, которая тянется на много километров, восстановлена руками человека, что 40 лет назад здесь не было ни одного дерева, лишь унылые, выжженные огнем склоны сопок. Сейчас тут береза стоит рядом с бархатным деревом, осину обвил виноград, кедр соседствует с красными ягодами лимонника. А ниточка потянулась дальше. Голые сопки покрылись лесом, приостановилась эрозия почвы, прекратились катастрофические наводнения, вспухшие от дождя реки перестали заливать нерестилища, восстановились запасы рыбы...

Это только один пример благородной и важной для хозяйства страны работы дальневосточных биологов. Заместитель директора Биолого-почвенного института Николай Григорьевич Васильев рассказывал мне о целом комплексе научных работ, связанных с рациональным использованием лесных ресурсов, на основании которых были составлены правила рубки леса на Дальнем Востоке. Инструкция — практический итог научных исследований, выданный учеными народному хозяйству! И эта инструкция имеет силу закона! Вот оно, веяние времени, в лучшем виде социалистическая система планирования. И уже нельзя, невозможно вырвать идею ученого из живой ткани хозяйства края.

Например, еще недавно в Приморье до 90 процентов урожая картофеля поражалось вирусными заболеваниями. Это катастрофически влияло не только на урожай, но и качество: снижался процент крахмала в картофеле. Здоровый сорт картофеля практически исчез.

Ученые решили выяснить, в чем же дело. Установили, что большинство вирусных заболеваний картофеля переносится насекомыми. Возник вопрос: какими именно? После двухгодичного обследования по всем районам Приморья наметилась определенная зависимость: где больше тли, там свирепствует эпидемия вируса картофеля, где меньше — инфекция незначительна. Исследователи выбрали зону, где переносчиков заболевания почти не было. Это оказалось в Чугуевском районе, закрытом горами Сихотэ-Алиня. Здесь создали зону закрытого семеноводства. И постепенно возродили здоровый сорт картофеля, распространив его по всем колхозам и совхозам. Вот так на деле выглядит связь биологической науки и жизни.

Горнотаежная станция, которую с такой гордостью показывает мне Тит Петрович Самойлов,— старейшее академическое учреждение Дальнего Востока.

Сделанное станцией уже можно увидеть, как говорится, потрогать руками. Это и восстановленная тайга, выросшая на голом месте, и специальные агрономические методы для возделывания горных склонов, и создание фруктово-ягодных совхозов, над которыми шефствуют ученые, и плантации целебных растений, таких, как женьшень. Это и великолепный дендрарий, где растут деревья почти со всего света. Тит Петрович Самойлов задался целью — возродить на Дальнем Востоке ценные породы деревьев из Америки и восточноазиатских стран. Века назад они росли тут, остатки их находят при раскопках. А если так, значит, их можно заставить расти и сейчас...

СОПКА СОЛНЕЧНАЯ

Это название придумали те, кто здесь работает. Однако теперь сопку, на которой раскинулись павильоны и лаборатории Службы Солнца Дальневосточного научного центра, так называют все.

Крутая дорога ведет через тайгу. Подъем тяжелый. Не только с непривычки, но и для тех, кто годами чуть свет поднимается сюда встречать солнце. Особенно зимой, когда дорога покрывается коркой льда.

Владимир Федорович Чистяков, начальник станции, шагает легко, привычно. Мы с моим коллегой, фоторепортером Алексеем Ивановичем Гостевым, пытаемся не отставать, хотя с аппаратами для съемки это не так-то просто.

Поднимаемся все выше. Вот и белое здание лаборатории. Внизу причудливые сопки, покрытые тайгой, а над головою ясное, бездонное небо и только-только проснувшееся солнце, на которое нацелены все приборы. Это самая восточная точка, где исследователи первыми в стране встречают наше дневное светило.

Солнечная вахта началась.

Теперь на станции для исследователей существует только Солнце и еще раз Солнце. Оно тут со всеми своими тайнами, загадками, ослепительной мудростью, которая создала жизнь во всем ее многообразии. Оно ведает то, что хотят знать, что узнают от него люди.

Тут изучаются солнечные пятна и факелы, хромосферные вспышки, магнитные поля, радиоизлучения Солнца. Сотрудники службы подумывают о создании здесь солнечной обсерватории, самой крупной на востоке страны. И надо сказать, есть у них для этого основания. Их наблюдения передаются в Москву, они неоднократно были свидетелями довольно редких процессов на Солнце — вспышек, сопровождавшихся сильными магнитными бурями. Эти наблюдения важны для надежной навигации и для бесперебойной радиосвязи на земле.

...Ученые идут той же непроторенной дорогой, что и первые русские землепроходцы, «встречь солнцу», к Великому океану...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Николай НЕФЕДОВ

РАССКАЗ

Рисунок В. ЮДИНА.

Разъезд, на котором мы остановились, по-моему, и названия-то не имел. Помню небольшое дощатое строение, занесенное снегом, оградительные щиты, сугробы за ними, по которым стлались, извиваясь, бесконечные космы метели.

Метель мела и вдоль нашего состава. Рядом, по свободному второму пути, вихрем проносились поезда. Они неслись туда, где находился наш город.

А стоило вихрю успокоиться, как где-то далеко снова зарождался неясный шум, шум перерастал в глухой гул, явственно начинали постанывать рельсы, и неожиданно из-за поворота вырывался весь заиндевелый, задыхаясь в тяжелом беге, паровоз. Огромный, он проносился в гари и копоти с властным ревом гудка. За паровозом — открытые платформы, теплушки, платформы, платформы... Растворялся в снежной мгле последний вагон, и, успокаиваясь, покорно ложилась меж рельсов замять песка, копоти и снега.

Шел тысяча девятьсот сорок второй год. Я знал, что мы снова полезем в теплушку и мать откроет чемодан (а мы успели взять при эвакуации заранее приготовленный узел с нашим детским бельем и еще этот чемодан, в который мать успела положить продукты и еще, не знаю почему, зимнее пальто отца) и достанет из него узелок с едой.

Вот она развертывает пальто, достает узелок и, впервые не таясь от нас, не пряча запаса продуктов, разламывает краюху хлеба на три части, дает нам по куску сахара и потом встряхивает пальто и принимается надевать его поверх своего. Наши попутчики спрашивают мать, что она собирается делать, но она лишь машет рукой, подпоясывается куском того полотна, в котором были наши продукты, укутывает потеплее сестру, меня, берет в руку узел с бельем, оставляет под нарами пустой чемодан и, обращаясь ко всем, говорит:

— Здесь останемся. Доброго вам пути всем,— и кланяется.

Никто ничего не говорит ей в ответ, но все встают и помогают нам спуститься по лесенке из теплушки, перелезают вслед за нами под вагонами на другую сторону состава, стоят до тех пор, пока мы не сворачиваем за крайнюю избу. Впереди застывший в холодной дреме, словно вымерший, занесенный снегом маленький поселок.

В крайнем доме мы погрелись, мать о чем-то поговорила за перегородкой с хозяйкой, и вскоре мы снова поплелись по еле пробитой в снегу тропинке дальше, а хозяйка нас все крестила вслед.

Шли мы долго по голому полю, лощиной, по еле заметной дороге, и стало уже смеркаться, когда мы доплелись до деревни, прячущейся под боком небольшой рощицы. Но крайнюю избу мы миновали, миновали и еще две, остановились у высокого, с большими окнами нового дома.

Просторное крыльцо, просторные тесовые сени. Широкая дверь вела в большой скотный двор. Правда, во дворе было пусто, лишь в закутке жалась к стене грязно-белая коза.

В деревне много эвакуированных. Живет и у нашей хозяйки женщина с девочкой. Женщина работает в колхозе, а моей маме здесь работы подходящей не нашлось. Она устроилась в соседнем селе. Уходит она, когда мы спим, и возвращается, когда уже темно.

А спали мы много только в первые дни. Теперь же просыпаемся рано. Но лучше бы спать. Мы и стараемся спать, да вот беда — будит голод. И как нарочно сны снятся все про еду, еду, еду... Рассказывает о таких снах и моя сестра Людка, не отстает от нее и Зинка — дочь той женщины, что поселилась у бабки до нас. Я крепко зажмуриваю глаза, вижу, как бегут по полю бойцы с винтовками наперевес, мчатся впереди них танки, а мои руки сжимают крепко-накрепко гашетки пулемета: та-та-та, та-та-та. Я переворачиваюсь со спины на живот, от резкого движения подо мной старое одеяло сдвигается, холодные, жесткие кирпичи (за ночь печка остывает) возвращают сразу к действительности.

Сегодня мне особенно хочется есть. Картины боя заслоняют кусок ветчины и яйца. Это богатство я увидел сегодня не во сне, а наяву. Вначале я заметил бабку, нашу хозяйку. Она стояла в сенях, куда я выскочил по малой нужде, около приставной лестницы, видно, лазила на чердак, или, как тут говорят, на потолок, задумчивая и держала в руках чашку. Увидев меня, бабка мгновенно прикрыла глиняную чашку полой телогрейки. Но я уже успел все разглядеть: кусок ветчины, яйца — яйца успел даже сосчитать, их было пять. Я приостановился, взглянул хозяйке в лицо и заметил, как оно потемнело.

— Шастаешь без конца!

Я повернулся, забыл, зачем и выскакивал в сени, вбежал в комнату, захлопнул за собой дверь.

В доме тишина. Шепчутся только на печи девчонки, но это не мешает мне прислушиваться к тому, что делается в сенях. Что-то загремело. «Ага, лестница. Старая скряга снимает лестницу и привалит ее боком к стене вдоль сеней». Шаркающие шаги. «Понятно теперь, почему ты не разрешала мне полезть на чердак».

Несколько раз я хотел услужить бабке, слазить на чердак за сеном для козы, но хозяйка всегда сердито отмахивалась: «Сама слазию. Упадешь еще». Меня душила злость. «Жадюга!.. Гадкая жадюга...» — повторял я.

Я не скажу, что «жадюга» встретила нас ласково, но и в неприветливости ее не упрекнешь. Когда мы пришли, открыли дверь (мама было попыталась постучать, но стучала она по обивке, а солома заглушала звук) и остановились, заиндевелые, у порога, бабка тут же принялась раздевать сестру. Раздевая, сердито покосилась в мою сторону, и я снял шапку, шарф... Мать попыталась что-то сказать, но бабка жестом остановила ее:

— Потом. На печь сажай!

Сажать, вернее, подсаживать, на печь пришлось одного меня. Сестра, лишь только ее раздели, тут же уснула, и ее уложили, сонную, в кровать. Потом старуха помогла матери стянуть отцовское пальто, вышла с ним за дверь, вытряхнула набившийся снег, вернулась. Мать тем временем тоже разделась и прижалась к печке спиной. Одежда наша валялась у порога.

— Одежу в чулане развесь,— сказала бабка матери, не взглянув на нее, и тоже ушла в чулан, принялась греметь чугунами.

— Как величать-то тебя?

— Милой.

— Это что ж за имя такое? Маланья, что ль?

— Простите. — В голосе матери слезы. — Меня Людмилой зовут. А это... муж так...

— Ну-ну, — голос старухи. — Есть из чего слезы лить. Людмила так Людмила. Садись щец хлебни да мальца покорми, если не сморился еще.

— Сынок! Саша! — позвала мать.

Но я не откликнулся, я не мог ответить, меня сморили усталость и тепло.

Утром я проснулся рано. Разбудили голоса: громкий старухи и тихий матери.

— Сама видишь, хоромы у меня почти барские, да живу я не ахти. — Старуха повела рукой от двери к чулану, печке, на которой я спал в ту ночь, к большой деревянной кровати, за которой была вторая большая комната — горница, закрытая на зиму, указала на часы с боем, на самодельный комод, широкую лавку под окном и легла на стол, за которым они сидели с моей мамой. — Говоришь, музыке учила ребят. Это хорошо. Только у нас ей, музыке-то, отроду не учили. У кого охотка есть да струмент под рукой — сам научится. — И тут же строго, убежденно: — По теперешнему времени о музыке грех говорить. Смерть по земле ходит без роздыху.

Старуха, маленькая, сухонькая, пожевала синими, бескровными губами, склонилась к столу, разглаживала узловатыми пальцами стертую клеенку.

— Идите, родимые, к соседке. К Макарихе. У нее и дом теплей и жиличка одна давнишняя, учителка, еще перед войной приехала.

— А пустит? — робко спросила мать. Она сидела у окна. — Мне на разъезде к вам советовали...

— Советовать можно. Кума Арина знает одно, что дом новый, а...— Она махнула рукой. — Был старик жив, царство ему небесное,— старуха перекрестилась на угол,— дело другое. А так мы в дом все вложили, коза на дворе осталась. Да дело и не в козе, была бы картошка, а то и той не густо. Не знаю, чем кормиться будем...

— Я работать буду,— сказала мать.

Старуха долго молчит, потом говорит:

— Я к тому, девонька, у Макарихи оно посытнее вам будет. А работать, что ж, без работы нельзя, только музыке-то учить некого.

— Аграфена Петровна... — начинает мать, и тут я не выдерживаю.

— Мама, мама! — соскакиваю я с печи. Никогда не забуду, как больно ушиб пятку о пол. — Мама! Пойдем к Макарихе, пойдем, не проси ее!

Хватаю одежду, помогаю испуганной Людке слезть с кровати, и вдруг цепкая рука больно сжимает мое плечо, я вскидываю голову и вижу над собой такое сейчас ненавистное для меня морщинистое лицо бабки с носом пуговкой. Мне нечем отцепить от своего плеча бабкины пальцы, и я пускаю в ход зубы.

— От звереныш!— Старуха отдергивает руку, и тотчас же ее сухие костяшки пальцев больно ударяют меня в лоб.

— Яга! — кричу я и выскакиваю за дверь.

Я не знаю, о чем говорили старуха и мать, пока мороз сушил мои слезы, но открывается дверь, и ласковые материнские руки втаскивают меня в тепло, я вижу мать уже без пальто, сестра за столом, и перед ней горка горячей, рассыпчатой картошки.

— Ешь садись, ерой! — В голосе хозяйки ни ласки, ни приветливости.

Я отворачиваюсь и отталкиваю руку старухи.

— Ешь,— повторяет хозяйка. — Макариха-то тебе за укус всыпала бы почем зря, а я вон картошкой угощаю. Хе. — И не поймешь, смеется или плачет.

— Нужна мне ваша еда,— отвечаю я, а запах горячей картошки так и бьет в нос.

— Садись, сынок,— говорит мать. — Мы у Аграфены Петровны останемся.

Я сажусь на кончик лавки у стола. Все едят. Руки у старухи крупные, со вздувшимися венами, пальцы скрючены, и вижу я рукав кофты с заплаткой на локте, еще я рассмотрел, не знаю почему, на рукаве две пуговки — одна маленькая белая, другая стеклянная синяя с рубчиками, и я подвигаюсь ближе к столу, беру первую картофелину, обжигаясь, без соли и хлеба, торопливо ем.

...Так мы и остались в этом доме. Спим на печи я, сестра и Зина, бабка на казенке — деревянной пристройке к печи, на кровати тетя Лена, мать Зины, и моя мама.

И все вроде наладилось у нас. Вчера тетя Лена принесла почти полмешка проса, сказала весело: «Живем»,— а вечером моя мама положила на стол несколько крупных синеватых кусков сахара, буханку хлеба и целый пакет крупного гороха. Все мы сидели за столом, пили чай, смеялись. Испортила все опять бабка. Когда Людка попросила сахару и потянулась еще раз к мелко наколотым кусочкам, старуха сказала: «Хватит!» — убрала со стола сахар, горох, хлеб и спрятала в чулане.

Ужин закончился, все разошлись по своим местам, лишь старуха, погремев посудой в чулане, становится на колени посреди пола лицом к углу, где под потолком висят иконы и в середине их красуется новая, самая большая. На ней нарисована мужская голова с длинными волосами. Лицо суровое, нос тонкий и черные навыкате глаза.

— Кормилец ты наш и заступник,— шепчет старуха. — Спаси, господи, раба твоего Григория! Дай ему, господи, силу, чтоб врага одолеть своего. Дай ему, Иисусе...

Далее бабка шепчет все громче, торопливее. Я с трудом разбираю ее слова. Заканчивала она молитву всегда одинаково. Истово ударяла сложенной щепоткой пальцев в лоб, живот, плечи, кланялась низко и шептала что-то в пол, и я различал только отдельные слова или их окончания. Десь или донесь. Воз дам или воздам. Хлеб насущный или хлеб несущи. В конце концов я решил, что старуха просит дать ей воз хлеба и она даст его нам. Довольный бабкиной просьбой, я засыпал, а утром повторялось все то же: маленький, крошечный кусочек хлеба и картошка в мундире. Хлеб я съедал сразу, картошку жевал медленно и с ненавистью смотрел в носатую рожу того, кому бабка каждый день клала земные поклоны.

И вот сегодня эта история с ветчиной и яйцами. Я забрался на печь, слушал, как бабка выпроваживала на улицу Людку с Зинкой, и мысленно решил, что я-то гулять ни за что не пойду.

— Иди и ты пройдись,— обращается ко мне старуха.

Я молчу. Старуха постояла, потом снова:
— Пойдешь на улицу, неслух?

Молчу.

— И-эээ-х,— вздохнула старуха и отошла от меня, загремела посудой.

Слышу, бабка принесла дрова, растопила печь, что-то зашипело на сковородке, загремели ухваты, чугуны. А потом поплыли такие запахи, что у меня закружилась голова, и я не выдержал, отполз в угол, протиснулся, крадучись, за трубу, где между трубой и стеной было пустое пространство, заглянул в чулан. То, что я увидел, заставило меня от удивления зажмурить глаза. На деревянной подставке лежали горкой румяные, пышные блины, и старуха окунала пучок перьев в блюдечко с маслом, мазала их поверху, складывала вчетверо и, опуская в чугунок, приговаривала: «Потомитесь, милые, потомитесь». Потом прикрыла чугунок сковородкой, достала с полки кусок ветчины, принялась резать на ровные доли, раскладывать на тарелке. Тарелку накрыла другой тарелкой, поставила на окно. Потом взяла ухват, достала еще чугун, сбросила сковородку с него и подцепила половником большущий кусок мяса. Больше я смотреть не смог, спрыгнул с печи на пол и начал одеваться.

— Пойду погуляю!

— Иди, иди! — обрадовалась старуха.

Слонялся я до самой темноты. Видел, как прошла с работы тетя Лена, видел и свою мать, обметавшую у дома валенки от снега, слышал, как звали в дом девчонок, но я все не шел. Я хотел прийти уже к накрытому столу.

Когда, по моим расчетам, время такое наступило, я поднялся не торопясь на крыльцо, бесшумно прошел в сени и рванул дверь. Бабка, наклонив голову, тихая и какая-то отрешенная, словно кого-то ожидая, настороженно сидела на лавке у печи.

— Что ты так долго? — спросила мать.

К горлу подкатил ком, я торопливо лезу на печь. Меня душат злость и обида. Мать тяжело вздыхает. Вздыхает и старуха, встает, одевается и уходит. Вот проскрипел снег под подошвами ее валенок, и теперь только слышен шепот тети Лены: она рассказывает девчонкам сказку.

...Проснулся я и сразу догадался: пока я спал, что-то случилось. Что, я не знал, но что-то случилось... Обычно в избе горел подслеповатый «маргасик» — самодельная лампа из пузырька, жестянки и тесьмы,— вечно коптящий и освещавший только крышку стола, теперь под потолком ярко горела семилинейная со стеклом лампа. Стол накрыт чистой скатертью, и от скатерти белой, от яркого света сразу охватило меня ощущение праздничной приподнятости. Я привстал и увидел на столе знакомый чугунок с блинами, от которых шел пар, тарелку с ветчиной, пять яиц, большую горку хлеба и еще чашку капусты и рядом с ней припотелую бутылку, запечатанную сургучом.

— Садитесь, милые,— приглашает старуха мать и тетю Лену.

— Может, посидим еще,— говорит тетя Лена.

— Чего же сидеть, дорогие,— говорит старуха и первой идет к столу. — Пусто вот здесь стало,— показывает на грудь. — Походила по морозцу, за околицу, по дороге на станцию прошла, и сошло с меня наваждение. А все эти дни сердце так и колотилось, так и колотилось. Сама разумом-то понимаю, пустая надежа моя. Где ему появиться, коль под самым Сталинградом он, бои страшенные идут. А приснился сон позавчера, будто сегодня он заявится, да так ясно привиделся. Входит в дверь вот эдак,— старуха идет к двери и показывает, как он будто бы входит,— снимает с плеча мешок заплечный, скидывает на лавку вот эту шинель, шапку от снега выбивает о колено, всегда он так делал, и говорит: «Не ждала, маманя?» А я, дура старая: «Не ждала»,— отвечаю. Обнял он меня, и... проснулась я, голова дурная. Проснулась, рассвело уже. Ведь у него же завтра день рождения, думаю, а вдруг сон в руку? Схватилась — да к Макарихе. Она как раз печь собиралась топить. Погадай, говорю, соседушка, сон видела. Раскинула та карты, и ничего я о сне-то ей не говорила, а она мне: свидание тебя ждет, старая. У меня сердце так к горлу и подкатило. — И она приложила к глазам платок. Платок на ней был новый, белый в горошину, длинная новая юбка и широкая кофта, синяя, с оборками на поясе.

— Ну, ладно, ладно,— успокаивает старуха саму себя и плачущих мать и тетю Лену. — С чего мы будем слезы лить? У них, чай, тоже сердце чует, когда мы мокроту разводим.

Может, я неловко повернулся и старуха услышала, может, просто вспомнила обо мне, но она вдруг вскинулась и подошла к лежанке.

— Я так и почуяла, что не спишь ты, соколик. Вот и славно. Садись с нами за стол.

Я не знал, как мне поступить.

— Слезай, Саша,— позвала мать, и я слез, сел за стол.

— Будешь ты у меня, Александр, заместо гостя желанного,— говорит старуха и подвигает ближе ко мне блины, яйца, ветчину, хлеб. Берет со стола бутылку.

— Может, побережешь водку, Аграфена Петровна? — сказала мама.

— Нет, подружка. Примета плохая. — И с этими словами она бьет ладонью в дно бутылки, говорит: — Мастак был старик, царство ему небесное.— Пробка ударилась в стену. Аграфена Петровна подвинула поближе рюмки, наполнив их. — А придет Гриша с войны, в Митрево сбегаю. Мне Маняшка в ночь-полночь магазин откроет. — И подняла рюмку. — Выпьем за здоровье моего Григория Семеныча. Двадцать пятый ему сегодня пошел. Один он у меня, первый и последний. Ешь, милок.

Все выпили и потянулись к закуске.

— Ешь,— повторила старуха, и я увидел близко когда-то, наверное, очень глубокие, теперь выцветшие, добрые и совсем беззащитные глаза.

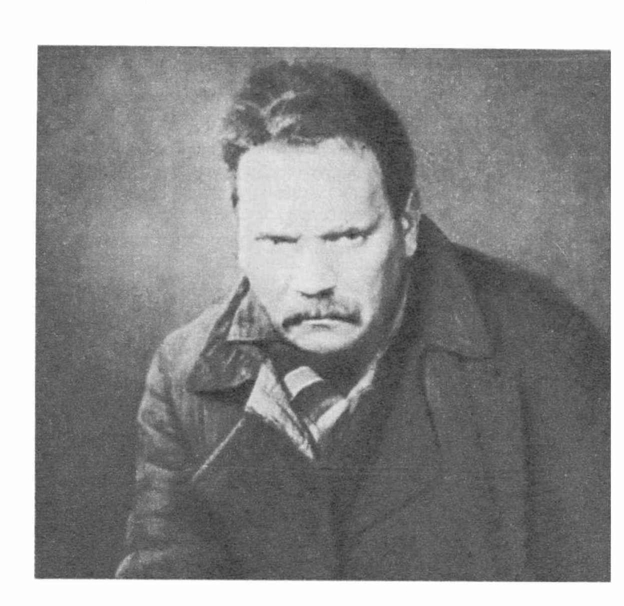
Н. ТОЛЧЕНОВА

СЛ
О ГРИ

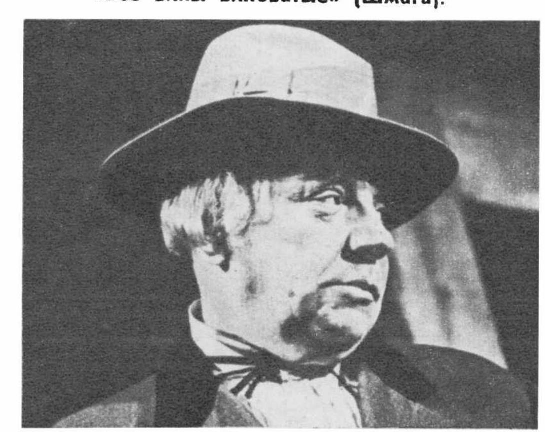
«Село Степанчиково и его обитатели» (Опискин).

Когда Московское телевидение, к удовольствию зрителей, как-то показало давний фильм-спектакль по пьесе А. Н. Островского «Без вины виноватые», мы увидели там многих знаменитых, всем известных мхатовских актеров... И глядя на них, на тогдашние их — такие молодые и красивые — лица, фигуры, движения, иные зрители радовались, заново переживая собственную юность, а иные взгрустнули, невольно отмечая беспощадную власть времени... Но вот среди шумной толпы героев фильма-спектакля появился Шмага — нельзя сказать, чтоб всеобщий любимец, однако все же человек никому не безразличный, поскольку наделен он редким и своеобразным неравнодушием к людям, ко всему окружающему, острым чувством жизни, правды, справедливости...

И тут все увидели, что играющему Шмагу актеру словно и сегодня не страшны стремительно бегущие годы, хотя отмечает он свое семидесятилетие... Шмага современен. Он привлекает своей неуступчивостью, неприятием отвратительного ему подхалимства, заискивания, пресмыкательства. Шмага ироничен, насмешлив, умен.

«Без вины виноватые» (Шмага).

ОВО БОВЕ

Фото И. АЛЕКСАНДРОВА.

«Три сестры» (Чебутыкин).

◀ «Русские люди» (Глоба).

«Мертвые души» (Собакевич).

Это народный артист СССР Алексей Николаевич Грибов.

Художник неповторимый — как все вообще «старые» мастера МХАТа,— Грибов переиграл на сцене и экране множество ролей, которые обычно именуются характерными. И как же щедро, как могуче расширил актер границы амплуа, какую глубину жизненных, социальных и психологических наблюдений вобрали в себя созданные им типы, став поистине выразительнейшими образами эпохи, их породившей! И в то же время каждый грибовский герой, позволяя нам ощутить весь тот мир, в котором он живет, все его отношения и связи, существует в нем вроде бы самопроизвольно, подчиняясь лишь велениям своей собственной человеческой индивидуальности, своим душевным законам, своим представлениям о добре и зле, но прежде всего — особому направлению, особой природе актерского дарования: его редкой и полной, многообразной демократичности.

Думается, меньше всего возможно делить огромный грибовский репертуар, роли, сыгранные актером, на положительные и отрицательные. При всей полноте, монументальности, исчерпанности каждого образа артист поражает многогранностью внутренней жизни своих героев, раскрывая в простом, казалось бы, явлении сложное, в обычном — незаурядное, в маленьком, мелком — огромное, волнующее, поразительное...

Назову лишь три грибовских персонажа, без которых не полны будут ни история МХАТа, ни сценическое воплощение Чехова, Гоголя, Достоевского. Это Чебутыкин в «Трех сестрах», Собакевич в «Мертвых душах», Фома Фомич Опискин в «Селе Степанчикове»... Само собой, можно вспомнить еще многое множество других персонажей, да и в кино у Грибова есть роли, пожалуй, не меньшие по значимости, по силе творческого перевоплощения. И все же, наверное, Чебутыкин прежде всего становится вершинным художественным достижением Грибова, выражая главную силу наиболее поразительных его духовных взлетов.

Чебутыкин у Грибова — это чеховская пронзительнейшая скорбь о Чебутыкине.

За этим вроде бы даже не очень заметным человеком-неудачником у Грибова стоит неизбывная скорбь обо всех хороших людях вообще, которым жизнь того времени, неправедный общественный строй не дали хода, обокрали, обидели... Тесно, душно им среди скверны мещанского засилья, плохо от мещанского напора, жестоко ломающего человеческие судьбы, отношения.

Без Чебутыкина — Грибова с его горчайшим одиночеством и неустроенностью, с его великой отрешенностью от себя самого, с его вполне беспомощной, а потому особенно мучительной, жертвенной любовью к сестрам Прозоровым мир чеховского спектакля на сцене МХАТа был бы не полон, не завершен. В нем — и горестное провидение дальнейшей судьбы трех сестер, и понимание неизбежной духовной ломки Андрея Прозорова, и то заглушаемый, то искусно подчеркиваемый Грибовым яростный протест против мерзостей мещанства. Ради сестер Прозоровых, ради счастья этих хороших людей да и вообще ради необходимого человеку душевного света живет на земле Чебутыкин Грибова. И примером самоотвержения, примером нравственной красоты, примером пожизненного добровольного служения своего людям учит нас добру.

Чебутыкин Грибова — это классика МХАТа, одна из лучших страниц, составляющих прекрасную творческую историю театра. И это отнюдь не просьба, а требование актера-современника, призыв всего театра, обращенный к нам, зрителям, взглянуть на жизнь — пусть изменившуюся, идущую по другим законам — с чеховской, такой близкой нам этически позиции гуманизма и справедливости.

Современность, строительство новых, коммунистических отношений и сегодня немыслимо без такого вот могучего духовного влияния искусства. Оно продолжает воспитывать нас. И не прямой назидательностью, а силой таких вот сложнейших внутренних открытий, буквально переворачивающих зрительскую душу.

Но разве меньше значат для нас творческие грибовские открытия в образе Собакевича?!. Он и страшен и мерзок, этот обрюзгший, опустившийся внешне и внутренне дикий барин, символизирующий у Гоголя тупость, бездумие, ограниченность крепостнической России... Но вот удивительное дело — где-то, глядя на эту страшную фигуру, на это лицо, лишенное малейшего проблеска мысли, вдруг начинаешь не то что жалеть этого человека — конечно, нет! — но думать о том, что ведь и он был обездолен в той жизни — обокраден, убит ею, ибо та жизнь не дала ему стать человеком, помешала ему, обобрала его... И тут грибовский талант заставляет нас вспомнить потрясающую по своей значительности мысль Маркса о том, что всякий эксплуататорский, бесчеловечный по отношению к людям общественный строй обязательно отнимает человечность еще и у самих эксплуататоров, угнетателей... Собакевич Грибова заставляет ощутить мерзость любого нерассуждающего властолюбия, любого нежелания жить духовно... В этом остром сатирическом портрете все человеческое вроде бы давно уж окаменело, застыло, погасло — нельзя более и надеяться, наверное, что живая жизнь одолеет, разрушит непробиваемый панцирь тупого самодовольства и еще более тупого безразличия к окружающему. Но нет, оказывается, и это воплощение зла, бездуховности может что-то чувствовать, чем-то волноваться. Иначе мы ведь остались бы безразличными к Собакевичу, он стал бы для нас всего лишь неким памятником, мертвой глыбой зла. А искусству театра — именно театра! — вечно живому, обновляющемуся, движущемуся, памятники не нужны.

Еще больших высот достигает Грибов в «Селе Степанчикове».

Русский Тартюф, неистощимый на интригу, клевету и выдумку, несравненный мастер злого, корыстного притворства, Фома Фомич Опискин становится у Грибова обобщающим явлением эпохи изолгавшейся, наторевшей на обмане, доведшей умение двурушничать и подличать до степени высочайшего мастерства.

Он ведь не просто хлопочет о пожизненном куске хлеба в селе Степанчикове, этот Опискин, блистательно сыгранный Грибовым... Неустанно, старательно завоевывает он еще и необходимый ему почет, признание, стремится безоговорочно утвердить свою власть над бесхитростными, недалекими, простодушно приютившими его людьми... И тут только диву даешься, глядя на маневры Грибова — Опискина, на все его неистощимые психологические «заходы»...

Лицемерие Фомы Фомича таково, что в какой-то момент видишь, как этот «герой» двуличия и лжи вдруг сам начинает себе верить, хотя в то же время он прекрасно знает, что называет белое черным, а черное — белым, когда искусно сталкивает и ссорит людей из-за своей выгоды, когда отнимает у окружающих счастье, привязанность, любовь, дружбу...

Как же надо знать жизнь, знать театр, искусство, чтобы могли появляться такие образы, думают зрители, встречаясь с работами несравненного артиста. А это так и есть. Коммунист, рабочий человек и по профессии и, как говорится, по происхождению, А. Н. Грибов начинал в 1919 году свою актерскую жизнь в самодеятельности. Отец его был на фронте, и уже в четырнадцать лет Алексею Грибову пришлось поступить на шелкоткацкую фабрику, помогать семье. Увлечение искусством было, однако же, так сильно, что побеждало и усталость и недоедание.

Школа-клуб Замоскворецкого района в Москве, где будущий артист впервые пробовал свои силы в сценических самодеятельных опытах, выявила и его несомненный талант, и темперамент, и такую приверженность к творчеству, которая уже сама по себе обозначает незаурядность, силу натуры художественной.

В 1924 году Грибова приняли в школу МХАТа — сразу на третий курс... И вот тогда, расставшись с шелкоткацкой фабрикой, начал он свою новую жизнь, учебу у Станиславского и Немировича-Данченко.

Жизнь эта представляется образцом актерской судьбы. И не просто актерской вообще, но именно советской, современной судьбы, когда человек труда, отдав себя целиком творчеству, как бы в ответ оказался вознесен этим творчеством на самые вершины актерского счастья. Такие вершины, где признание становится всенародным...

Время не гасит живого интереса общественности к этой волнующей и жгучей проблеме. Свидетельство тому — почта нашего журнала. Читатели «Огонька» задают много «почему» и спрашивают, между прочим: не отстаем ли мы в этой области от достижений зарубежных хирургов?

Наш корреспондент А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ вновь беседовал[1] по этим вопросам с видным советским ученым, хирургом-экспериментатором, руководителем лаборатории пересадки органов, академиком Академии медицинских наук СССР и ее вице-президентом, профессором ВЛАДИМИРОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ КОВАНОВЫМ. Предлагаем вниманию читателей запись беседы.

И ВСЕ-ТАКИ: КАК С ПЕРЕСАДКОЙ СЕРДЦА?

ВОПРОС. После окончания проходившего в Москве XXIV конгресса Международного общества хирургов вице-президент Чехословацкой и президент Словацкой Академии наук академик К. Шишка в ответ на вопрос: «Какое направление в области хирургии сердца он считает наиболее перспективным?» — твердо заявил: «Конечно, пересадку сердца!» И добавил, что, несмотря на основное препятствие — реакцию отторжения,— он смотрит «на проблему пересадки весьма оптимистично». Разделяете ли вы это мнение?

Ответ. Такова позиция и ряда других видных ученых. Американский хирург профессор Норман Шамуэй, выполнивший 21 пересадку сердца, высказался еще более определенно. Он заявил, что придает таким операциям «огромное значение» и уверен, что «будущее медицины тесно связано с этим методом». По всей вероятности, вы не ждете от меня однозначного ответа на свой вопрос, но хотите услышать аргументы. Ну что ж, трудно что-нибудь возразить уважаемым коллегам. Особенно после того, как мне довелось увидеть цветную киноленту, которая шаг за шагом, документально воспроизводит все детали операции пересадки сердца, с техническим блеском и безупречностью осуществленной академиком Карелом Шишкой.

Вы тут же, конечно, спросите: а как больной? Вскоре, к сожалению, умер. Повторяю: несмотря на всю безупречность техники вмешательства. И в этом парадоксе, если хотите, суть всей проблемы: человек умер, а оперировавший его врач полон оптимизма, считает, что путь для лечения подобных больных избран единственно правильный.

В основе позиции Карела Шишки и Нормана Шамуэя лежат два теперь уже неоспоримых факта: изношенные, искалеченные болезнью или травмой, необратимо измененные сердца людей можно и должно заменять. Техника, методика подобных операций до деталей отработаны, даже унифицированы: примерно на уровне предсердий отсекается поврежденный участок мышечного аппарата, а к остающейся части сердца, которая опирается на «корни» главных сосудов и нервов, пришивается другой «купол». Так или почти так делают во всех 20 странах, где производили подобные вмешательства. Такая операция вполне доступна сегодня высококвалифицированному хирургу, который вообще оперирует на сердце.

Скажу далее, пусть с некоторой натяжкой, что вопрос о доноре, о том, у кого и когда можно взять сердце для пересадки, тоже теоретически более или менее ясен. У кого? Только у того, кто в нем заведомо наверняка больше не нуждается! Когда? В тот момент, когда ни у кого из специалистов нет и не может возникнуть сомнений, что данное сердце полностью отслужило своему исконному хозяину, но еще способно «постучать» в чужой груди. Насколько мне известно, против такой формулировки никто не возражает. Функциональная способность пересаживаемого сердца ныне поддается определению. Пока, правда, путем опытной оценки, но достаточно приближенно к истине. Не сомневаюсь, что инженеры, физиологи, кибернетики в творческом содружестве создадут контрольные аппараты, которые будут давать прогноз с математической точностью. Однако и то, что есть, устраивает пока клиническую практику.

Сложнее, гораздо сложнее — это может показаться странным, но такова истина — предугадать, как поведет себя пересаженное сердце на новом месте, в новых условиях. Только для недостаточно осведомленных людей сенсационной неожиданностью, неким откровением прозвучало выступление в английском журнале «Лэнсет» патологоанатома кейптаунской больницы Хроте-Схюр доктора Томпсона. Он установил, что за 19 с половиной месяцев новое, молодое и совершенно здоровое сердце, пересаженное Блайбергу профессором Кристианом Бернардом, претерпело от «сотрудничества» с больным организмом такие сильные изменения, каких Томпсон, по его словам, «не видел ни при одном из вскрытий за всю свою сорокалетнюю практику». Увы, несмотря на все могущество современной медицинской техники, хирург не может с достаточной точностью учесть потенциальные возможности и степень «сопротивляемости» всех жизненно важных органов и систем реципиента — его легких, печени, почек, сосудов и др. Я имею в виду пока не реакцию отторжения — о ней потом, а тот плацдарм, то окружение, в котором с первых же минут должен начать перекачивать кровь новый «насос». Идеальным был бы, конечно, вариант: сердце вышло из строя, его надо менять, а все другие органы в полном порядке. Но это только розовая мечта. «Тень» от плохого сердца неизбежно ложится на весь организм. Надеяться хирургу остается лишь на то, что сумерки эти не слишком сгустились и свежий ветер еще в состоянии разогнать тучи.

Вы меня вновь спросите: где же тогда основания для оптимизма? Ни одна из известных медицине операций не спасает, как вы понимаете, всех до единого больных, даже при аппендиците и грыже. Нет, следовательно, оснований требовать стопроцентного попадания при пересадках сердца. Есть все основания отказаться от мрачного пессимизма при взгляде и на «девятый вал» опасностей — пресловутую реакцию отторжения. Биологическую несовместимость тканей можно если не побеждать окончательно, то пока откладывать, отодвигать на более или менее отдаленное будущее. Известно около тридцати признаков, по которым ткани должны соответствовать друг другу. У нас в СССР да и в других странах созданы особые панели, позволяющие определять степень тканевого родства, а значит, и с гораздо большей точностью подбирать донора и реципиента. Но в операционные всегда неудержимо вторгается время, власть трагических минут и секунд. Когда в результате катастрофы появляется возможность взять для пересадки бьющееся сердце, у врачей не оказывается в резерве почти никакого времени для раскладывания тканевых «пасьянсов». Но, во-первых, кое-что можно все-таки в этом плане сделать и сегодня, во-вторых, многое сулит применение электроники, кибернетики. Я убежден, что электронно-вычислительные машины помогут нам выиграть время в благородной битве со слепым инстинктом отторжения.

Сразу же следует уточнить: боюсь, что у широкой публики, читающей научно-популярные статьи на эту тему, могло сложиться превратное мнение об этой самой реакции тканевой несовместимости. Истина требует восстановить ее «реноме». В процессе тысячелетней эволюции организм человека выработал этот замечательный защитный механизм, позволяющий нам справляться с бесчисленным множеством опасностей, с атаками возбудителей всякого рода инфекций. Без этой защитной реакции человечество наверняка бы погибло! Но эволюция «не знала», что организму когда-нибудь потребуется мирно сожительствовать с чужими органами. Теперь приходится «доучивать» эту биологическую реакцию, делать ее зрячей, умеющей обрушивать всю свою силу против подлинных врагов и в то же время щадить чужой белок, заключенный в трансплантируемых органах, не ожесточаться против него. Сложная задача! Кое-какой инструмент для ее решения уже создан. В последние годы все бо́льшие надежды возлагаются на особые иммунные биологические сыворотки, у нас они известны под названием «АЛФ». Я верю, что сочетание их с химическими и лучевыми агентами уже в ближайшие годы позволит людям с пересаженными сердцами жить по крайней мере десять лет. Сейчас вольно или невольно эта проблема вышла из круга интересов одних только врачей, над ее решением бьются иммунологи, биологи, физиологи, патоморфологи, гистологи, биохимики, физики, математики. Где будет прорвана цепь? Не знаю. Но ее прорыв предрешен, и тогда «заодно» окажутся расшифрованными многие жизненно важные процессы, протекающие в ядре и протоплазме клетки, возникнут возможности властного, разумного управления ими. Генетики уже сейчас готовы к «ремонту» отдельных компонентов гена и даже к замене целых участков генети-

[1] См. «Огонек» № 16 за 1968 год и № 7 за 1969 год.

ческой ветви. Словом, мы на пороге значительных событий.

ВОПРОС. Известно, что в мире сейчас живут сорок человек с чужими сердцами. Двое из них — 51-летний француз, коммивояжер, отец троих детей Эманюэль Витриа 27 ноября 1971 года отметил трехлетие своего «второго рождения», а житель Индианаполиса (США) Луис Рассел, в груди которого бьется сердце погибшего 17-летнего юноши, уже перешагнул этот рубеж. Оба ведут полноценный образ жизни — водят автомобиль, плавают, много ходят и т. д. Трудно поверить, что наши хирурги не готовы к таким вмешательствам. Чем же объяснить в таком случае, что в СССР до сих пор они не производятся, а единственная попытка пересадить сердце, предпринятая академиком Академии медицинских наук СССР А. А. Вишневским, окончилась неудачей?

Ответ. Есть хорошая русская пословица: «Одна ласточка весны не делает». Я это к тому, что несколько разрозненных удач не снимают всех сложных и трудных вопросов. Мы, конечно, очень рады и за этих больных и за наших зарубежных коллег, добившихся успеха. Но давайте задумаемся над цифрами: в течение первого года, после того, как мир был взбудоражен блестящими успехами профессора Бернарда, было сделано около ста пересадок сердца, и вокруг них поднялся невообразимый шум и ажиотаж. Многие хирурги, подхваченные общественным потоком, устремились в нововявленный «клондайк». В последующие два года пыл начал явно остывать и было произведено тоже около ста операций. Сегодня можно назвать имена замечательных специалистов, которые, произведя одну или две пересадки сердца, не видят пока возможности их повторять. Даже виднейший хирург Франции профессор Шарль Дюбост, сделавший три операции, в том числе и получившую мировую известность пересадку сердца аббату Булоню (он прожил примерно столько же времени, сколько и Филип Блайберг), даже этот признанный мастер недавно заявил: «Теперь мы поняли, что большое количество пересадок, проведенных за сравнительно короткое время, не было оправдано научным состоянием проблемы. Я бы сказал: слишком много было сделано слишком быстро».

Известно, что наилучший результат при пересадках достигается только в случае, если берется живое, деятельное, бьющееся сердце, а не то, которое умолкло и потом было усилиями реаниматоров разбужено. Даже если оно и забьется вновь в чужой груди, никто не может дать никаких гарантий: надолго ли?

Представьте себе операционные, в которых два пока еще живых человека. Один из них умирает от несовместимой с жизнью травмы черепа. Умирает, но еще не умер. И вот надо где-то на крайней точке таинственного, пока еще не познанного «Морзе», отважиться сказать: «Вот это мгновение!» В таких исключительных обстоятельствах решение не облегчают ни высокое профессиональное мастерство, ни безупречная честность. Хирург остается человеком, он не может забыть, что совсем недавно другой виднейший советский хирург, тяжко заболев, 57 раз переступал грань клинической смерти и 57 раз был возвращен в жизнь. Он и сегодня среди нас — сущих! А что если бы кто-то замахнулся тогда на его сердце?..

Могут сказать: «То сердце! Но если уж разрушен головной мозг, если электроэнцефалограмма безнадежно вытянулась в прямую и ничто не может вдохнуть даже искорку жизни в нежнейшие нервные клетки, что тогда?..» Отвечу словами члена-корреспондента нашей академии Н. М. Амосова: «Я помню, как у нас в клинике после неудачной операции три месяца жила больная без коры. Она дышала, у нее работало сердце, но кормили ее через зонд, никаких признаков сознания, и на электроэнцефалограмме прямая линия». Поднимется ли чья-нибудь рука взять у такой или подобной больной сердце, даже во имя спасения другой жизни?!

И вот этот-то психологический, а не медицинский барьер пока менее успешно преодолевается в нашей стране. Я уже имел случай изложить читателям «Огонька» причины сравнительно быстрой гибели 25-летней больной П., которой академик А. А. Вишневский пересадил сердце.

Некоторое время назад печальная неудача при такой же попытке постигла и другого хирурга, члена-корреспондента нашей академии Г. М. Соловьева. А ведь на его счету сотни самых сложных операций на сердце, закончившихся самым лучшим образом! Он решился произвести трансплантацию только после того, как многократно, досконально, со всех мыслимых точек зрения установил: донор уже не жилец на этом свете. Однако и сердце к тому моменту тоже успело остановиться. Надо бы начать пересадку чуть раньше, но не позволили соображения морали и долга, высшей врачебной этики.

Не хочу быть понятым превратно — это не значит, что другие хирурги, добившиеся больших успехов, преступили в чем-то этические, правовые, просто человеческие нормы. Я далек от этой мысли. Просто в разных странах, в разных условиях существуют свои законы, диктующие хирургу: действуй!

Пройдет время, и мы лучше, глубже познаем самые тонкие механизмы жизни сердечной ткани и найдем способы растягивать процесс ее умирания на дни, а может быть, и на недели после смерти самого больного. А до того, пока все острые вопросы не решены наукой, операции на сердце не могут быть введены в сколько-нибудь широкую практику. Нет, наверное, и смысла в лоб преодолевать психологический барьер, основанный на представлении о бесценности жизни. Пусть всякий раз такое решение будет делом совести хирурга, консилиума специалистов и согласия ближайших родственников обоих больных — ни мешать, ни подталкивать кого-либо из них под руку не следует.

Проходивший в Москве Международный конгресс хирургов тоже отнесся к этой проблеме сдержанно, не было горячих голов, которые ратовали бы за иную тактику.

ВОПРОС. Советский ученый профессор В. И. Шумаков с группой сотрудников из Института клинической и экспериментальной хирургии создали искусственное сердце, которое уже успешно испытано на животных. Аналогичные работы ведутся и в других институтах и лабораториях страны. Многие зарубежные специалисты, однако, скептически относятся к самой возможности вживления в человеческий организм механического сердца. Именно в таком духе высказался, например, физиолог-консультант Национального сердечного госпиталя в Лондоне Дональд Лонгмор в английском «Сайенс джорнел». Любой врач, указывает он, знает, что «вставлять» механизмы легче, они реже отторгаются; прижившть же человеческий орган трудно — мешает несовместимость тканей. Достижимость успеха на одном участке и наличие, повидимому, непреодолимых трудностей на другом могут толкнуть исследователей на неправильный путь, им может показаться, что работа с механическими органами сулит больший эффект. «Но ничто не может быть более далеко от истины!» — замечает в заключение доктор Лонгмор. Что вы думаете по этому поводу?

Ответ. Я тоже не верю в возможность сколько-нибудь долгой жизни человека с искусственным сердцем. Это химера! Почему же тогда, скажете вы, затрачиваются силы и средства на конструирование заведомо бесперспективных моторов? Ну, хотя бы потому, что «цыплят по осени считают»,— надо еще посмотреть, что из этого получится на практике. Кроме того, механическое сердце весьма необходимо не для постоянного использования, а как временный «костыль» для больного сердца. Оно поражено, скажем, тяжелым инфарктом, захлебывается, расходует последние силы, вот-вот и совсем выйдет из строя. А что если рядом с ним заработает некий насосик и возьмет часть труда на себя? Может быть, отдохнув, само сердце с честью выйдет из полосы своих затруднений и хоть частично преодолеет кризис? Тогда и пересадка, глядишь, не потребуется.

Другой случай: без замены сердца никак не обойтись, все консервативные методы и средства лечения испробованы, не помогают, и теперь вопрос поставлен так: или — или... Но медицина не лотерея. Да и «ставка» чересчур ответственна — жизнь! Искусственное сердце поможет, мы надеемся, устранить из операционных не подобающую им атмосферу скачек наперегонки со временем. Пока мотор будет поддерживать кровообращение в организме больного, врачи серьезно, неторопливо, осмотрительно подберут донора по всем тридцати показателям тканевой совместимости. Ничто, наверно, не помешает и ему на каком-то этапе подсадить механическое устройство, чтобы оно немного «потащило» за собой его сердце после того, как по всем канонам оно обязано было остановиться. Наконец, хочется надеяться, что создание пластмассового сердца намного облегчит организацию «банка» резервных органов, подлежащих пересадке. Словом, с какой стороны ни подойди — поиски полностью оправданы.

ВОПРОС. Такие операции на сердце, как устранение врожденных дефектов межпредсердных и межжелудочковых перегородок, замена клапанов, ни у кого уже не вызывают сомнений, а тем более возражений. Что же мешает их более широкому осуществлению в СССР? Каково качество применяемых ныне искусственных клапанов и протезов сосудов? Не в них ли дело?

Ответ. Уровень хирургической помощи больным ни при каких обстоятельствах не определяется количеством проделанных операций — в этом нас еще более убедили дебаты, проходившие на X Международном конгрессе по сердечно-сосудистым заболеваниям. Явственно вырисовались две истины: чем раньше заменен тот же, скажем, сердечный клапан, тем благоприятнее результаты. Однако предпринимать эти ответственные вмешательства должно лишь после того, как исчерпаны все другие методы лечения — медикаментозные, физиотерапевтические и т. д. Таким образом, каждый больной — трудная задача, требующая сугубо индивидуального решения. В некоторых странах, особенно на Западе, отдельные специалисты больше руководствуются первым условием. Их легко понять: пациент жалуется на плохое самочувствие, организму не хватает кислорода, и это делает всю его жизнь безрадостной. А тут после замены клапанов как бы открывается «второе дыхание». Как устоять? Да и среди пациентов немало таких, которые считают: пусть лишний год, да мой. Но существует и другой подход, более строгий, меньше бьющий на внешний эффект, учитывающий отдаленную перспективу.

Во всех странах мира наибольшее распространение получил шариковый протез. Он похож на крокетную «мышеловку», внутри которой на кольцевом ложе подпрыгивает пластмассовый шарик. Как видите, ничего общего с естественным человеческим клапаном, ни малейшего подражания природе. Тем не менее конструкция оправдала себя. Но конструкции предначертано быть исполненной в материале, работать в живом организме, причем долго — годы и напряженно,— срабатывать десятки миллионов раз. Тут-то и начинаются тревоги. Как ни инертна пластмасса, как тщательно ни подобран металл, они чужие, они действуют на среду и испытывают ее влияние. Все специалисты сходятся во мнении: идеальный материал для сердечных и сосудистых протезов еще не найден. Под воздействием биологической среды любая пластмасса с течением времени изменяется, делается менее пластичной.

Неожиданно выяснилось, что клапанный аппарат свиньи по биологическим особенностям довольно близок к человеческому. Были предприняты попытки использовать новую возможность. Сегодня среди нас ходят люди — их не так уж мало! — в чьих сердцах бьются «свиные хрящики». И это ничуть не ущемляет их высокого человеческого достоинства. Пока «хрящики» соревнуются с пластмассами, ученые нащупывают новые пути. В лаборатории пересадки органов, которой я руковожу, создан образец полубиологического протеза — пока только кровеносного сосуда. О нем благожелательно отозвался в своем докладе на конгрессе министр здравоохранения СССР академик Б. В. Петровский. Суть такова: берется каркас из тончайших синтетических нитей и пропитывается коллагеном — особой массой, получаемой при обработке сухожилий. В организме коллаген со временем рассасывается и замещается в сосудистом протезе тканью больного. Мы применили еще одну хитрость — стали пропитывать коллаген гепарином, который противостоит свертыванию крови и образованию сгустков, и антибиотиками, убивающими возбудителей инфекции — обычно они весьма охотно устремляются ко всякой чужеродной ткани. Будущее покажет, какой протез лучше, долговечнее. Тогда станет, наверно, более быстро возрастать и число операций на сердце и сосудах.

Позвольте мне в заключение вновь вернуться к мыслям, высказанным в начале нашей беседы. Оптимизм ученых оправдан, сложнейшим реконструктивным операциям на сердце открывается «зеленая улица». Мы верим в то, что и пересаженные сердца будут жить долго в груди их новых владельцев.

НЕУМИРАЮЩИЕ ТРАДИЦИИ

В. ШЛЕЕВ,

кандидат исторических наук

Луначарский, более чем кто-либо иной имевший возможность неоднократно беседовать с Лениным по вопросам искусства, прямо сообщал, что «искусство прошлого, в особенности русский реализм (в том числе передвижников, например) Владимир Ильич высоко ценил».

Но за что же высоко ценил Ленин русский реализм и передвижников? Было ли это выражением только его личного вкуса, или здесь лежали более глубокие идейно-эстетические моменты?

Ясный и убедительный ответ на эти вопросы можно дать, только учитывая всю систему эстетических взглядов и воззрений великого вождя, его оценку русской художественной культуры второй половины XIX — начала XX века в целом.

В. И. Ленин, бывший современником многих, в особенности так называемых младших передвижников, уже в юношеские годы по статьям и репродукциям в различных журналах знакомый с их произведениями, с большой симпатией относился к творчеству этих художников-демократов. И позднее, не упуская из виду уровень художественного мастерства, прямо выступая против подлаживания под отсталые вкусы, против «дурного тона популярничания» и «вульгаризации», говоря также о том, что «зрелища — это не настоящее искусство, а скорее более или менее красивое развлечение», В. И. Ленин особенно любил художественные произведения, в которых отражались те или иные общественные идеи. Общественный подход автора никогда не воспринимался им в отрыве от художественного мастерства в отображении действительности. «Эти две вещи,— вспоминала Н. К. Крупская,— он как-то не разделял одну от другой».

Знал и высоко ценил В. И. Ленин деятельность пламенного пропагандиста творчества передвижников В. В. Стасова, опиравшегося на эстетические позиции русских революционных демократов. «Ильич говорил о нем,— вспоминает М. В. Фофанова,— как о личности выдающейся и обогатившей передовую русскую культуру».

Разрабатывая учение о двух культурах в каждой национальной культуре, В. И. Ленин писал: «Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова». И к этой культуре Чернышевского и Плеханова, бесспорно, относил В. И. Ленин передовых представителей изобразительного искусства нашей страны, тех художников, которые в своем творчестве выражали демократическую и социалистическую идеологии.

В передовом направлении русской литературы и искусства В. И. Ленина, судя по всему, привлекали и высокие достоинства художественной формы самих произведений и критические принципы отношения авторов к действительности, ко всему общественному строю царской России.

Давно известно, что в юношеские годы Владимир Ильич читал прогрессивные журналы 1860—1870 годов, и в том числе «Отечественные записки», помещавшие рецензии на первые выставки передвижников. Установлено также, что еще в Симбирске в 1885 году семья Ульяновых по подписке получала популярный иллюстрированный журнал «Нива». Культурно-просветительная роль этого широко распространенного «тонкого» иллюстрированного журнала, дававшего в приложениях произведения классиков русской литературы, в дореволюционное время была весьма велика.

За 1885—1899 годы в «Ниве» был репродуцирован целый ряд крупнейших произведений русского искусства второй половины XIX века, показанных на выставках передвижников.

В свое время Н. К. Крупская рассказывала искусствоведу А. И. Замошкину, принимавшему участие в организации Центрального музея В. И. Ленина, что Владимир Ильич «высоко ценил произведения Репина».

Встречавшаяся с В. И. Лениным в 1910 году в Париже член парижской секции большевиков С. И. Гопнер вспоминала, как однажды В. И. Ленин, увидев на стене в ее квартире открытку с репродукцией картины одного из художников-передвижников, пристально разглядывал ее и совсем тихо сказал: «Как хорошо эти картины передвижников передают русскую жизнь».

Широко известно теплое, сочувственное отношение В. И. Ленина к творчеству выдающегося художника-демократа Н. А. Ярошенко — «совести передвижников», как называли его товарищи.

М. В. Фофанова, на квартире которой В. И. Ленин жил перед историческими событиями октября 1917 года, рассказывает: «...Владимир Ильич очень любил и хорошо знал живопись. У меня на письменном столе лежала открытка с репродукцией картины Ярошенко «Всюду жизнь»...

Владимир Ильич увидел открытку и говорит:

— Вот замечательный художник!— А кто такой Ярошенко, я по-настоящему не знала. Он мне рассказал его биографию.

— Подумайте, это кадровый военный человек, и представьте себе, какой он прекрасный психолог действительной жизни, какие у него чудесные вещи!

Я вытаскиваю из своего письменного стола еще одну открытку с репродукцией картины Ярошенко «Заключенный». Владимир Ильич говорит:

— Прекрасно! Когда будем хозяйничать, чтобы не забыть. Такому человеку надо отдать дань».

И действительно, в советские годы В. И. Ленин не только заботился о сохранности произведений Ярошенко. Не исключено, что по указанию Владимира Ильича еще в 1918 году в Кисловодске, где этот художник жил, умер и был похоронен, открыли музей Ярошенко...

Но не все разделяли столь высокую оценку творчества передвижников.

М. Неведомский утверждал, что «Ярошенко и все передвижники шли в хвосте у литературы», что их творчество якобы устарело. «Да, они, несомненно, прошлое... Современному зрителю вряд ли придется любоваться на живопись Ярошенко». Несостоятельность этих предсказаний, целью которых было принизить художественные достоинства произведений передвижников, теперь, более чем через семь десятилетий, вполне очевидна.

Рассказывая о резкой критике, которой В. И. Ленин уже в первые годы Советской власти подвергал формалистические тенденции, находившие место в изобразительном искусстве той поры, известный деятель Советского государства, близкий друг В. И. Ленина В. Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях приводит ленинские слова: «Нам не надо никаких конфетных картин. Нам нужна правда жизни. Такая правда, как Касаткин изобразил ее в «Углекопах».

И эти слова В. И. Ленина весьма знаменательны для всей политики Коммунистической партии и Советского государства по отношению к изобразительному искусству.

Передвижник Н. А. Касаткин был одной из виднейших фигур среди тех «надежных **анти**футуристов», искать которых просил В. И. Ленин в своей исторической записке М. Н. Покровскому. Эту записку, написанную 6 мая 1921 года, до сих пор еще недостаточно оценивают во всем многообразии ее содержания. Ведь там речь идет не только об издании поэмы «150 000 000» В. Маяковского и о борьбе против футуризма в области литературы, но и о борьбе против этого упадочного направления буржуазного искусства во всех сферах и конкретно в области искусства изобразительного.

Как видно из интереснейших материалов, опубликованных в недавно вышедшем сборнике «В. И. Ленин и А. В. Луначарский», энергичная борьба партии против футуризма, за реалистическое искусство и в том числе за использование лучших традиций передвижничества шла начиная с первых месяцев Октября, и одной из ее заметных вех было известное письмо ЦК РКП «О пролеткультах», опубликованное в «Правде» 1 декабря 1920 года. Письмо это, составленное при непосредственном участии В. И. Ленина, воодушевило художников-реалистов.

В свете борьбы Коммунистической партии за сохранение и развитие лучших традиций культуры прошлого следует оценивать и многие другие выступления В. И. Ленина против нигилизма пролеткультовцев. Знаменательны в этом отношении и указания Владимира Ильича о сохранении без изменений художественного убранства дома в усадьбе «Горки», где он жил последние годы. А там висели и до сих пор висят полотна ряда известных русских живописцев, членов и экспонентов Товарищества передвижников — И. Левитана, В. Бялыницкого-Бируля, П. Петровичева, А. Борисова, Д. Мартена.

В. И. Ленин активно поддерживал творчество художников-реалистов. Он писал о необходимости помощи участнику одной из выставок передвижников — скульптору И. Гинцбургу, работавшему в начале 1920-х годов над памятником-бюстом Г. В. Плеханову, одобрил реалистический проект памятника Карлу Марксу, созданный скульптором С. Алешиным, проявлял внимание к творчеству ряда других художников-реалистов — Г. Алексеева, Н. Андреева, И. Бродского, И. Пархоменко...

Многие из художников, которых поддерживал В. И. Ленин, и в дальнейшем внесли заметный вклад в развитие советского изобразительного искусства.

Неумирающие традиции передвижников — живое наследие для советского изобразительного искусства наших дней. Бессмертные ленинские слова о том, что «марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры», являются путеводной нитью для мастеров многонациональной советской художественной культуры, с огромным вниманием и любовью относящихся к достижениям своих непосредственных предшественников — художников-демократов России второй половины XIX — начала XX века.

А. Рябушкин. 1861—1904.

МОСКОВСКАЯ ДЕВУШКА

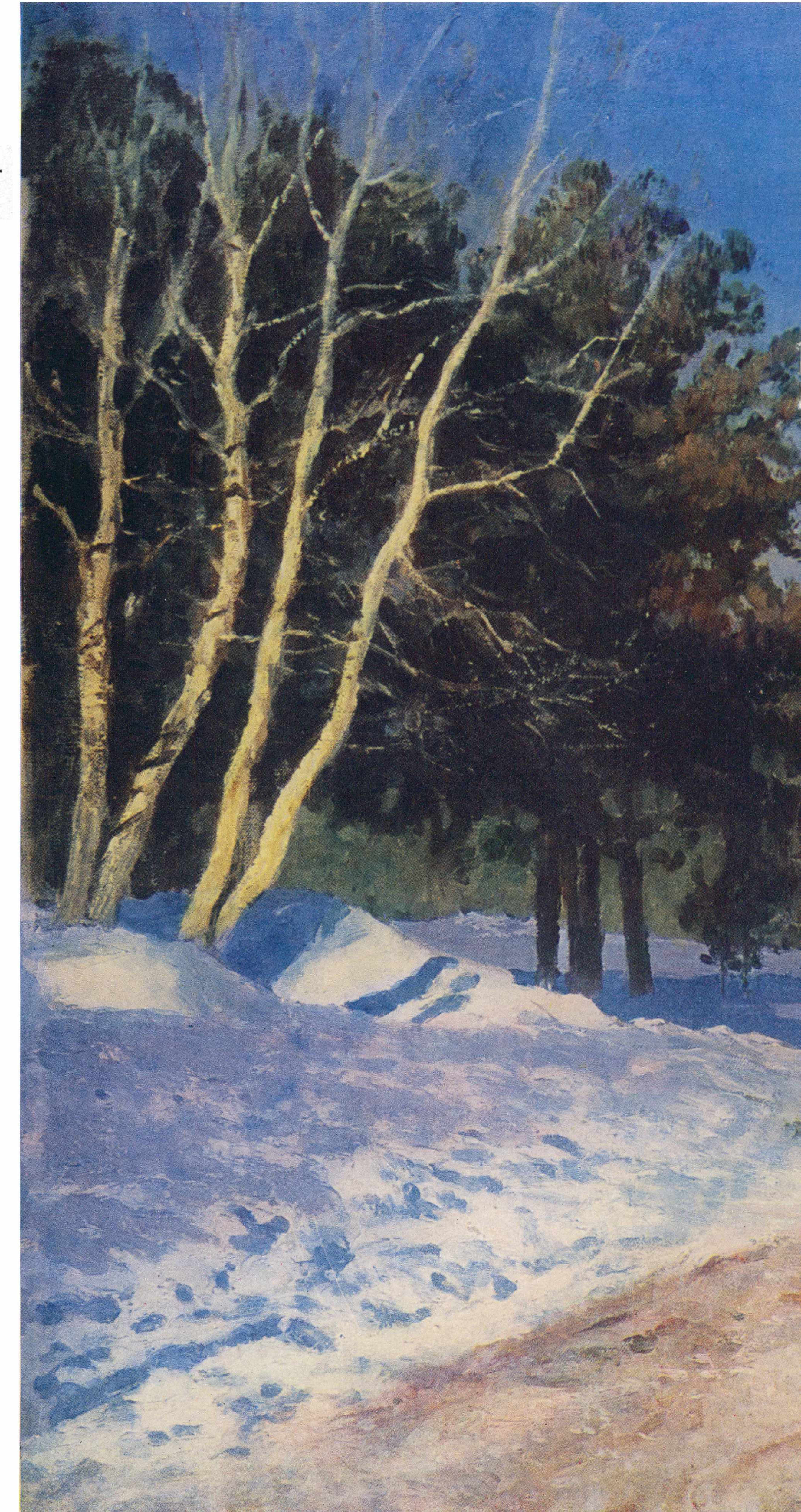
XVII ВЕКА. 1903.

Государственный Русский музей.

И. Левитан. 1860—1900.

МАРТ. 1895.

Государственная

Третьяковская галерея.

К. Коровин. 1861—1939.

СЕВЕРНАЯ ИДИЛЛИЯ.

1886.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Серов. 1865—1911.

В ДЕРЕВНЕ.

БАБА С ЛОШАДЬЮ.

1898.

Геннадий МОРОЗОВ

В КРАЮ МОЕМ ЛЕСИСТОМ

БЕРЕЗОВАЯ РАДУГА

Иду лугами росными
под сенью высоты...
За смоляными соснами
целуются цветы.
За плавнями, в колдобинах
звенит в лугах коса...
Ромашковая родина —
России полоса.
В лесу духмяно-свежая
про́ливень-трава...
Сегодня очень нежные
поют во мне слова.
Поют они и радуют...
Земли клокочет сок...
Березовая радуга
разлита между строк!

О, ЭТИ ПЕСНИ...

О, эти песни в дни печали,
под клич пролетных журавлей.
Меня те песни обвенчали
с землею горестной моей.

Меня те песни возносили
до поразительных высот.
Я поклоняюсь дивной силе,
когда поет простой народ
под небом Родины, на поле,
у Волги или у Оки.
Они любимы мной, тем боле —
поют их наши мужики.

Окрестных, тихих деревушек
или заречного сельца...
Послушать песню — вынуть душу...
Сесть на приступочку крыльца...

И видишь Родину родную
в сияньи сбывшихся надежд...
Высоким солнцем залиту́ю,
в осеннем зареве одежд.

ОБЛЕТАЮТ ДЕРЕВЬЯ

Облетают деревья,
остывает вода.
Я прощаюсь с деревней
навсегда, навсегда.

Вспоминаю все чаще
ту деревню и вас...
Тенью лиственной чащи
день окатывал нас.

Чей-то голос печальный
ветер с поля к нам нес...
И шумело ночами
твое сено волос.

Облетели деревья,
и остыла вода.
Но осталась деревня
навсегда, навсегда.

Этот дождичек спорый,
солнцем строганный тес...
Бузина у забора,
и в репейниках пес.

Радость встречи короткой...
Тишина на реке...
И холодная лодка
на холодном песке.

* * *

Любовь, моя отрада,
живи в любом цветке...
Ты — как рожденье взгляда,
как ливень по реке.

Ты — как рожденье чуда,
когда в зацветьи рожь...
Под облачною грудой
цветов и птиц галдеж.

У сонной переправы
и у речных излук
есть — крепче всякой славы —
тепло рабочих рук.

Знакомых лиц свеченье.
И незнакомых тож.
И радость дня творенья,
в котором ты живешь.

ОСЕНЬ НА РОДИНЕ

Как этот миг прощанья весел!
Дымит лучистая земля...
Сгорело лето, словно песня,
и на простудные поля
легло сиреневое солнце,
впечаталось в мое плечо...
А поле блещет, точно донце,
и осень дышит горячо...
И облаков продутых груда
над деревушкою висит...
Река, как битая посуда,
осколком солнечным сквозит.
И у колодца бабы жмутся,
и солнце катит по горе...
И коромысла грузно гнутся,
и небо булькает в ведре!
А сколько света здесь и воли!
О Русь! Мне кинуть песню жаль!
Шумит во мне твое раздолье,
твоя пронзительная даль!
Твой голос осени и лета,
свист ослепительной зимы...

И глас пророческий поэта
сквозь дым метельной кутерьмы.

КАК ЖИВЕТСЯ ТЕБЕ, МИЛАЯ...

Как живется тебе, милая?
Как любится тебе, как дышится?
Ржаное лето наше минуло,
а осень дождиком колышется.

А лето было травянистое.
В лугах цветы шумели ситцево...
И мы, обляпанные листьями,
сияли солнечными лицами.

В твоих глазах светало озеро...
Цвели на дне веснушки-
камушки...
А ты платок льняной отбросила
и охнула по-бабьи: «Мамушка!»

И я увел тебя в сосновый дом...
Нам, как любовь, то лето выпало.
Ты затомилась на плече моем
и листья-волосы рассыпала.

А за оконцем осень свесилась...
Береза щеку обморозила.
Как нам жилось, любилось весело,
покуда свет рождало озеро.

В ШУМНОЙ ШЕРЕНГЕ БЕРЕЗ

Сводом неброской природы
я в непогоду укрыт...
Словом родного народа
сердце мое говорит.

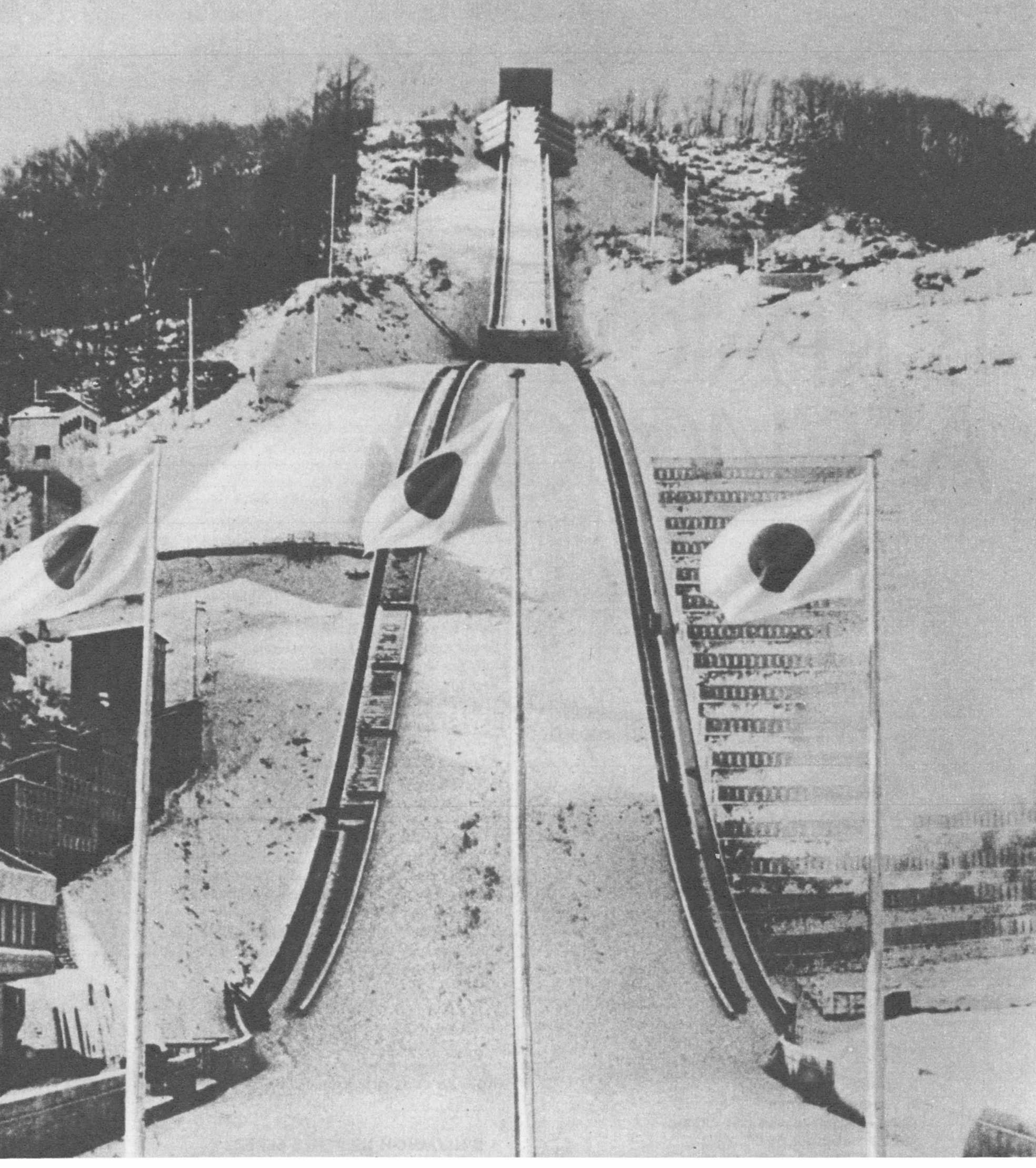
Это как песня простая,
где все слова — о тебе...
С крыши тесины срывая,
ветер гудит в городьбе.

Дышит весна сеновалом...
Нынче в разливе река...
Легче на сердце вдруг стало —
в лето летят облака.

Поле для ветра открыто...
Слышу я звоны сосны.
Вот и зима пережита...
Синий осколок весны
напрочь пронзает березу
там, где гуляет гроза...
Там, где за солнечным плесом
встала дождей полоса.

Встал там и я — на отшибе...
Там, где кончается плес...
Там, где дышалось все шире,—
в шумной шеренге берез.

Касимов, Рязанской области.

На этот 90-метровый олимпийский трамплин «Окуараяма» поднимутся сильнейшие прыгуны мира.

Фото Киодо — ТАСС.

САППОРО НА СТАРТЕ

Третьего февраля, в одиннадцать часов утра по японскому времени, в четыре часа утра по московскому, на стадионе Макоманаи будет торжественно открыта Белая олимпиада, и огонь, доставленный в Токио на самолете из Греции и донесенный до Саппоро японскими спортсменами, одиннадцать дней будет освещать ход борьбы, в которой примут участие 1274 спортсмена из 35 стран.

С каждым новым олимпийским сроком растет в мире интерес к Играм, и, чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить размах соревнований в далеком Саппоро с первым зимним форумом, который состоялся в 1924 году в центре Европы, на французском курорте Шамони. В этих первых Играх приняло участие 203 спортсмена из 16 стран, и зимнему дебюту предшествовали долголетние переговоры с руководителями шведского спорта, которые не давали согласия на проведение Белых олимпиад, утверждая, что зимние Игры не имеют никакого отношения к Древней Греции и что и без них Северные игры собирают сильнейших лыжников и скороходов мира. Но вот на летней олимпиаде 1908 года в Лондоне свое искусство показали фигуристы (русский спортсмен Николай Панин показал тогда лучший результат в произвольном катании), затем на антверпенской олимпиаде в 1920 году выступили не только фигуристы, но и хоккеисты, а после зимних соревнований в Шамони уже никто не решился отрицать значения Белых олимпиад.

Начиная с 1924 года зимние Олимпийские игры проводятся регулярно, так же как и летние, раз в четыре года. Вторая Белая олимпиада состоялась в 1928 году на швейцарском курорте Санкт-Мориц и собрала 491 спортсмена из 25 стран, и так же, как и в Шамони, большинство призовых мест завоевали скандинавы. (Только в фигурном катании победы добились, кроме шведа и норвежки, еще и французская пара, в хоккее победу одержали канадцы, а в бобслее — американцы.)

Американцы стали хозяевами III Белой олимпиады. Но по своим результатам и по числу участников Игры в Лейк-Плэсиде оказались не столь удачными, как предыдущие. Может быть, поэтому олимпиады надолго обосновались на привычном европейском снегу и льду. 1936 год — Гармиш — Партенкирхен (Германия). 1948 год — снова Санкт-Мориц (Швейцария). 1952 год — Осло (Норвегия). 1956 год — Кортина д'Ампеццо (Италия).

В Кортина д'Ампеццо начался олимпийский путь советских спортсменов. Многочисленные представители мировой прессы — обозреватели газет, телеграфных агентств, радиостанций,— не жалея слов, описывали накал спортивных поединков, и главной темой их репортажей была победа олимпийских новичков — спортсменов СССР. Золотые медали гонщиков в лыжной эстафете и бронзовые медали на отдельных дистанциях Павла Колчина и Федора Терентьева, первое и второе места в женской гонке на 10 километров Любови Козыревой и Радьи Ерошиной были оценены как сенсация. Блестяще выступили и скороходы. Евгений Гришин быстрее всех пробежал 500 и разделил победу на 1 500 метров с Юрием Михайловым, Борис Шилков стал чемпионом Олимпийских игр на дистанции 5 тысяч метров, а под занавес на высшую ступень пьедестала почета поднялась и наша хоккейная команда.

Семь золотых, три серебряных и шесть бронзовых медалей, 103 очка в неофициальном зачете, обеспечившие нашей команде первое место,— таковы были итоги олимпийского дебюта спортсменов СССР.

После такого успеха с особенным интересом ожидались новые олимпийские старты. Ведь завоевать высокие спортивные титулы легче, чем их удержать, а тут еще арена новой олимпийской встречи оказалась для нас уж очень непривычной: американский штат Калифорния, горная долина на высоте 1 889 метров над уровнем моря. Так высоко олимпиады еще никогда не забирались. Как-то там выступят наши спортсмены? И уже первые дни борьбы принесли нам немалые огорчения. Только в гонке на 30 километров и в эстафете нашим лыжникам удалось завоевать бронзовые медали, и лыжницам пришлось восполнять пробелы мужчин.

Общий успех команды решило выступление скороходов. Евгений Гришин снова стал двукратным олимпийским чемпионом, завоевав золотую медаль на дистанции 500 метров, и разделил первые и вторые места в беге на 1 500 метров с норвежцем Роальдом Осом. На третьи ступеньки пьедестала почета поднялись Рафаил Грач и

Борис Стенин. Успешно выступил и наш ледовый стайер Владимир Косичкин. Он стал чемпионом олимпиады в беге на 5 тысяч метров и занял второе место на дистанции 10 тысяч метров, а наши скороходки завоевали шесть призовых медалей, из них три золотые (две — Лидия Скобликова и одну — Клавдия Гусева).

Таким образом, даже неожиданная неудача хоккеистов, оказавшихся на третьем месте, не изменила общего итога. Советская команда увезла на Родину 7 золотых, 5 серебряных и 9 бронзовых медалей, а в неофициальном зачете набрала 146,5 очка (команды США и Швеции, разделившие вторые и третьи места, набрали всего по 62 очка).

Четыре года, казалось бы, большой срок, и после возвращения из Скво-Вэлли у наших спортсменов было достаточно времени, чтобы отдохнуть и подготовиться к новому олимпийскому выступлению, на сей раз в Австрийских Альпах, в окрестностях Инсбрука. Но, по существу, олимпиады не оставляют времени для разгона, и в промежутке между двумя встречами сильнейшие спортсмены мира сразу же начинают напряженную подготовку к новым стартам.

Мы знали, что нам нелегко придется на IX Белой олимпиаде в Инсбруке: по-прежнему не могли претендовать на призовые места горнолыжники, никак не удавалось реализовать свое растущее мастерство фигуристам в парном катании и прыгунам на лыжах, а результаты лыжных соревнований в Скво-Вэлли говорили о том, что скандинавы не пожалеют сил для того, чтобы оттеснить наших гонщиков от пьедестала почета.

И вот вспыхнул олимпийский огонь у подножия горы Бергизель. 1 111 спортсменов из 36 стран вступили в борьбу в восьми видах зимнего спорта, и наши опасения сразу же подтвердились. Лыжники так же, как и в Скво-Вэлли, завоевали всего две бронзовых медали, и снова женщинам пришлось восполнять их отставание. Клавдия Боярских и Валентина Колчина принесли золотую и бронзовую медали в гонке на 5 километров; в гонке на 10 километров Клавдия Боярских, Евдокия Мешкило и Мария Гусакова заняли все места на пьедестале, и они же завоевали олимпийское первенство в эстафете. Но в отличие от Скво-Вэлли менее удачно выступили наши конькобежцы. На сей раз они сумели завоевать только одну золотую медаль (Антс Антсон на дистанции 1 500 метров) и две серебряные (Гришин в беге на 500 метров разделил второе и третье места с Владимиром Орловым и норвежцем Альфом Евствангом).

Скороходы в последний раз выступили на естественном льду в Кортина д'Ампеццо. После этого уже в Скво-Вэлли, а затем и в Инсбруке к их услугам были искусственные ледяные дорожки, и наши соперники еще задолго до Олимпийских игр получили возможность во много раз увеличить тренировочные нагрузки. Это преимущество и сказалось в полной мере в Инсбруке, и только нашим скороходкам удалось сохранить свое превосходство: Лидия Скобликова завоевала все четыре золотые медали, а Ирина Егорова, Татьяна Сидорова, Берта Колокольцева и Валентина Стенина присоединили к ним еще 4 призовых места. Но одна из главных сенсаций IX Белых Олимпийских игр разразилась в фигурном катании. Впервые золотые медали в парном катании получили не австрийцы, французы, немцы, бельгийцы или канадцы, а советские спортсмены Людмила Белоусова и Олег Протопопов. А общий успех команды подкрепили Николай Киселев, завоевавший второе место в лыжном двоеборье, Владимир Меланин и Александр Привалов, получившие золотую и серебряную медали в биатлоне, и наши хоккеисты. Таким образом, IX Олимпийские игры завершились для нас вполне благополучно, и команда набрала рекордное количество медалей — 25, причем 11 — золотых.

Что и говорить, такими результатами можно было гордиться, и все же за блеском золота и серебра нельзя было забывать о том, что в лыжном и конькобежном спорте у мужчин наше отставание все нарастает. Это и подтвердили итоги X Белой олимпиады в Гренобле. В борьбе с сильнейшими лыжниками мира только Вячеслав Веденин сумел пробиться к пьедесталу почета, завоевав серебряную медаль в гонке на 50 километров. На сей раз ни одной золотой медали не удалось получить нашим женщинам, а к этому прибавился и полнейший крах скороходов. Лишь Людмиле Титовой удалось стать олимпийской чемпионкой, победив на дистанции 500 метров, и она же заняла второе место в беге на 1 000 метров. Правда, под занавес горечь неудач скрасили наши биатлонисты (Александр Тихонов завоевал серебряную медаль, а команда заняла первое место в эстафете), прыгун Владимир Белоусов, добившийся победы на большом трамплине, и фигуристы Людмила Белоусова и Олег Протопопов, снова завоевавшие золотые медали в парном катании. Но ни эти поистине триумфальные выступления, ни победа хоккейной команды не смогли восполнить понесенных потерь, и в итоге командное первенство завоевали норвежцы (это была их пятая командная победа за историю Белых олимпиад), наша же команда набрала всего 92 очка и оказалась на втором месте с 13 медалями, из которых всего пять было золотых...

Такова олимпийская история, которая в ближайшие дни будет продолжена в Саппоро. Олимпиада на старте, и вот перед нами лежит нарядная книжечка «Саппоро-1972», выпущенная издательством «Физкультура и спорт», которая подробно знакомит нас с программой XI зимних Олимпийских игр и их участниками. Листаешь страницы этой книжечки—и перед тобой проходят все одиннадцать дней олимпиады, начиная с того первого дня, когда после торжественного открытия начнется хоккейный турнир, и кончая последним ее днем — 13 февраля, когда мужская лыжная эстафета, соревнования мужчин-слаломистов и две решающие хоккейные встречи окончательно определят результаты борьбы. Мы знаем, что каждый из этих одиннадцати олимпийских дней будет насыщен яркими событиями, предусмотреть которые совершенно невозможно. Ясно лишь одно: борьба в Саппоро потребует от спортсменов еще больших сил, еще большего мастерства, чем на предыдущих олимпиадах. Вот что нам твердо обещают строчки олимпийской программы.

В. ВИКТОРОВ

НОВЫЕ СТИХИ

Степан ЩИПАЧЕВ

ЛОШАДЬ

У лошади больные ноги,
она ступает тяжело.
Годами меряя дороги,
бок о бок с нею время шло.

То к чьей-то даче, то к продмагу,
когда еще поселок спит,
хвоста касаясь, колымага
уже грохочет и скрипит.

Она опять с тяжелым грузом.
Не скажет лошадь нам о том,
что ей дорогу мерить грустно,
набило холку хомутом.

Всю жизнь работает в поселке,
давно привыкла ко всему,
но до сединок в рыжей челке
едва ли дело есть кому.

Как будто труд ее, который
не знал досуга своего,
меж несмолкающих моторов
уже не стоит ничего.

15 октября 1971 года.

ПУСТЬ ЭТО О ЩЕНКЕ

Б. С. Рябинину.

1

Он матерел бы в силе,
чтобы во тьме ночной
зубы бандиту грозили
сабельной белизной.

Или же, словно тешась,
там, где грунтов тишина,
мины искал бы все те же,
что притаила война.

Или, чему тут дивиться,
он бы, приученный пес,
где-то на дальней границе
службу опасную нес.

2

Только мало он на свете прожил,
пес, красавец, озорник, добряк.
Громыхал и лязгал шум дорожный
в завихреньях белых декабря.

С ветерком машины проносились,
только он и знать их не хотел,
покоряясь резвости и силе,
вольной радости собачьих дел.

Разве мог он, глупый, понимать,
что от них идет железный запах...
Вечереющим снежком зима
припушила кровь на белых лапах.

3

Снежной пылью бегут
ветерки-завитки,
а мне чудится, будто
несутся щенки.

Белолапые все,
белогрудые все,
не в щенячьей совсем,
а в собачьей красе.

То ли сон, то ли явь —
разобрать не могу,
а щенки по дороге
бегут и бегут.

То вдали, то вблизи
все бегут и бегут.
Где-то стынет закат,
где-то кровь на снегу.

Может, кто-то отметит чертою
эти строчки? Понять ли ему,
как мне трудно с моей добротою,
добротою к живому всему.

Декабрь 1970 года.

БЛОК И Н

Василий ФЕДОРОВ

Судьбы великих поэтов всегда поучительны, тем более поучительна для нас судьба А. Блока, проделавшего невероятно сложный, но закономерный путь от первых туманных исканий вроде «Я стремлюсь к роскошной воле...» или «Мне снилась смерть любимого созданья...» до поэта — политика с резко очерченной революционной программой. При этом надо признать, что уже среди первых его стихов, разнообразно-подражательных, было собственно блоковское зерно, из которого позднее выросло высокое, разветвленное древо поэзии:

Пусть светит месяц — ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье...

По правде сказать, зерно не очень мощное, наследственно уже ослабленное интеллигентской нервностью, застоявшейся книжностью, даже тепличностью, но в своей нравственной основе здоровое, с повышенным инстинктом жизни, а значит, и развития. Когда древо было всего деревцем, ему хватало и комнатности и тепличности, но потом его корни пошли и вширь и вглубь, не останавливаясь ни перед глыбами сословного фундамента, ни перед слоями слежавшейся косности. Если корни дерева встречают каменную породу, оно начинает вырабатывать яды и кислоты, посылать их на эту породу, чтобы корни шли дальше и глубже — к тому, что применительно к Блоку можно назвать истиной, справедливостью, народностью, революцией. Если бы с этого трудного пути, нуждавшегося в ядах и горечах, Блока вернули в прежние условия жизни, у него неизбежно наступило бы самоотравление. Вот почему на этом пути у него, человека доброго и мягкого, рушились прежние дружбы, привязанности, верования.

Как я уже сказал, А. Блок был наделен могучим инстинктом человека жизни, социальным чутьем политика, хотя чутье политика и чутье художника — вещи разные. Видимо, не замечая этой разницы, один автор в своей книге о Блоке обронил странную фразу: «Блок никогда не был силен в политике, но порой только диву даешься, как тонко и чутко улавливает он ее важные узлы». Отказав Блоку в политическом чутье, легче потом лишь изредка удивляться этому чутью. Если политику социальная истина дается знанием законов развития общества, художник постигает через нравственность, через душевные движения людей, через ритмы жизни и ее музыкальность, разумеется, не в прямом смысле. Тонкому слуху художника достаточно уловить аритмию и дисгармонию, чтобы увериться, что мир опасно болен. Автор «Стихов о Прекрасной Даме» рано понял, что нравственный кризис русской интеллигенции обусловлен кризисом социальным. Перечтите стихотворение «Сытые», написанное в канун Декабрьского вооруженного восстания 1905 года, и вы утвердитесь в социальной чуткости поэта:

Так — негодует все, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!

Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен!

Здесь немаловажное значение имеет тот факт, что поэт хорошо знал этих сытых, бывал среди них, слушал их «пергаментные» речи, наблюдал за их «чинностью» и скукой пресыщенности. Не случайно в начале стихотворения он признается: «Они давно меня томили...»

Для нас особенно поучительна эта гражданская сторона блоковского таланта. Таланты были и у А. Белого, и у З. Гиппиус, и у Г. Чулкова, современников А. Блока, но все они в разной степени были заняты поэтическими фикциями. И то, что, ведя разговор о гражданственности нашей поэзии, мы обращаемся к урокам А. Блока как поэта и человека,— факт знаменательный и закономерный, целиком обусловленный временем. Если мы не делали этого раньше, вовсе не значит, что мы были равнодушны к его опыту, если мы делаем это сейчас, тоже не значит, что лишь в нем одном увидели сегодня те универсальные качества поэта, которые могут служить эталоном для всех поэтов. Рядом с Блоком работали такие огромные поэты, как Маяковский и Сергей Есенин, оказавшие и продолжающие оказывать огромное влияние на всю нашу поэзию.

Нельзя забывать и об опыте такого большого поэта, как Демьян Бедный, стихи которого были всегда гражданственны, так сказать, в первой инстанции, в смысле их злободневности. Но мы сегодня понимаем гражданственность более широко. Для нас поэзия не просто прислужница времени, а путеводительница, хотя быть в услужении времени — уже дело!

Теперь, когда Александр Блок пришел к самому массовому читателю, законно вспомнить, что этот поэт долгое время замалчивался критикой, а больше — издателями. Но, вспоминая это, надо отдавать себе отчет, что вопрос популярности Блока более сложный, чем кажется на первый взгляд. «Александр Блок — поэт для интеллигенции»,— говорили когда-то, как бы извиняясь и за поэта и за рабочего человека. Сегодня в таких извинениях не нуждается ни сам Блок, ни его читатель-рабочий. Успех Блока — в каждодневном росте рядов нашей интеллигенции, в культурном росте нашего народа, который с каждым годом становится все интеллигентнее. Это один из самых важных блоковских уроков, о котором следует всегда помнить нам, современным поэтам. Возможно, что грань между писателем и читателем сотрется раньше, чем это произойдет между деревней и городом. Надо и нам подумать о том запасе прочности, каким в высшей мере обладал Александр Блок.

Из его огромного наследия в нашем обращении, естественно, более всего находятся стихи и поэмы, а не проза. Между тем в ней личность поэта раскрывается с не меньшей яркостью, чем в стихах. Особенно характерны, на мой взгляд, две статьи: «Катилина» и «Интеллигенция и революция». В первой речь идет о морально-нравственном кризисе, охватившем древнеримское общество за полвека до рождения Христа, как следствие завоевательных войн, болезненного разбухания империи, всеобщего паразитизма — и оптиматов и плебеев, непосильного бремени рабства. На этом трагическом фоне вырастает мятежная фигура Катилины, зараженного теми же пороками общества, тем не менее восставшего против него. На этом основании А. Блок называет Катилину римским «большевиком».

Конечно, сегодня мы менее всего склонны воспринимать Катилину как «большевика», даже в закавыченном виде, но это не столь важно. Важней само обращение А. Блока к одному из восстаний предхристианской эпохи. «Заговор Катилины,— пишет он,— бледный предвестник нового мира — вспыхнул на минуту; его огонь залили, завалили, растоптали; заговор потух. Тот фон, на котором он вспыхнул, остался, по-видимому, прежним, окраска не изменилась». Несмотря на видимость внешнего благополучия, Римская империя была обречена, в ней зарождалась и крепла новая сила — христианская философия как закономерный выход из нравственного кризиса. И для истории уже не имело значения, что чудовищно огромное тело античного государства, разлагаясь и распадаясь, существовало еще несколько веков.

Знаменательно, что для подкрепления своей концепции Блок обращается не столько к показаниям историков, к Саллюстию и Цицерону, бывших свидетелями и участниками событий, нет, наоборот, оспаривая их свидетельства, он находит свои доказательства в исступленном ритме одного из стихотворений Катулла — «Аттис», написанного, казалось бы, на далекую мифологическую тему, при этом приводит латинские цитаты стиха, которые я даю в переводе А. Пиотровского:

По морям промчался Аттис на летучем, легком челне,
Поспешил проворным бегом прямо в глушь фригийских лесов,
Прямо в дебри рощ дремучих, ко святым богини местам,
Подстрекаем буйной страстью, накатившей яростью пьян,
Облегчил он острым камнем молодое тело свое.
И, себя почуяв легким, ощутив безмужнюю плоть,
Окропляя землю кровью, что из свежей раны лилась,
Он потряс рукой девичьей полнозвучный, гулкий тимпан.
Это твой тимпан, Кибела, твой святой, о матерь, тимпан!
В кожу бычью впились пальцы. Под ладонью бубен запел.
Завопив, к друзьям послушным исступленный голос воззвал:
«В горы, галлы! В лес Кибелы! В дебри рощ спешите толпой!
Эй, владычицы Диндима паства, в горы, скорей, скорей!..»

Вот этот поэтический документ и оказался для Блока более доказательным, чем разоблачительная речь Цицерона в римском сенате. «Латинский Пушкин» — Катулл, современник Катилины и Цицерона, не мог не уловить трагических диссонансов жизни, не воплотить их в древнем размере галлиамба — «размере исступленных оргийных плясок». При этом Блок замечает: «Кроме того, художники хорошо знают: стихотворения не пишутся по той причине, что поэту захотелось нарисовать историческую и мифологическую картину».

Эту фразу следует обратить и на самого Блока, не единой истории ради взявшего темой статьи восстание Катилины. Прежде всего он увидел две исторически схожие ситуации. Древний Рим пал еще до того, как на него обрушились полчища варваров,— с появлением первых христиан, совершавших свои таинства в римских катакомбах. Теперь и сам Блок стал свидетелем того, как под натиском революционных сил, новой, более высокой коммунистической нравственности рушилась христианская философия с ее шатким, ни к чему не обязывающим гуманизмом. Господствуя в мире чуть менее двух тысячелетий, она не избавила человечество ни от войн, ни от угнетения, ни от нищеты. Она должна была рухнуть и рухнула.

К такому выводу Блок пришел не с легким сердцем. Не надо забывать, что был он одним из главных столпов русского символизма, в основе которого была все та же, несколько модернизированная христианская философия с ее репутацией незыблемости. Теория символизма предписывала сознательное отстранение поэта от действительности, потому что, по нему (как и по Платону), творчество — воспоминание какой-то первичной, давно забытой идеальной жизни, стремление через эти воспоминания к вечному мифу, а шумная, дробная действительность способна лишь помешать этим воспоминаниям. Признав ее гибель, надо было признать и распад символизма не только как

АШЕ ВРЕМЯ

литературной школы, но как основы основ самой жизни. И Блок нашел в себе мужество признать это.

Поэт, если он настоящий, устанавливает связи вещей, явлений, времен. Без них он будет страдать творческой близорукостью, потому что один предмет, одно явление, один момент не дают исторической перспективы. В ретроспективе всей мировой поэзии фигура Блока видится мне в особой близости к скорбной фигуре Данте. Обладая неистребимой жаждой истины, жаждой добра и справедливости, социального совершенства, интеллектуальной нервностью и чуткостью к слову как к оружию борьбы, оба развились в недрах старых, отживающих общественных формаций и стали провозвестниками новой нравственности. Между ними есть прямая связь. Если Данте стоял у колыбели буржуазной морали, то Блоку довелось ее хоронить, а похоронив, стать у колыбели нашего социалистического общества, стать его первым поэтом. Но в отличие от Данте, даже не подозревавшего о социальных последствиях своего творчества, Александр Блок работал на революцию сознательно. Рафинированнейший интеллигент, человек высокой культуры, именно в силу этих своих качеств он порвал с кастовостью своего окружения и пришел к революции.

Подлинная интеллигентность, подлинная культура предполагают повышенное чувство ответственности за судьбы мира. Этим чувством в наивысшей степени обладал Блок. Для нас сегодня это один из главных уроков блоковской судьбы. Обращаясь к ней, нам еще придется не только уяснять ее внутренние сложности, но и освобождать ее от многих исторических накладок, от групповых пристрастий. Достаточно вспомнить стихи Маяковского о встрече с Блоком у солдатских костров в поэме «Хорошо»:

Солдату
упал
огонь на глаза,
на клок
волос
лег.
Я узнал,
удивился,
сказал:
«Здравствуйте,
Александр Блок.
Лафа футуристам,
фрак старья
разлазится
каждым швом».
Блок посмотрел —
костры горят —
«Очень хорошо».
. . . .
И сразу
лицо
скупее менял,
мрачнее,
чем смерть на свадьбе:
«Пишут...
из деревни...
сожгли...
у меня...
библиотеку в усадьбе».

Вот это «скупее менял», «мрачнее, чем смерть» и эти придыхания «сожгли... у меня...» можно было бы отнести к разряду полемических издержек, если бы потом это не стало литературной директивой, доведенной до школьных программ, укреплявшей ложный тезис о двойственном восприятии революции Блоком. В то время оспаривать такой тезис было трудно по двум причинам. Первая: общественность не располагала блоковскими документами в том объеме, в каком мы располагаем теперь. Вторая: футуристы всегда претендовали на поэтическую монополию. В замечательной поэме «Хорошо», написанной в 1927 году, в отношении к Блоку Маяковский грешит футуристическими пристрастиями.

Уже полвека с нами нет Блока, всего на десять лет меньше — Маяковского. Когда-то эти два великана спорили — спорили не по пустякам, а по одному из коренных вопросов революции: как относиться к старой, дореволюционной культуре? Они не доспорили. Возможно, Маяковскому в 1927 году казалось, что последнее слово в споре остается за ним. Но на роль арбитров в этом споре время выбрало и нас. Наша любовь к ним диктует нам быть документально точными. Нет сомнения, что о своей сожженной библиотеке в Шахматове Блок сообщил Маяковскому с большим огорчением, и не потому только, что библиотека была его личная. Он смотрел дальше, уже тогда понимая, что за сожженные библиотеки и разрушенные здания народу-победителю придется еще раз платить. Теперь мы знаем, как Блок в ту пору отреагировал на стихотворение Маяковского «Радоваться рано», в котором тот призывал разрушить дворцы и другое «старье», охраняемое «именем искусства». «Не так, товарищ! — начал он свой ответ главе футуристов.— Не меньше, чем вы, ненавижу Зимний дворец и музеи... Ваш крик — все еще только крик боли, а не радости. Разрушая, мы все те же еще рабы старого мира...» Если бы жизнь страны пошла по рецептам футуристов, не видать бы нам ни Зимнего, ни тех великих сокровищ искусства в нем, которые учат нас сегодня красоте.

Подлинное отношение интеллигента Блока к революционным событиям было недвусмысленно выражено им в статье «Интеллигенция и революция», написанной в январе 1918 года, что само по себе было подвигом. В ней он писал: «Она (революция. — В. Ф.) сродни природе. Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были. Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но — это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно всегда — О ВЕЛИКОМ». После этого он спрашивает: «Что же вы думали? Что революция — идиллия?»

Так и думали те, к кому обращался Блок, а обращение, как видите, было почти личным. Вокруг статьи и самого Блока поднялся шум не из тех «высоких» и «благородных» побуждений, о которых деликатно напоминала статья. В ее хулителях заговорила каста, белая косточка с ее полупривилегиями, любившая прежде поговорить о народе, повздыхать о его тяжелой доле, а теперь, когда народ взял свою судьбу в свои руки, испугавшаяся его прямолинейности. Другое дело, если бы народ получил некоторое облегчение из их интеллектуальных рук, а то ведь тот, не спросясь, решил действовать самостоятельно. Среди ополчившихся на Блока мы находим его прежних единоверцев по символизму — З. Гиппиус, Г. Чулкова, критика Ю. Айхенвальда, «теоретика» имажинизма В. Шершеневича, не говоря уже об откровенно кадетских писаках. Все они вдруг оказались «специалистами» по революции, как в наше время нет отбоя от «специалистов» по социализму.

Как свидетельствует сам Блок, размежевание произошло не вдруг. В неотправленном письме к З. Гиппиус он пишет: «...Нас разделил не только 1917 год, но даже 1905-й, когда я еще мало видел и мало сознавал в жизни. Мы встречались лучше всего во времена самой глухой реакции, когда дремало главное и просыпалось второстепенное... Не знаю (или — знаю), почему Вы не увидели октябрьского величия за октябрьскими гримасами, которых было ОЧЕНЬ МАЛО — могло быть во много раз больше». Характерно, что Блок пропускает здесь Февральскую революцию, буржуазный характер которой он в полной мере постиг, будучи сотрудником Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию преступлений царских министров. В это время он сам увидел не только старую, разобранную машину, поступившую на свалку истории, но и новую, слегка подновленную эсерами для той же грязной работы. На этом-то окончательно и сформировался Блок не только как великий поэт революции, но и как прозорливый политик, устремлявший свой взгляд в наше время.

В русской интеллигенции тех времен мне видятся два резко очерченных и крайне противоположных типа: реальный Александр Блок и созданный Горьким, тоже почти реальный Клим Самгин с его скептической памятью: «Да — был ли мальчик-то? Может, мальчика-то и не было?» У Блока — неудовлетворенность собой, поиск истины на уровне ученого, непреклонность в отстаивании добытой правды, концентрация личности до одной обжигающей идеи — Революции; у Самгина — себялюбие, видимость поиска, интеллектуальный паразитизм — на чувстве своей исключительности, приспособленчество, полная деградация личности. В этом межполюсном пространстве встанет множество творческих типов с разной степенью таланта, чувством правды, ответственности, благородства и поиска.

Говоря о судьбе Блока, нельзя в сравнительных целях не вспомнить другие поучительные судьбы, Ивана Бунина, например. Художник-реалист высокого класса, один из последних представителей дворянской литературы, правда, уже ослабленной, малогражданский политик Бунин принес себя в жертву сословному гонору. Начинал же он в силе зрелого Некрасова и живописно и совестливо, как в «Родине»:

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,

Глядит с улыбкой сострадания
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

К сожалению, большая часть русской интеллигенции, в том числе и сам Бунин, проявила потом непростительную историческую забывчивость в отношении того самого «грошика», который сберегла для нее родина. Что греха таить, и сегодня среди нашей интеллигенции мы найдем таких же забывчивых. Если старой интеллигенции еще простительно в том смысле, что для понимания своего положения ей нужно было поднимать глубокие пласты русской истории, то для нас, в большинстве своем интеллигентов в первом поколении, еще все на виду. «Грошик», отданный на нашу интеллигентность, еще в обращении. Однако новыми грехами, к которым я еще вернусь, не будем покрывать старые грехи. Скажем прямо, Иван Бунин, начавший по-некрасовски народно, в годы революции проявил трусливую близорукость, за которую потом расплачивался муками унижения на чужбине. Сегодня не чужбина сохранила память о нем, сберегла его слово, а мы, и не потому, что в нас нет к нему чувства укора, и не потому, что в нас слишком уж развито чувство всепрощения,— нет, мы его сберегли из соображений более высоких и вместе с тем простых, в заботе о нашей культуре как народном достоянии, полученном за большую цену. Каждый большой талант народу чего-то стоит, поэтому у народа есть на него хозяйское право, так же как право на Шаляпина. Кстати, в конце жизни они и сами это поняли. Эти огромные таланты должны были отработать и отрабатывают!..

(Окончание в следующем номере.)

То, что сохранилось на сотом самолете, сбитом защитниками Хамжонга: удостоверения пилотов, оружие, карты, разговорники.

Александр СЕРБИН

Фото автора.

ПРЕСТУПЛ

В июле прошлого года у крестьян деревни Даши, что лежит на крутом берегу узенькой речушки неподалеку от города Тханьхоа, была горячая пора. На полях кооператива уже зеленел под жарким ветром, отливая изумрудом, рис, и, чтобы богатым был урожай, люди в широких шляпах из пальмовых листьев с раннего утра выходили на прополку и торопились к полям, мимо погонщиков-мальчишек, мимо горбатых волов, тащивших повозки с удобрениями.

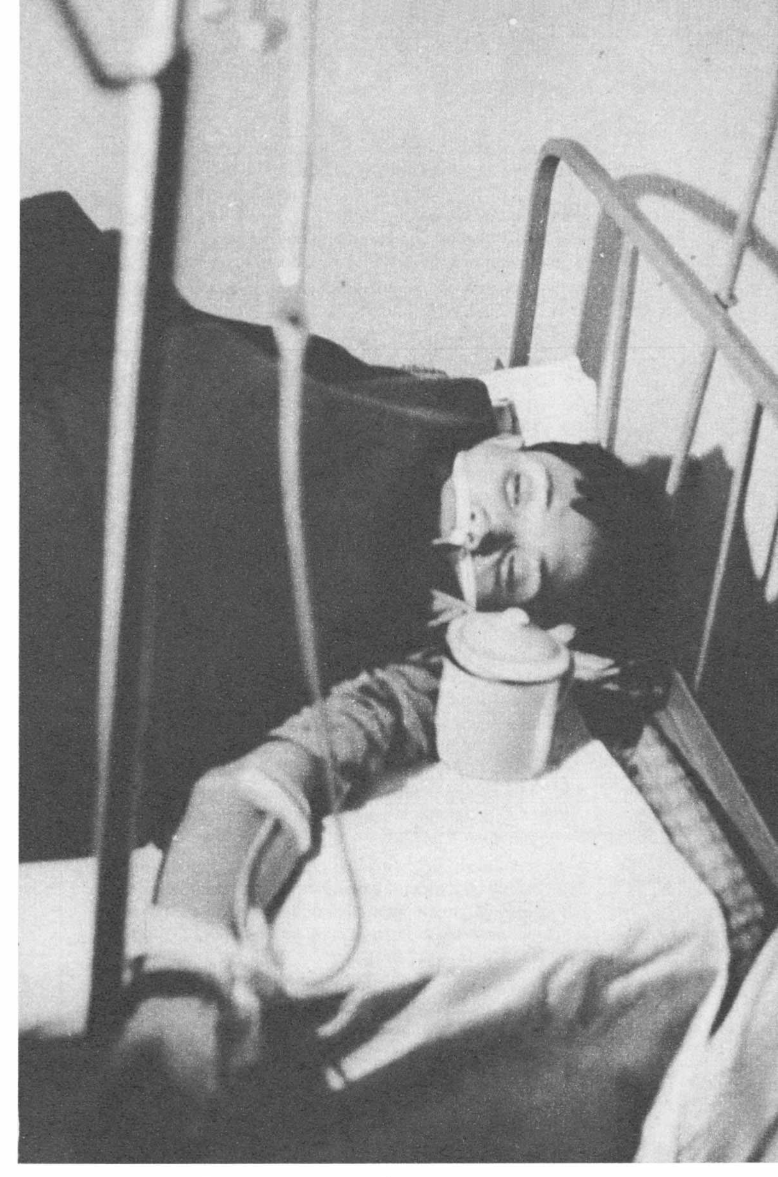
А за много тысяч миль от домиков Даши, прячущихся в тени пальм и лопоухих бананов, на каком-то военном заводе в Соединенных Штатах Америки в это время наполняли контейнеры новым видом бомб — сферическими осколочными бом-

Хо Ши Туан, председатель кооператива в деревне Даши: «Агрессорам не уйти от ответа за новые злодеяния!»

Контейнер, в котором находилась смерть. Он был заряжен сферическими бомбами в июле 1971 года. На нем было помечено, что его следует использовать по декабрь включительно. Бомбы взорвались 26 декабря 1971 года.

Нгуен Тхи Тхао в переводе означает «Душистый цветок». Так зовут трехмесячную девочку, которая была ранена при бомбежке Тханьхоа.

Шариковая бомба поразила рабочего электростанции Чан Кхак Туана.

ЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ АГРЕССОРА

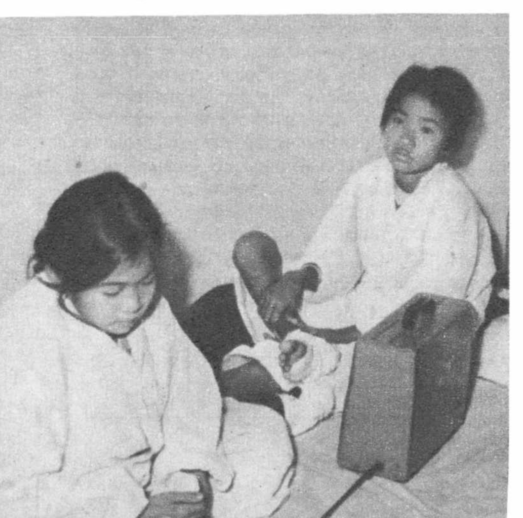
бами. Там по трафарету малевали на крутых грязно-зеленых боках контейнеров надписи, гласившие, что смерть упакована в июле и что бомбы надлежит использовать по декабрь 1971 года. И люди, которые работали на полях Даши, еще не знали, что эти бомбы предназначены для них.

В Ханое ждали давно, что агрессор пустится на авантюру. С 21 сентября почти ежедневно в воздушное пространство ДРВ рвались воздушные пираты — по одному, по двое, по трое. Время от времени кто-то из них, как говорится, не возвращался на свои базы, но налеты продолжались.

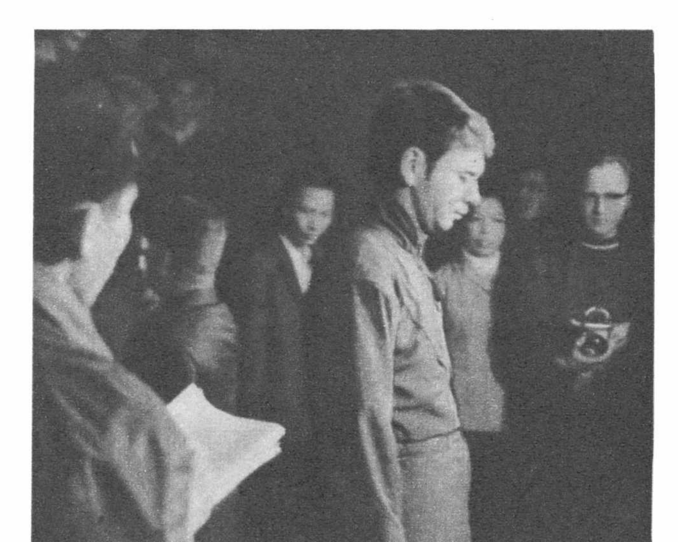
На индокитайских фронтах с началом сухого сезона еще сильнее стала давать трещины политика «вьетнамизации». В кровавой игре, которую ведут американские стратеги в Индокитае, у них оставался лишь один козырь — авиация. В годы «воздушной войны» против ДРВ—в 1965—1968 годах этот козырь не принес выигрыша. Но за отсутствием других военщина США вновь и вновь использовала его. Тяжелые «Б-52» непрерывно бомбили Лаос и Камбоджу, освобожденные районы Южного Вьетнама. Агрессор бросал бомбы, как в отчаянии бросает карты проигравший.

Конечно, та операция, которую американская авиация проводила против ДРВ с 26 по 30 декабря, тщательно взвешивалась политически, и в военных штабах специалисты аккуратно рассчитывали все действия. По поводу «необходимости» этой операции, используя всякие фальшивые доводы, в Соединенных Штатах наболтали много. Но когда стоишь у развалин Даши, то до конца понимаешь: лишь слепая злоба и бессильная ярость заставили воздушных разбойников 26 декабря появиться в небе над этой мирной деревушкой.

В тот день мы и узнали, что на республику совершен сильный налет. Заведующий отделом печати МИД ДРВ рассказал, что бомбили три южных провинции, есть жертвы и сбито пять американских самолетов. Мы выехали в Тханьхоа, в одну из провинций, ставших объектом нападения. Утром следующего дня мы были в Даши. Как описать крестьянские дома без крыш, с выщербленными стенами, лицо отца, у которого было

В этот день стали сиротами сестры Чан Тхи Май и Чан Тхи Фыонг. Их родители убиты во время бомбардировки, обе девочки ранены.

Пилот Самюэль Ричард Вогэн — один из тех, кто по приказу Пентагона обрушил смерть на мирную землю Вьетнама.

Деревня Даши. В этом доме погибла вся семья Нгуен Тхо Лыу — пять человек.

убито пятеро детей, слезы на щеке у матери, чей ребенок был ранен в ранний час 26 декабря? Деревенька эта небольшая — метров полтораста в длину, не больше сотни в ширину. Сюда попало пять контейнеров с шариковыми и сферическими бомбами. Двенадцать человек убито, двадцать три ранено.

Попробуйте вообразить себе день накануне бомбардировки. Это было рождество. Здесь, во Вьетнаме, его празднуют скорее не как религиозный праздник, а больше по традиции. Празднуют его и в США. Рождественские мессы наверняка состоялись на авианосцах в Тонкинском заливе и на базах, откуда совершались налеты на ДРВ. И потом эти пиратствующие во Христе убийцы сели за штурвалы, чтобы нести сюда смерть...

В тот день нам показали провинциальный госпиталь, который тоже подвергся бомбардировке. В первый раз американские бандиты бомбили его еще в 1968 году. Сейчас строятся новые здания на месте разрушенных. Два отделения госпиталя еще не переехали туда. Именно на них пришелся бомбовый удар. Одно из этих легких зданий почти сметено с лица земли, другое разрушено. Здесь погибло десять человек, включая двух пациентов, еще десять ранено.

Потом нас водили по палатам госпиталя, где лежали люди, получившие ранения в тот день. Среди тех, кого мы видели, были дети, ставшие сиротами, и взрослые, лишившиеся своих детей.

В 1968 году американское правительство заявило, что оно прекращает бомбардировки и акты войны против ДРВ. Это обязательство нарушалось не раз. Но впервые нарушение было столь грубым и наглым.

Нам показали в Тханьхоа остатки самолета, который был сбит под Хамжонгом, документы, личные вещи пилотов. Мы разворачивали карты, на которых были помечены районы ДРВ, предназначенные для нанесения ударов, мы держали в руках пистолет «Смит и Вессон», не пригодившийся пиратам, листали разговорник, выданный американским пилотам на случай вынужденного приземления.

В последующие дни мы узнавали о новых налетах американской авиации на ДРВ, читали подробные сообщения о том, что совершили здесь пираты. В провинции Куангбинь 27 декабря в деревне Кунам была разрушена школа. От шариковых бомб пострадало пятнадцать учеников и был убит учитель. 28 декабря в Нгеане были подвергнуты бомбардировке три деревни. 29 декабря американские самолеты с 6.45 утра до трех часов дня бомбили населенные районы Куангбиня и Нгеана. Я перечисляю здесь далеко не все объекты и бомбовые удары. Ведь в течение пяти дней авиация США совершала ежедневно от 150 до более чем 300 самолето-вылетов на ДРВ.

Узнавали мы и о другом: о том, что агрессор, вторгаясь в воздушное пространство ДРВ, несет все больше потерь. В один из дней по австралийскому радио, которое слышно здесь, было передано признание американских военных чинов в Южном Вьетнаме о том, что противовоздушная оборона ДРВ стала еще сильнее.

А список сбитых американских самолетов рос. В последний день «пятидневки агрессии» над ДРВ было сбито сразу восемь самолетов. Назавтра, в последний день 1971 года, журналистам в Ханое показали троих из тех, кто завершал авантюру. И снова были опущенные головы и глаза, которые не хотят ничего видеть. С 17 декабря американская авиация потеряла над ДРВ 24 самолета, и список захваченных здесь воздушных пиратов вырос на семь человек. Вашингтон, слезно убивающийся о судьбе захваченных воздушных разбойников, сам помог пополнить их список.

Вьетнамцы вновь доказали агрессору, что они хорошо владеют современным оружием. Защитники ДРВ готовы к отражению атак агрессора.

Ханой, январь.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: МИХАЙЛО БИЛАС

Чем выше в горы, тем больше красок, они щедро расплескались вокруг, то слепят, источая солнце, то ласкают взор прозрачной синевой низин, то успокаивают глаз бархатистыми переливами убегающих вдаль лесов. Выше в горы — меньше в Прикарпатье дорог, и только местные жители, гуцулы да бойки, знают тропы, что ведут в отдаленные села, а чужой человек будет сутками плутать по склонам, по лесистой крутизне, да так и не найдет тот уголок, о котором наслышан по рассказам.

Михайле Биласу тут все стежки знакомы, исхожены они босыми ногами еще в детстве. Он уверенно шагает по горной тропинке, что петляет в зарослях. Где-то за Косовом, в небольшом селении, в простой хатенке ждет его старая гуцулка. Остался в ее хате с незапамятных времен самодельный ткацкий станок. Что в нем сложного? Все очень просто — из обыкновенного дуба да ясеня давнишняя «техника» прикарпатских умельцев сработана. Но чтобы понять, как создаются на таком станке чудесные изделия, рожденные талантом и фантазией людей живописного края, Билас совершает многокилометровые походы, отправляется в самые отдаленные, «медвежьи» уголки на встречу с теми, кто еще сохранил секреты ремесла дедов и прадедов. Собственно, секретов никаких не было — была любовь к причудливому рисунку народного орнамента, были искусные руки, умевшие соткать из грубой шерсти тонкую игру узора, наполненного ароматом родной земли...

Пышное гуцульское покрывало на Украине называют по-разному: коц, ковдра, последнее время даже плед. Но издавна было у него свое настоящее имя — лыжник. На Прикарпатье лыжники обычно изготовляли в чернобелых тонах, комбинируя естественную раскраску овечьей шерсти. Михайло Билас и не помышлял дерзнуть улучшать народное искусство, зная, что такие попытки всегда приводили к плачевным результатам. И все же чутье художника подсказало воспитаннику Львовского института декоративного и прикладного искусства путь, по которому он пошел после поисков и раздумий. Все, что веками слагалось в неповторимую симфонию народных мотивов, «улучшения» не требовало, художественный вкус, выразительность, эмоциональность были постоянными спутниками мастерства народных умельцев. Но и современный художник, сердцу которого близка эта симфония, имеет право внести в нее свое и обогатить ее. Почему гуцулы, размышлял Билас, столетиями ткали в однообразной цветовой гамме? Да потому, что старые мастера-умельцы не имели красителей. Они вынуждены были довольствоваться палитрой, которую получило от природы подручное сырье. Ну, а нынче,— как бы они поступили, дай им в руки радужное многоцветье красок?

В селе на Яворовщине молодой художник Билас показал свои эскизы старикам и с их благословения на ветхом ручном станке соткал первые лыжники, по-новому решенные в цвете. Все в них осталось прежнее, прикарпатское — грубошерстные покрывала кажутся пышными, невесомыми, воздушными, и узором они расписаны все тем же, гуцульским. Но так и заиграла на белоснежном поле кайма орнамента, засветилась золотом и серебром, мягко-оранжевым, коричневым, притушенно-серым цветом. Богатство красок, гармония тонов и полутонов как бы омолодили старое искусство, вдохнули в него свежие мотивы, приблизили его к нам.

Свои изделия Михайло Билас привез во Львов. Больше года были открыты двери выставки его работ в местном музее этнографии и художественного промысла, а сотни людей все обращались с просьбой продлить показ образцов оригинального творчества молодого прикарпатца. Потом Биласа пригласили в Киев, он выставил свои работы в нескольких залах на Крещатике. Все, что здесь было собрано, предстало перед нами ярким фейерверком самобытного таланта, черпавшего вдохновение в древнем искусстве украинских горцев, своих земляков, жизнь и труд которых неотделимы от Карпат, от зеленых полонин и бурных рек, от чарующих красок родной земли.

Должно быть, специалистам точно известно, к какому периоду относится расцвет одного из художественных ремесел на Украине — ремесла красочных ворсистых гобеленов. Неспециалисты знают другое: украинский старинный гобелен почти исчез из обихода, стал антикварной редкостью. Наверно, сыграла тут свою роль нелегкая история народа — искусство мастеров-гобеленщиков уступило место ремеслу оружейников, ковавших казацкие сабли, пики да стремена для боевых коней...

Но вот мы попадаем в многокрасочный, как сама украинская природа, мир — десятки гобеленов Михайла Биласа, подлинных произведений, созданных по народным мотивам в современном ключе, изумляют своей необыкновенной красотой. Годы отдал Михайло Билас тому, чтобы нитка к нитке, цвет к цвету, тон к тону соткать эту галерею гобеленов-картин.

Молодая пара, туристы, при нас слезно умоляла художника снять хоть бы одно его произведение со стены. Очень хотелось иностранцам приобрести что-нибудь из работ Биласа. Михайло Акимович вежливо дал понять гостям, что вовсе не материальная сторона движет им в его творчестве. Нам же художник сказал прямо:

— Пока что я все делаю сам — изготовляю станки, тку, добываю красители... И знаете во имя чего? Хочу показать, как много оставлено нам в наследство былыми поколениями. Мы не должны терять свои культурные ценности. Я верю, у нас появятся специальные художественные мастерские. Изделия, подобные этим, будут создаваться малыми партиями, они украсят наш быт.

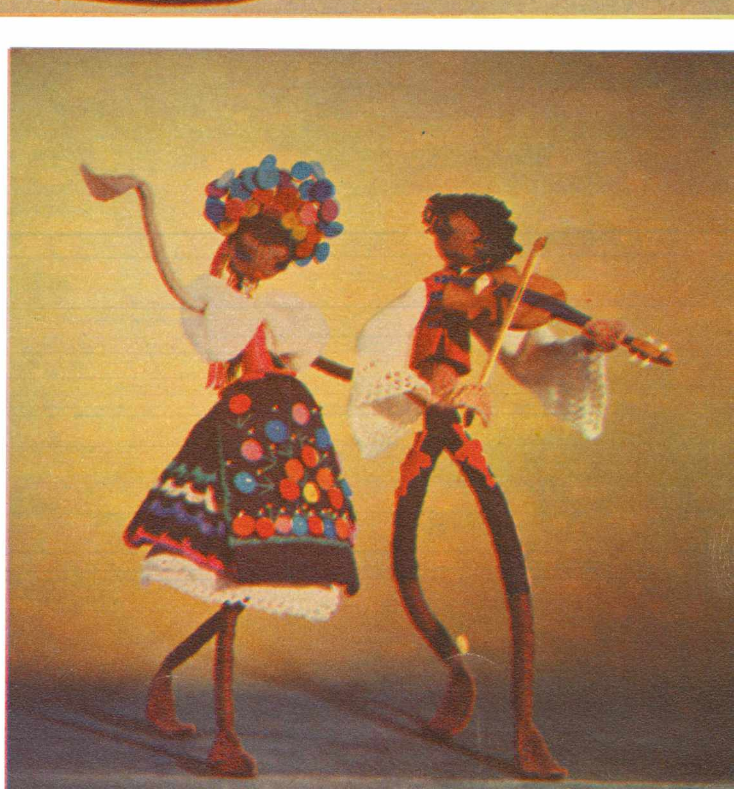
Два зала выставки были отведены под художественную аппликацию, тоже любимый жанр в творчестве Биласа. Как и гобелены, украинские вытинянки — аппликации когда-то являлись гордостью народного изобразительного творчества. Но и это искусство постепенно угасало. Михайло Билас обратился к нему, проследил за его истоками, воссоздал его традиционную основу, вдохнул в него прикарпатский колорит — танец, красочное разнообразие, сцены народных обычаев. Экзотика края, переосмысленная художником-профессионалом, в его аппликациях отображена через призму настоящего времени, она одухотворена новой жизнью. «Чуешь, сурмы заиграли!», «Бойковская свадьба», «В ночь на Ивана Купала» — серия аппликативных панно восхищает посетителей выставки высоким мастерством исполнения и светлым, лучистым содержанием. Произведения сами по себе и тематически и художественно самостоятельны. Но за каждой работой угадываются и «дальние» замыслы автора. Его аппликация прежде всего — это элемент современной архитектуры, неотъемлемая часть ее эстетического комплекса. Это и запев к большому интерьеру — своего рода эскиз отличного витража, фрагмент монументального произведения, которому под стать украсить наши дворцы культуры, наши жилые дома, заводы, здания институтов...

А. СТАСЬ

Аппликация «Конармия».

РАБОТЫ ХУДОЖНИКА
МИХАЙЛЫ БИЛАСА

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Аппликация «Праздник».

Закарпатский танец.

Леся Украинка. Ковер.

Х. Л. ЛОУРЕНС

Х. Л. Лоуренс — современный английский писатель. Во время второй мировой войны служил в английской авиации. Автор антивоенного романа «Дети света» и многочисленных рассказов.

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Золотой медальон

Над аэропортом висела прозрачная, холодная дымка, принесенная ветром с океана. Пассажиры поднимались в самолет и рассаживались по местам. На Риде был легкий тропический костюм, и он дрожал от холода, поджидая своей очереди у трапа. Стюардесса, смуглая, хорошенькая девушка, отмечая его фамилию в списке пассажиров, ободряюще заметила:

— Ничего, сеньор. Как только мы поднимемся в воздух, я принесу вам чашку горячего кофе, и вы согреетесь.

— Благодарю.

Рида подмывало объяснить ей, что он вовсе не какой-то там идиот, а просто-напросто лентяй. Он знал, что, хотя Перу и тропическая страна, в Лиме в зимнее время часто гостят туманы, и в такой ранний час холод даст себя знать. Но ему предстояло лишь переночевать здесь, и он поленился распаковать чемодан с теплой одеждой, захваченной из Европы. Все это и собирался Рид поведать стюардессе, но не успел,— она уже занялась следующим пассажиром, и он молча прошел в самолет.

В кресло рядом с ним уселся полный, жизнерадостный пассажир, в отличие от него одетый в темно-серый шерстяной костюм с жилетом. «Придется ему, бедняге, попариться!»— усмехнулся про себя Рид, застегивая привязной ремень. Полному пассажиру с его солидным животом ремень, видимо, оказался узковат. Он буркнул что-то недовольное, повернулся к Риду и по-английски пожаловался:

— Это же истинное проклятие — быть таким толстым!

Как всегда в присутствии полных людей, стройный, сухощавый Рид почувствовал себя неловко. Он подозревал, что они относятся к нему неприязненно и вместе с тем завидуют.

— Зато я чересчур худой,— ответил он.

Толстяк рассмеялся.

— Не оправдывайтесь, мистер... мистер...

— Рид. Майкл Рид.

— Вот и отлично, мистер Рид. А я Каппелман. И знаете, как меня зовут? Эрик!— Его живот заколыхался от хохота.— Эрик Мало-Помалу. Каково, а? Когда-то, в молодости, и я был изящным и стройным. Но я люблю хорошо поесть, охотно пью пиво, а передвигаться на собственных ногах мне почти не приходится — вот мало-помалу я и раздался в объеме. Теперь мне никогда не быть таким стройным, как вы, мистер Рид. Вы счастливчик!

Рид хотел что-то сказать, но в это время взревели моторы. Каппелман пожал плечами, и Рид ответил ему вежливой улыбкой. Самолет медленно тронулся с места и вырулил на взлетную полосу. Из динамика послышался голос стюардессы, вторично предложившей пассажирам застегнуть привязные ремни. Самолет ускорил бег. Через иллюминатор Рид видел, как стремительно уносится назад земля. Он почувствовал, как что-то сжимается у него внутри — так всегда происходило с ним при взлете и посадке. Риду часто приходилось летать, и каждый раз он испытывал инстинктивный страх.

Внезапно толчки прекратились, самолет оторвался от земли, и пассажиры увидели аэропорт внизу под собой. Машина набирала высоту широкой, отлогой спиралью. Лиму — «город на говорящей реке»— все еще окутывала дымка, но в одном из просветов Рид различил кафедральный собор на площади Плаза де Армас, а поодаль, за ней, зеленое подножие гор. Самолет продолжал набирать высоту, и вскоре густая облачность скрыла Лиму. Через несколько минут машина уже плыла высоко над городом в чистом, прозрачном воздухе. Справа высились Анды — гигантская каменная стена, упиравшаяся в небо своим зазубренным гребнем. К ней и направлялся самолет.

Кто-то тронул Рида за плечо. Это была стюардесса.

— Можете теперь отстегнуть ремень,— проговорила она. Рид понял, что девушка принимает его за новичка, и хотел было рассеять ее заблуждение, но стюардесса добавила:— Я уже объявляла об этом, но сеньор Рид, вероятно, не слышал.

— Вероятно,— пожал плечами Рид.

— А почему вы не напоминаете об этом мне?— вмешался Каппелман.— Или, по-вашему, я не нуждаюсь в таком совете?

Он старался придать своему голосу шутливые нотки, но стюардесса даже не улыбнулась.

— Да, герр Каппелман, вы-то не нуждаетесь в таком совете.

— Правильно.— Каппелман повернулся к Риду.— И знаете почему? Дело в том, что я все время разъезжаю, постоянно путешествую, и я уже больше не пассажир, заслуживающий внимания, а багаж...

— Извините, пожалуйста...— заговорила было стюардесса.

— Не извиняйтесь! Я ведь ни в чем вас не упрекаю, вы же хотели сделать мне комплимент. Вы согласны, мистер Рид?

Прежде чем Рид успел ответить, девушка сказала:

— Сейчас я принесу вам кофе, сеньор, а вам коньяк, герр Каппелман.

— Вот видите!— воскликнул Каппелман.— Она даже знает, что в воздухе я пью коньяк.— Он засмеялся и пошлепал себя по животу.— Толстая знаменитость! Ну-ка, быстро! Несите кофе моему другу мистеру Риду. Посмотрите, какой он худощавый. У него и в помине нет такого теплоизоляционного слоя, каким природа наградила меня, потому-то он и замерз.

— Кофе я пью с сахаром и сливками,— добавил Рид; он понял, что стюардесса терпеть не может Каппелмана, и хотел, чтобы она поскорее от них отошла. Ему показалось, что девушка, уходя, взглянула на него с благодарностью.

— Вы, наверно, считаете, что я чересчур суров с нашей хорошенькой стюардессой,— заметил Каппелман.

«Вот черт!— с удивлением подумал Рид.— Он словно читает мои мысли...»

— Я наблюдаю, я вижу, я замечаю. Я... ну, как бы это сказать... да, пожалуй, я хиромант. Хотя нет, не то. Просто по выражению вашего лица я догадался, как догадался бы любой другой на моем месте, о чем вы думаете.— Он наклонился и похлопал Рида по колену.— Вряд ли такая выразительность лица полезна во всех случаях жизни, а?

Рида так и подмывало крикнуть: «Не суй свой нос в чужие дела!»,— но вместо этого он сказал:

— У меня такая работа, герр Каппелман, что скрывать мне нечего.

— Вы хотите сказать,— усмехнулся Каппелман,— что мне приходится кое-что скрывать? А вы не дурак, мой друг, иначе я уже давно бы занялся своей работой.— Он погладил объемистый портфель, лежавший у него на коленях.— Едва взглянув на вас, я подумал: «Какое интересное лицо!» Да, да, у вас лицо истинного англичанина, а мы, немцы, должны постоянно изучать вашу нацию... Подождите, подождите!— Он поднял палец.— Я знаю, что вы хотите сказать. Я имею в виду немецкую интеллигенцию. Гитлер же, во-первых, австриец, а во-вторых, никакой не интеллигент. Он боялся вас, вместо того чтобы изучать, не хотел принимать во внимание свойственного англичанам духа коллективизма.

Рид с опаской подумал, что, не дай бог, ему придется слушать эти разглагольствования до самого Каракаса, но Каппелман внезапно сказал:

— Вам принесли кофе.

Рид с облегчением взглянул на подошедшую стюардессу и тепло поблагодарил ее. «Дьявол бы побрал этого Каппелмана с его философией!»— подумал он. Немец молча взял коньяк, девушка направилась к другим пассажирам, и Рид, попивая кофе, наслаждался молчанием. Каппелман открыл портфель и проговорил:

— А теперь, пожалуй, можно и поработать.

Рид закурил и задумчиво уставился в иллюминатор.

Лима и прибрежные пески остались позади. В прозрачной голубизне теперь отчетливо виднелись покрытые снегом верхушки Анд и первозданный хаос острых, как лезвие бритвы, хребтов, в бессильной ярости тянувшихся к самолету.

Стюардесса подала ленч. Каппелман занимался своими бумагами и едой и лишь изредка бросал какую-нибудь ничего не значащую фразу. Рид снова взглянул в иллюминатор и обнаружил, что они летят над бесконечным темно-зеленым ковром джунглей. Девушка собирала подносы. Рид только что успел закурить, когда раздался приглушенный взрыв, и он увидел, как левый мотор оторвался и полетел вниз. Самолет резко накренился. «Всем застегнуть привязные ремни!»— крикнула стюардесса. Но это было уже не нужно. Самолет завалился на нос, и пассажиров швырнуло на переднюю переборку. Кто-то тяжело упал на Рида и сполз на пол. В следующее мгновение самолет опять резко накренился, и Рида бросило в другую сторону. Он смутно видел лица, тела, ноги и без удивления отметил, что среди людей плавают чемоданы, чашки, блюдца, фотоаппараты и даже зажженные сигареты. Он успел заметить ботинок, летевший ему в голову, и в то же мгновение ударился о беззвучно распадавшуюся переборку. Словно отгоревшая в праздничном фейерверке ракета, самолет беспомощно падал в раскинувшиеся внизу вечнозеленые джунгли...

Рид открыл глаза и увидел перед собой лицо стюардессы.

— Вы, кажется, легко отделались, сеньор. Как вы себя чувствуете?

— В общем-то сносно.— Он с трудом сел. На лбу у него вздулась шишка, на левой руке и на боку расплылись пятна крови.— А как вы?

— Вполне терпимо.

— Что с другими?

— Погибли... Одна женщина еще жива.— Девушка помолчала и нехотя добавила:— Герру Каппелману более или менее повезло — у него только сломана нога.

Рид посмотрел в том направлении, куда показала стюардесса. Там, привалившись к дереву, сидел мертвенно-бледный, с опухшим лицом Каппелман. Правой рукой он сжимал сломанную ногу, а в левой держал портфель. Позади Каппелмана, зарывшись носом в мягкую почву, лежал изуродованный самолет. Хвостовой части и одного крыла не было совсем, фюзеляж торчал почти вертикально, словно гигантский обелиск. В воздухе стоял сильный запах бензина. Около обломков самолета лежали тела двух погибших мужчин, рядом с ними распростерлась женщина. Она пошевелилась, чуть слышно застонала и умолкла.

— По-моему, умерла,— заметила девушка таким спокойным, равнодушным голосом, что Рид невольно подумал: «Она все еще не оправилась от потрясения».

— Здесь нас трое,— сказал он.— Больше никто не спасся?

— Затрудняюсь сказать.

— Криков о помощи вы не слышали?

— Нет.

— Сколько времени мы уже здесь?

— Думаю, минут десять.

— Но где мы находимся? Вы знаете?

— Когда мы... Когда произошла катастрофа, мы летели по курсу. Кажется, где-то поблизости должна быть Пакина.

— Пакина?

— Да. Но для меня это всего лишь точка на карте.

— Мы сможем туда добраться?

Девушка кивнула в сторону Каппелмана. Рид понял ее.

— Ах да, у него же нога... Но нас будут искать и...

Стюардесса помолчала.

— Искать-то будут, но найдут ли?— вяло заметила она.— Джунгли...

И только тут Рид вдруг с особой остротой ощутил, что всего лишь пятнадцать минут назад он покинул привычный и понятный ему мир и оказался в ином — страшном и загадочном. Да, он уцелел, почти не пострадал, но что из того? Здесь, в этих непроходимых джунглях, он чувствовал себя растерянным и беспомощным, как ребенок.

Он взглянул вверх. Лучи тропического солнца, с трудом пробиваясь сквозь листву, создавали внизу унылый полумрак, напоминавший Риду оранжереи Лондонского ботанического сада с той лишь разницей, что там он не таил в себе ничего недоброго. Рид спросил себя, возможно ли будет разглядеть сверху остатки самолета, и тут же решил, что это маловероятно. Падая, машина пробила в зеленой крыше джунглей лишь крохотное отверстие, настолько крохотное, что его вряд ли можно заметить даже с низко летящего вертолета.

— Радиопередатчик самолета работает?— спросил Рид, понимая, что строить всевозможные догадки бессмысленно.

— Разбит вдребезги,— с тем же равнодушием ответила девушка.— Правда, у нас есть сигнальные ракеты, но они бесполезны, если вы не умеете карабкаться по деревьям, как обезьяна.

Рид снова взглянул на деревья. На высоте у него обычно начинала кружиться голова, однако он решил, что иного выхода нет, он постарается преодолеть эту слабость, тем более что густая листва закроет от него землю.

— Что еще у нас есть?

— Немного еды. Бо́льшая часть продуктов хранилась в хвостовой части фюзеляжа, и от них ничего не осталось, но несколько банок с консервами уцелело. Совсем нет воды, в первую очередь придется заняться поисками какого-нибудь ручья.

Рид перебирал в памяти все виденные кинофильмы, где подобные катастрофы в джунглях были самым обычным делом. Заслышав гул моторов в воздухе, герои фильма поджигали обломки своего самолета, и дымовой сигнал вызволял их из беды. «И ведь это так просто!»— с облегчением подумал он, а вслух сказал:

— Все обойдется. Надо только вовремя уловить шум приближающегося самолета и подожечь обломки нашей машины.

Стюардесса одобрительно кивнула.

— Хорошая мысль. Ну, а сейчас попытайтесь встать.— Она протянула Риду руку, и он медленно поднялся.— Давайте навестим герра Каппелмана. Он обрадуется, когда узнает, что вы уцелели.

Рид кое-как доковылял до Каппелмана.

— Привет, мой друг!— воскликнул немец.— Живы и невредимы? А вот про себя не могу этого сказать. Нога... Но с вашей помощью мы приведем ее в порядок, не так ли, доктор?

— Я не доктор, а геолог,— удивленно ответил Рид.

Каппелман усмехнулся.

— Правильно, и притом очень хороший. Но вы же намеревались стать врачом и целый год проучились на медицинском факультете. Это было... минуточку, минуточку... да, это было десять лет назад.

— Однако я никогда не занимался врачебной практикой,— все более удивляясь, ответил Рид.

— Тоже верно, поскольку работа в «Консолидэйтед минералс» отнимала у вас массу времени. В конце концов вы забросили медицину. Докторов у нас сколько угодно, а ученых не хватает. Но все же, надеюсь, вы сумеете наложить повязку на простой перелом?

— Не простой, а сложный,— поправил Рид, прощупывая кость,— но, по-моему, довольно чистый.— Он удалил обрывки материи из раны, образовавшейся в том месте, где сломанная кость прорезала кожу, и смастерил из дюралевых обломков примитивную, но вполне отвечающую своему назначению шину.— А теперь приготовьтесь, вам будет больно,— сказал он.

— Мы не в операционной,— улыбнулся Каппелман.— Я готов терпеть.

Рид взялся одной рукой за колено Каппелмана, а другой — за ногу ниже перелома и с силой дернул. Каппелман пронзительно вскрикнул. Убедившись, что кость сложена правильно, Рид быстро наложил шину.

— Я не мог сдержаться,— посетовал Каппелман, вытирая вспотевший лоб.

— Не обращайте внимания.

— Но это же непростительная слабость!

— Никто не застрахован от боли.

— Только слабые духом не в состоянии держать себя в руках. Мне стыдно за себя.

— Перестаньте!

— Но...

Рид отошел, немец начал раздражать его.

— Вы должны забыть, что я кричал,— обратился Каппелман к стюардессе.

— Только у меня и забот, что помнить, как вы кричали. И вообще, какое это имеет значение?

Каппелман схватил ее за руку.

— Не грубите! Я не переношу грубости.

Стюардесса высвободила руку.

— Нам надо подумать о воде и пище и поискать какой-то путь к спасению.

— Отправляйтесь и отыщите ручей или реку. Это и будет наш единственный путь к спасению.

— Значит, мы должны найти реку?

Каппелман кивнул. Он успокоился или сделал вид, что успокоился.

— Я знаю джунгли,— заявил он.— Мы летели по курсу?

Стюардесса повторила то, что уже рассказала Риду.

— Вы говорите, Пакина? Если так, мы должны находиться в районе Рио Бланко, или Рио Тапиче, или Рио Укаяли, что вовсе не приводит меня в восторг.

— Почему?

— Трудная здесь местность,— уклончиво ответил Каппелман.

Что-то его обеспокоило, и девушка ждала, что он объяснит ей причину, но ее позвал Рид. Он показал на следы какого-то крупного животного.

— Кто бы это мог быть?

— Ягуар,— несколько удивившись неосведомленности Рида, ответила девушка.— Это может означать, что где-то поблизости протекает река и у нас будет вода. Но ее нужно в чем-то принести. Пойдемте поищем.

Они направились к разбитому самолету. Каппелман молча наблюдал за ними. Рид взглянул на какие-то лоскуты, свисавшие со стенок фюзеляжа, и только тут заметил на полу пятна крови. При мысли о том, что среди

этого бесформенного нагромождения обломков лежат мертвые, а может быть, умирающие, у него перехватило дыхание, и он повернулся к стюардессе.

— Я совсем забыл... Надо бы поискать — возможно, еще кто-нибудь спасся...

— Я уже искала. Никто, кроме нас, не уцелел.

— Скоро вы там кончите любезничать?— донесся до них голос Каппелмана.— Я хочу пить.

— Надо поискать воду,— сказал Рид.— Пока светло, хищных зверей можно не опасаться.

— Берегитесь змей,— насмешливо предупредил Каппелман.— Особенно анаконды.

Рид отыскал в обломках небольшую жестянку, оказавшуюся вполне пригодной, и, ступая по следам ягуара, исчез в зарослях. Каппелман взглянул на стюардессу:

— Герой-любовник нас покидает, а?..

День подходил к концу. На некотором удалении от места катастрофы они расчистили небольшую площадку, разожгли костер и поели. Рид закурил. Каппелман с их помощью перебрался к костру и теперь лежал на коврике, найденном среди обломков самолета. Потягивая сигарету, Рид подумал: «В конце концов все не так уж плохо. Завтра нас начнут искать».

— Как ни странно,— обратился он к девушке,— я до сих пор не знаю вашего имени. Не могу же я называть вас просто стюардессой.

— Меня зовут Розеллой.

— Розелла де Сильва,— вмешался Каппелман.— Двадцати двух лет, незамужняя, родилась в Каракасе, воспитывалась в монастыре в Маракаибо, поступила на службу в гражданскую авиацию в прошлом году. Владеет пятью языками; ни с кем не помолвлена.

— Благодарю, герр Каппелман,— отозвался Рид.— Вы, кажется, знаете всех и каждого...

— Ну, положим, не каждого, герр Рид...

— Мистер Рид.

— Пожалуйста, мистер Рид. Просто я навожу соответствующие справки о тех, с кем встречаюсь или могу встретиться.

— Зачем? Из любопытства или потому, что вы кого-то опасаетесь?

— Логичный вопрос, мистер Рид. У меня есть на то свои причины...— Он замолчал и прислушался.— По-моему, за нами кто-то наблюдает.

— Но кто тут может быть?

Каппелман досадливо отмахнулся, и все трое напрягли слух. Нарушая вечернюю тишину джунглей, где-то трещали попугаи, слышалась болтовня обезьян. Появились первые ночные москиты, и их гудение напоминало шум пролетающей вдалеке эскадрильи самолетов.

— Если только они появятся...— пробормотал Каппелман, ощупывая карман.

— Кто?

— Индейцы. Вероятнее всего, майя.

— Это плохо?

— Как вам сказать... Все возможно. У вас есть оружие?

— Нет.

— Обычный английский кретинизм. Я оказался более благоразумным и прихватил пистолет. При необходимости я его использую, можете не сомневаться.

— Не лучше ли просто соблюдать сдержанность и осторожность?

— Как всегда делают ваши соотечественники, вы предлагаете компромисс?— саркастически усмехнулся Каппелман.

— Пусть будет так.

До бесконечности медленно тянулась ночь. Рид не мог уснуть — не давали покоя словно взбесившиеся москиты, мешала оглушающая какофония звуков, висевшая над джунглями. Время от времени он подбрасывал в костер сухие ветви, и тогда высоко взметнувшиеся языки пламени освещали фигуры Розеллы и Каппелмана. Рид закурил новую сигарету и вполголоса ругнул москитов. Розелла спала спокойно, Каппелман же все время ворочался — его мучила нога. Рид подошел к нему. Белое как полотно лицо немца покрывали капли пота. Внезапно он что-то забормотал, мешая немецкие, английские и испанские слова. Направляясь за водой, Рид увидел, что Розелла проснулась.

— Что случилось, сеньор?

— У Каппелмана начался бред.

Девушка взглянула на мокрую тряпку, которую он держал в руках.

— Дайте мне. Я посмотрю за ним, а вы ложитесь спать, вам нужно отдохнуть.

Рид покачал головой.

— Бесполезно. Я не смогу уснуть. Лучше я помогу вам.

Они подошли к Каппелману. Тот по-прежнему что-то бормотал.

— Что он говорит? — спросил Рид.

Розелла пожала плечами.

— Ничего. Набор слов.

— О чем?

— Ни о чем. Бессмысленный набор слов.

Рид наклонился, и Каппелман взглянул на него, но Рид понял, что он его не видит.

— Ему плохо.

Розелла кивнула.

— Пойду поищу аптечку,— сказала она и направилась к самолету.

Некоторое время Каппелман лежал молча, но вскоре отчетливо заговорил по-английски:

— ...Мы все равно победим... Да, да, Джилингхем, мы победим... Они никогда не узнают... Теперь мы начнем пожинать плоды... Уже скоро...— Он помолчал и продолжал: — Как приказано, Корт... Я связался... Я связался с вашим новым человеком... Алло, Корт... Я сказал им...

Говоря все это, Каппелман не сводил с Рида глаз. Постепенно в его взгляде появилось осмысленное выражение.

— Где я? — спросил он.

— Там же, где были. Лежите спокойно.

— Где Розелла?

— Ищет аптечку.

Каппелман схватил Рида за руку.

— Я долго был без сознания?

— Несколько часов.

— И разговаривал в бреду?

— Разговаривали?

— Да, да! Разговаривал?

— Нет.

— Лжете!

— Вы несли какую-то чушь.

— О чем?

— Я не понял.

Каппелман слабо улыбнулся, и Рид подумал: «Вот так, наверно, улыбаются акулы».

— Я еще поправлюсь.

— Несомненно, если не будете двигаться.

— Принесите кофе.

Рид подошел к костру; Розелла уже была тут.

— Аптечки я не нашла, она не сохранилась,— сообщила девушка и посмотрела в сторону Каппелмана.

— Он просил кофе и беспокоится, не сказал ли в бреду чего-нибудь лишнего.

— Беспокоится? Напрасно. Вы вообще-то владеете испанским или немецким?

— Немецкого почти не знаю, а испанский понимаю, но плохо.

— Ничего, как-нибудь научитесь,— улыбнулась девушка и вдруг уставилась расширившимися глазами туда, где высился фюзеляж самолета. Там неподвижно стояло несколько индейцев. Ничто в их поведении не выдавало враждебности. Один из них выступил вперед, спокойно подошел к Каппелману и что-то спросил у него. И тут произошло непоправимое. Зло бросив в ответ несколько слов, Каппелман вскинул руку с пистолетом и выстрелил. Рид успел только заметить, как к немцу ринулись остальные индейцы, снова прозвучал выстрел, потом сильные руки обхватили его самого и чьи-то пальцы сжали его горло. Он задохнулся и потерял сознание.

Когда Рид пришел в себя, первой его мыслью была мысль о том, что он жив. Он попытался подняться, и это ему удалось, хотя и с трудом. Он встал и прислушался. В джунглях стоял обычный многоголосый шум, но не доносилось ни единого звука, говорившего о присутствии человека.

Рид пошарил в карманах, нашел спички и зажег одну из них, однако слабый язычок пламени быстро погас. Медленно обходя площадку, где разыгрались недавние события, он уже добрался до обломков самолета, когда услышал странный шорох. Ему показалось, что этот звук донесся откуда-то с ближайшего дерева. Он чиркнул спичкой, взглянул вверх и увидел почти рядом со своим лицом плоскую, копьевидную голову большой змеи. Вскрикнув, Рид выронил горящую спичку и тут же отпрянул: спичка упала в лужу бензина, мгновенно вспыхнувшее пламя, извиваясь, поползло к фюзеляжу и уцелевшему крылу самолета. Не прошло и минуты, как огонь охватил обломки машины. Еще несколько мгновений спустя раздался взрыв, горячая волна швырнула Рида на землю, но он вскочил и отбежал в сторону. Где-то в самом центре бушевавшего пламени начали рваться ракеты, и Рид, наблюдая, как в глубине гигантского костра вспыхивают разноцветные молнии, с отчаянием думал, что там вместе с ракетами сгорает его последняя надежда на спасение.

При свете постепенно угасающего зарева Рид вернулся к тому месту, где его застало появление индейцев, и только теперь обнаружил Каппелмана. Он был мертв. Рид вынул из его крепко сжатой руки пистолет и осмотрелся. В нескольких ярдах от себя он увидел жакет Розеллы, но сама она исчезла. Никогда еще за все последние часы Рид не чувствовал себя таким заброшенным и беспомощным. Искать Розеллу было бесполезно — он сразу потерялся бы в джунглях. Вернувшись к Каппелману, он взял у него из карманов бумажник, паспорт и несколько туристских чеков. Все это, как и жакет Розеллы, Рид сложил в портфель Каппелмана, потом сел и стал ждать рассвета или смерти, испытывая безразличие и к тому и к другому.

Прошел еще день. Рид с искусанным москитами, опухшим лицом нашел недалеко от тлеющих обломков самолета несколько банок с консервами, но открыть их не мог. В полдень он побрел к протекавшему поблизости ручью утолить жажду и тут, несколько успокоенный холодной водой, вспомнил одно из основных положений географии, гласившее, что все или почти все ручьи впадают в реки. Значит, перед ним лежала «тропа» к одной из рек, к спасению? Он осмотрел пистолет Каппелмана, вернулся на площадку и взял портфель. Рид охотно оставил бы его тут же, рядом с его владельцем, но как он докажет тогда правдивость своего рассказа? Он снял с фуражки одного из членов экипажа авиационную эмблему и отправился вниз по течению ручья.

Идти было трудно, иногда приходилось опускаться на четвереньки и ползком пробираться сквозь высокий кустарник, зеленым сводом нависавший над ручьем. Чем дальше, тем глубже и шире делался ручей, и к концу дня Рид оказался на берегу большой реки. Но он сразу понял, что конец его мучениям еще не наступил. Нечего было и думать о том, чтобы двигаться дальше вдоль берега, покрытого непроходимыми зарослями. Спуститься вниз по реке он тоже не мог: где бы он нашел лодку?

Рид обнаружил поблизости песчаную отмель и решил провести там ночь. Он собрал кучу валежника, разжег костер и, несмотря на голод, многочисленные царапины и укусы москитов, задремал, просыпаясь лишь для того, чтобы подбросить в огонь веток.

Окончательно проснувшись, Рид сначала не поверил собственным глазам: он увидел, как к берегу причалила лодка, как из нее вышли на берег три индейца и, остановившись поодаль, принялись наблюдать за ним. Рид приготовился к самому худшему, но тут на память ему пришел услышанный когда-то совет: «Спокойно сидите и ждите... В подавляющем большинстве своем они люди дружелюбные». Так он и сделал. Посовещавшись, индейцы подошли ближе и заговорили с ним. Рид отрицательно покачал головой, потом показал вверх по течению реки, изобразил шум летящего самолета и для большего эффекта громко крикнул: «Банг!» Индейцы, подумал он, возможно, никогда не видели поселка, где проживало бы более пяти-шести белых, но различать гул пролетающих над ними самолетов они, конечно, умели.

У Рида затеплилась надежда, когда индейцы, внимательно посмотрев на него, взяли его за руки и повели к лодке. Он безропотно сел на указанное ему место, почти уверенный, что теперь он спасен.

Лодка поплыла вниз по реке.

Продолжение следует.

Перевел с английского Ан. Горский.

Владимир БОЛЬШАКОВ

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК МЕЖДУНАРОДНОГО СИОНИЗМА

Еще на заре сионистского движения один из его лидеров, Давид Вольфсон, писал по поводу переговоров с англичанами о колонизации Палестины: «Я сделал все возможное, дабы убедить лорда Милнера, что то, что он называет колониализмом,— это и есть сам сионизм».

Много лет спустя, на 28-м «всемирном сионистском конгрессе», открывшемся в Иерусалиме 18 января 1972 года, председатель исполкома Всемирной сионистской организации (ВСО) А. Пинкус подтвердил определение Вольфсона, сообщив о создании 31-го израильского поселения на оккупированных в ходе июньской агрессии 1967 года арабских землях. Конгресс, на котором было сделано это сообщение, совпал с 75-летием Всемирной сионистской организации, созданной в 1897 году в Базеле (Швейцария).

Конечно, 28-й «всемирный конгресс» сионистов, проходивший в атмосфере антисоветской истерии и шовинистического угара, был весьма далек от того, чтобы критически оценивать основные вехи сионистского движения.

А между тем господам сионистам полезно напомнить об их прошлом — как далеком, так и недавнем. Давайте приоткроем послужной список международного сионизма.

С 1897 по 1905 год международный сионизм устанавливает тесные контакты с самыми реакционными силами всей Европы. Герцль, возглавивший ВСО, предлагает услуги сионизма немецкому кайзеру Вильгельму II, царскому министру Плеве, Оттоманской империи... Его всюду принимают доброжелательно, и это не случайно. Реакция почувствовала в сионизме с первых же его шагов классового родственника, средство для борьбы с революционным движением.

Сионисты ходят в любимчиках у погромщиков и вешателей вроде Зубатова, призывавшего «всячески поддержать сионизм». «Освободители» евреев смотрят сквозь пальцы на погромы, устраиваемые черной сотней. Логика проста: пусть погромщики топят в крови еврейские местечки, лишь бы еврейский рабочий не пошел на союз с пролетариатом других национальностей, лишь бы не вырвался из-под контроля сионистов.

В годы столыпинской реакции лидеры бундовцев блокируются с лидерами меньшевиков для борьбы с большевиками-ленинцами. «Столыпинская рабочая партия», как окрестили рабочие этот союз ликвидаторов, идет в услужение к царизму, расшаркивается в своем верноподданничестве перед карателями, топившими в крови революционное движение пролетариата.

1917 год. Повсеместно, во всех странах мира сионисты, несмотря на различие их вывесок для парадных подъездов, от сионистов-социалистов до фашиствующих сионистских партий, вроде той, что была сколочена В. Жаботинским в России, ополчаются против Советской власти, вступают на путь борьбы с ней.

1918 год. На подпольной конференции в Москве делегаты «Цейре-Цион», разветвленной сионистской организации, принимают развернутую программу борьбы с коммунизмом. «Социализм стоит сионизму поперек дороги,— записано в протоколах «Цейре-Цион».— Таким образом, сионизм и социализм не только два полюса взаимоотталкивающиеся, но два элемента, друг друга совершенно исключающие».

1919 год. Каменец-Подольск. Лидеры украинских сионистов встречаются с гетманом Петлюрой.

После разгрома контрреволюционного сионистского подполья в России, роспуска таких сионистских партий, как «Поалей Цион», «сионистской социалистической партии» и самороспуска Бунда международный сионизм разворачивает широкую антисоветскую кампанию в капиталистических странах при полной поддержке империалистических сил тех лет, в том числе сионистского капитала.

Активной подрывной деятельностью против СССР занимается международная сионистская организация «Джоинт», агенты которой были разоблачены в 1930 году.

Антисоветизм сионистов привлек к ним внимание поднимавшего голову фашизма. В 1934 году нынешний глава «всемирного еврейского конгресса» Наум Гольдман, долгие годы бывший одновременно и президентом ВСО, был принят итальянским дуче Муссолини и получил его благословение. В дальнейшем сионисты нашли союзника в лице гитлеровцев, увидев в приходе нацистов к власти в Германии «не национальную катастрофу», как писал Ганс Хене в серии очерков для журнала «Шпигель», а «уникальную историческую возможность осуществления сионистских намерений».

Идя на союз с нацизмом, как это подтверждают сейчас документы, показания многочисленных свидетелей, сионизм преследовал несколько целей. Прежде всего с помощью нацистов сионисты сумели расправиться с теми еврейскими организациями, которые выступали против переселения в Палестину. Кроме того, зверства нацистов, погромы, перешедшие впоследствии в планомерное уничтожение евреев, позволили сионистам получить в руки живую силу для колонизации Палестины в лице бежавших от этих зверств евреев. И последнее, хотя и первостепенное по важности в планах сионизма,— в нацизме главари международного сионистского концерна видели средство борьбы с ненавистной им Советской властью, с коммунизмом.

Именно этими причинами объясняются позорные сделки с нацистами представителей «еврейского агентства» (его возглавляет сейчас председательствовавший на 28-м конгрессе сионистов Пинкус).

Они делали все, как это признал один из представителей «еврейского агентства» Е. Ливнэ, чтобы не допустить участия евреев в борьбе с гитлеровцами. Тех же евреев, которые не подчинялись приказу о «непротивлении», сионисты хладнокровно обрекали на смерть. Как свидетельствуют авторы книги «Гетто в борьбе», «еврейское агентство» в союзе с гитлеровцами обрекло на смерть 200 тысяч евреев, участников восстания в Варшавском гетто.

Список этих преступлений сионистов можно продолжать до бесконечности. Можно вспомнить о том, какие сделки с гестапо и вермахтом заключали нынешние лидеры сионизма, восседавшие за столом президиума на 28-м «сионистском конгрессе»—Голда Меир, Бен Гурион, Залман Шазар, Менахем Бегин,— все они, равно как и многочисленные их коллеги, выступали во время войны как прямые пособники фашизма.

Не мудрено, что они переняли не только идеологию своих духовных братьев из 3-го рейха, но и их методы действий.

Вчерашние прислужники гитлеровцев, припрятавшие нашивки «капо» в заветные сундучки, вновь на весь мир кричат об «антисемитизме большевиков», призывают «спасать советских евреев». Это не только пропагандистское витийствование. В начале 1970 года международный сионизм устами Голды Меир объявил о «тотальном походе» против Советского Союза и других социалистических стран. Для ведения этой войны созданы международные объединения сионистских организаций во многих капиталистических странах, где есть еврейские общины. В средствах развязывания антисоветской истерии не стесняются. В ход идет все — от обстрела фанатиками-сионистами советских учреждений из снайперских винтовок до провокационных шабашей антисоветского толка, вроде того, который сионисты провели в Брюсселе в феврале 1971 года.

В этой антисоветской кампании международный сионистский концерн получает полную поддержку всех реакционных сил современности. С сионистами блокируются и американская «национал-социалистическая партия», объявившая о своем намерении «отправить всех евреев в газовые камеры», и реваншистские «землячества» из ФРГ, и профашистские группировки в некоторых странах Латинской Америки. Под потрепанными штандартами антикоммунизма «спасители евреев», как именуют себя сионисты, закономерно оказались в одной компании с завзятыми фашистами и антисемитами. Они братья по классу, братья по духу, политические и идеологические близнецы.

В послужном списке сионистов за годы существования ВСО нет ни одного пункта, по которому у главарей международного сионистского концерна были бы расхождения с империалистической реакцией. Борьба против Советской власти с первых дней ее существования. Поддержка интервенции против Советской России. Поддержка гитлеровцев. Активное участие в «холодной войне» империализма против СССР. Подрывные действия в социалистических странах. Альянс с контрреволюционными силами, выступавшими в Венгрии, ЧССР, Польше. Агрессия против Египта в 1956 году. Агрессия против ОАР, Сирии и Иордании в 1967 году. Полная поддержка агрессии США в Индокитае. Шпионаж, диверсии, провокации.

Не мудрено, что даже в таком «сугубо внутреннем» деле сионистов, как их 28-й конгресс, принимают самое активное участие Центральное разведывательное управление США и разведслужбы других империалистических государств. Не мудрено...

Сионистам с каждым днем все труднее и труднее рядиться в излюбленную ими тогу «радетелей евреев». Как бы далеко ни прятали они свой послужной список, как бы ни старались скрыть свои преступления, многое известно. Им не верят. Уже многие знают им цену. От их «благодеяний» отказываются те, кого они фарисейски именуют «братьями по крови».

Несмотря на хитроумную машину по вербовке своих сторонников, несмотря на существование широкой агентуры и специальных террористических групп, сионизму отказывают в доверии именно евреи. С осуждением сионистских провокаторов не раз выступали граждане еврейского происхождения из СССР и других социалистических стран. То же самое происходит сейчас в Англии, США, Франции и многих странах Латинской Америки. В этих условиях сионизму приходится ловчить, приспосабливаться, широко рекламировать свои «разногласия». Небезызвестный Наум Гольдман счел нужным отмежеваться от 28-го конгресса, назвав его «трибуной истерического сионизма». Пещерный антикоммунизм устроителей этого шабаша претит Гольдману. Он за сионизм, за антикоммунизм, как и прежде. Но он понимает, что времена переменились. И потому призывает отказаться от шумных антисоветских провокаций и сосредоточить основное внимание на более тонких методах борьбы.

Такого рода «разногласия» в сионистской верхушке не меняют, однако, общей реакционной сути международного сионизма. Он был и остается одним из наиболее опасных орудий в руках империализма и врагом коммунистического и рабочего движения, ярым противником национально-освободительных сил.

Юрий ЧЕРНЯВСКИЙ

Рисунок И. БЛИОХА.

ИЗ КАБИНЕТА СЛЕДОВАТЕЛЯ

РЕЗИНОВЫЕ ПЕРЧАТКИ

Рабочий день начался обычно. Я было углубился в изучение дела о недостаче стеклотары на ликеро-водочном заводе, когда раздался звонок и мой товарищ по работе оперуполномоченный уголовного розыска Дмитрий Николаевич Зотов сообщил, что на углу Красноармейской улицы сегодня ночью обокрали магазин орса и нужно выезжать.

Был конец лета. Красноармейская улица тянулась почти по самой окраине города, в небольших частных домишках жили в основном рабочие машиностроительного завода, корпуса которого виднелись сразу же за последними домами. Магазинчик был небольшой, скорее продуктовый ларек, наискосок от него начинался сквер со старыми липами, куда частенько забегали любители «сообразить на троих», пользуясь услугами гостеприимной хозяйки торговой точки.

Замок был сорван и валялся перед входом видимых повреждений на нем не было, дверь слегка приоткрыта. Похоже, что похозяйничали основательно. Многие товары разбросаны часть верхних полок вообще пустая. Весы сдвинуты в сторону, одна чашка их валялась на прилавке, тут же раскидана мелочь. На полу рассыпаны конфеты «Ласточка» и чуть в стороне, ближе к входу, лежала почти новая резиновая перчатка.

Взволнованная заведующая Клавдия Никонова, 42-летняя молодящаяся особа, торопливо, сбиваясь, давала пояснения. Видно было, что она расстроена происшедшим, хотя не забывала кокетливо поправлять челку и, как я успел приметить, пока мы с Дмитрием Николаевичем осматривали помещение и писали протокол, подкрашивала губы.

— Нет, сторожа не было,— пояснила она,— место тут тихое, спокойное. Посторонних почти не бывает. Контора орса все собиралась подобрать охрану, да так и не успела. Утром, как обычно, пошла на работу, по дороге встретила какую-то раннюю покупательницу, а когда подошла вместе с ней, увидела, что дверь взломана, и сразу же позвонила в милицию.

Украдено много, как ей кажется, тысяч на десять—двенадцать, брали что подороже: вино, водку, коньяк, дорогие конфеты. Резиновой перчатки в ларьке до кражи не было, кто ее оставил, она не знает. Ничего другого злоумышленники в ларьке не забыли. Пустая поллитровая бутылка раньше на подоконнике не стояла, это она точно помнит, вся водка была на полках, видимо, воры выпили и оставили.

Надо же, какая удача! Можно сказать, первый самостоятельный выезд — и сразу тебе жулик визитную карточку предъявляет: нате вам пустую бутылку, изучайте, анализируйте. Просунув палку в горлышко бутылки (чтобы не испортить следы) и подняв вверх, я внимательно осмотрел ее. Судя по тексту на обороте этикетки, водка была выпущена второй сменой местного ликеро-водочного завода. Стояла и дата выпуска — 18 августа. Та же дата стояла и на других бутылках. В косо падающих лучах света в трех местах поверхности, ближе к горлышку, виднелись следы пальцевых отпечатков, один из них сохранился довольно хорошо.

Началась обычная работа. Довольно скоро работники милиции при деятельном участии Зотова установили, что не все жители Красноармейской спали в ночь, когда обворовали ларек. Пенсионерка Дементьева, чей дом находился недалеко от торговой точки, проснулась от какого-то шума, выглянула в окно и, хотя рассвет еще не наступил, увидела какого-то парня, который быстро прошел от палатки мимо ее окон. Парень, как ей показалось, отворачивал лицо в сторону, но она узнала в нем жителя соседней улицы Левкина.

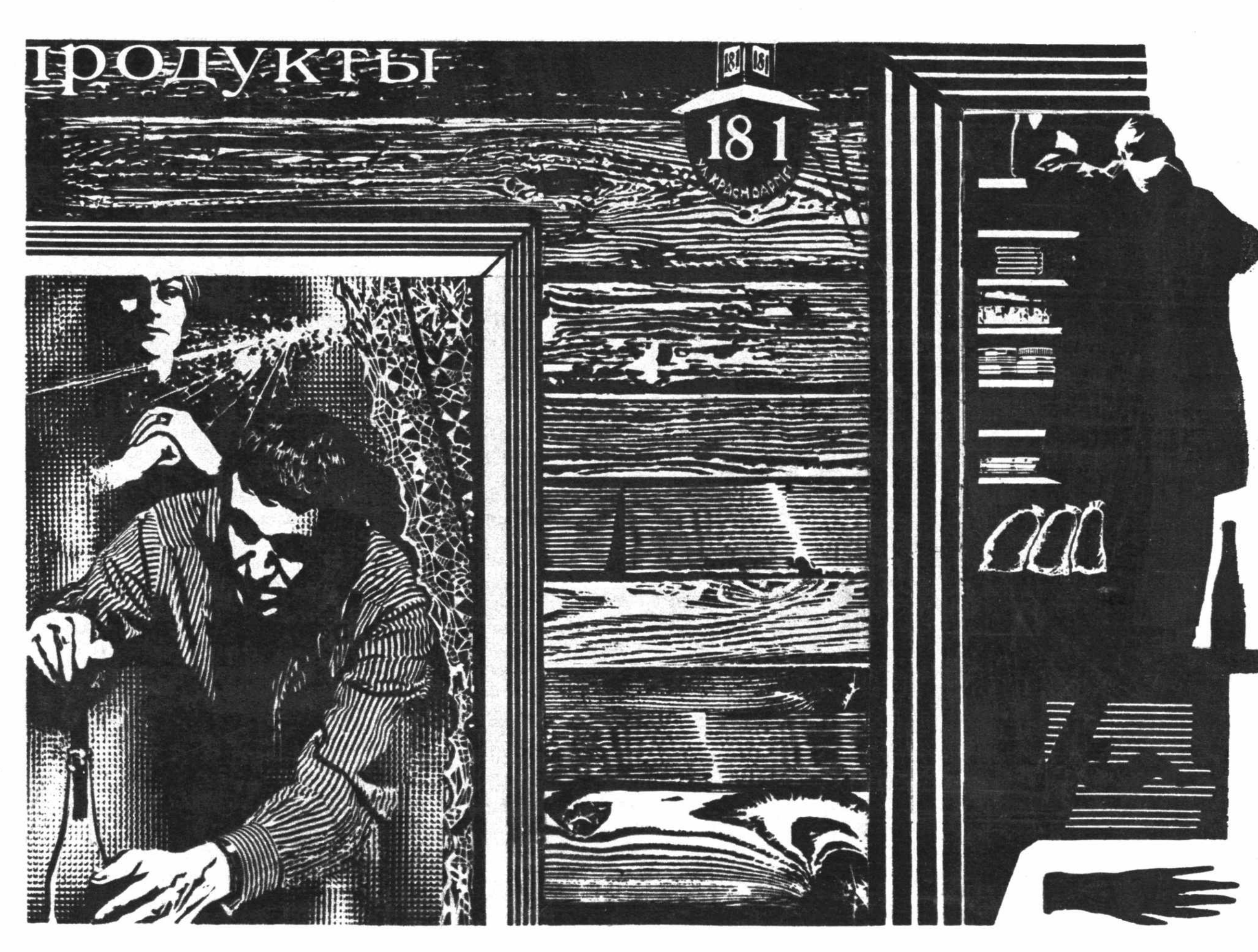
Все это рассказал мне Дмитрий Николаевич, передавая коротенький протокол допроса Дементьевой. Левкина я уже успел узнать. Вел себя этот молодой парень неспокойно. В свои неполные двадцать лет успел отбыть наказание за воровство, вернулся в родной город и доставлял немало хлопот милиции, пока его не устроили на работу. Правда, последнее время он успокоился, говорят, даже переписывался с какой-то девушкой, собирался жениться. И, как намекнул мне мой собеседник, после соответствующего мужского разговора «завязал», дав твердое обещание начать новую жизнь.

В благие намерения Левкина я не очень-то верил, поэтому не мешкая вынес постановление на производство обыска и пошел за санкцией к прокурору. Обыск, на мой взгляд, дал интересные результаты, хотя каких-либо товаров из украденных в магазине в доме, где жил Левкин, я не нашел. Зато за тумбочкой, стоявшей рядом с его кроватью, валялись две обертки от конфет «Ласточка», а в старом чемодане, где лежал кое-какой инструмент, я увидел пару резиновых перчаток того же размера, что и найденные на месте происшествия.

Следствие шло своим чередом. Ревизоры сняли остатки и вывели результат. Никонова почти не ошиблась. Убытки от кражи составили 12 358 рублей. Кстати, работники милиции поинтересовались и самой заведующей: ничего предосудительного, живет без мужа, скромно, воспитывает дочку — студентку техникума. В торговле работает давно. Были какие-то неприятности по прежнему месту работы, но с тех пор, как года три назад перешла на работу в орс, никаких недоразумений не было.

К концу шестого дня следствия поступило заключение дактилоскопической экспертизы. Не без волнения разрезал я большой жесткий пакет, извлек несколько листов машинописного текста, снабженного подробными фототаблицами. Вывод экспертов был категоричен: «Один из трех обнаруженных на бутылке следов пригоден для идентификации, и он, бесспорно, оставлен указательным пальцем правой руки гражданина Левкина А. С.».

Каждый следователь знает, что отпечатки пальцев — очень веская улика. В данном случае это было последнее звено, замкнувшее

цепочку доказательств. Оставался допрос Левкина, но это уже был формальный момент. Со слов его родителей стало известно, что он на неделю отпросился с работы и уехал в соседний город, но к сроку не вернулся и, как они утверждали, никаких известий о себе не подает. В искренности этих объяснений я сильно сомневался, тем более что еще во время обыска мне показалось, что они догадываются, в каком преступлении подозревают их сына.

Взвесив все обстоятельства, я решил одновременно получить санкцию на арест Левкина и дать поручение о его розыске. Написать постановление на арест в данном случае было делом нетрудным. Именно за этим занятием меня и застал мой коллега Николай Григорьевич Суровцев. К нему у нас относились с уважением: за его плечами было почти два десятка лет следственной работы.

— Слушай, неужели ты пойдешь к Алексею Тимофеевичу за санкцией, даже не допросив этого парня? — начал он, указывая на постановление, которое я почти закончил.

— А зачем мне его болтовня нужна, у меня и так слишком много доказательств.— И я не без гордости начал перечислять, что успел добыть.

Суровцев невозмутимо слушал меня, не перебивая. Затем поднялся и, неторопливо расхаживая из угла в угол, крепко потирая пальцами подбородок, взялся за мое воспитание.

— Слишком много доказательств у него, видите ли, они не желают обременять себя беседой с подозреваемым. Ты хоть с Дементьевой сам поговори,— продолжал он,— это же не протокол — слезы, так только телеграммы пишут. А перчатки? Почему две нашли у Левкина, а не одну? Да и где он все-таки сам, ведь отпуск же на заводе он действительно брал. Что, наконец, говорят специалисты по поводу оберток от конфет, дано им поручение или нет? Кстати, давай-ка сами посмотрим обертки от конфет.

Видимо, многие знают, что типографии, где изготовляют упаковку по заказу кондитерских фабрик, ставят на каждой бумажке свои исходные данные: номер заказа, иногда тираж или наименование типографии. И тут меня ждало первое разочарование: данные были разные, а это означало практически, что конфеты из палатки и те, что были в доме Левкиных, вряд ли могли принадлежать к одной партии. Впрочем, специалисты вскоре смогут внести полную ясность в этот вопрос.

Итак, с легкой руки Суровцева у меня начались осложнения. На другое утро я решил тщательно передопросить Дементьеву. В кабинет вошла живая, экспансивная старушенция и, не дожидаясь наводящих вопросов, живо описала, как она ночью выглянула в окно и, хотя злоумышленник всячески отворачивался, вмиг в нем распознала Тольку, пожарника Степана Левкина сына, который возвращался после черного дела. Правда, свидетельница не заметила, было ли у него что в руках, да это и не удивительно, все больше на лицо старалась смотреть.

Когда дело дошло до подписания протокола, произошел маленький инцидент. Свидетельница как-то беспомощно пошарила руками, поискала очки, а затем, не найдя их, бодро пояснила, что «без них ей вдаль и вблизи видно плохо», и велела показать, где ей надо расписываться. На вопрос, куда же подевались очки, я получил исчерпывающий ответ:

— Полгода как потерялись, а новые нынче не сразу и купишь.

Итак, с Дементьевой стало понемногу проясняться, старушку, видимо, подвело зрение, а остальное сделала фантазия, тем более что почва-то была благодатной: о Левкине давно ходила дурная слава, и о многих его прошлых темных делишках улица хорошо знала.

Оставалась моя последняя надежда — отпечатки пальцев. И тут удар последовал с другой стороны. Примерно через неделю мне позвонили из милиции и сообщили, что задержан Левкин. Когда его привезли, держался он независимо и с места в карьер заявил, что к краже в ларьке никакого отношения не имеет, «так как в интересующее следствие время, к сожалению, пребывал в местах, исключающих свободу передвижения».

Не без удовольствия он разъяснил мне, как дня за три до кражи выехал в соседний городок, где хотел жениться, но в общественном месте несколько вышел за рамки приличного поведения, за что и был арестован на пятнадцать суток. Да, Клавдию Никонову он хорошо знает, раньше часто заглядывал в ларек, но теперь не заходит, подготавливая себя к ответственной роли женатого человека.

Довольно скоро я получил и официальную справку из суда соседнего города, и участие Левкина в краже сделалось еще более призрачным.

* * *

Хорошо помню, что в то утро я так и не успел попасть на планерку. Позвонил Зотов: обокрали в Заречном палатку, и, хотя это участок Веткина, полезно будет посмотреть мне.

Накануне всю ночь шел дождь, мелкий, осенний. Он, по существу, так и не перестал. Кругом была непролазная грязь. Около палатки, похожей на ту, которую мне пришлось осматривать два месяца тому назад, стояла группа людей. Коренастый смуглый Перцев — заведующий — не торопясь, обстоятельно давал объяснения. Утром его разбудил сын сторожа. Когда подошел, то увидел, что замок кем-то спилен. Заглянул внутрь — похоже, что побывали воры. Погода была плохой, сторож раза два заходил домой обсушиться, когда стало рассветать, заметил, что замка нет.

Пустили собаку. Сначала она рванулась за угол, затем резко потянула вправо, пробежала метров 250—300, сделала извилистый полукруг и вернулась к палатке. Вильнула хвостом и, как мне показалось, с укоризной взглянула на своего проводника. Посмотрев на перемещения пса и буркнув под нос: «Это только в кино все сразу хорошо получается»,— Дмитрий Николаевич пригласил приступить к осмотру.

Картина была удручающе похожа на ту, которую я наблюдал на Красноармейской улице. Разве что беспорядка поменьше, да и товаров в палатке было совсем немного. Правда, все это я сообразил несколько позже. Первое, что бросилось мне в глаза, была перчатка, обыкновенная резиновая перчатка, которая лежала недалеко от входа. Она была почти новой, как и та, на Красноармейской, разве размером чуть-чуть побольше.

Да, самое время было поразмыслить, подвести некоторые итоги. Прежде всего про Левкина надо на время забыть, хотя с отпечатками пальцев стоило разобраться особо. Далее, перчатки. Они тоже пока ничего прояснить не могут. Зотов еще после первой кражи обошел все восемь аптек и двенадцать аптекарских палаток, и, как он выразился, «никакого спроса на перчатки со стороны преступного элемента не замечено». Наконец, замки. Характерных следов на перчатках тоже нет. Все получалось как-то нетипично. Видимо, я завяз в плену обычных представлений, понятий. Нужен был свежий взгляд на дело, взгляд, так сказать, со стороны.

Вспоминая теперь это свое первое дело, невольно поражаюсь, как неумело, кустарно, односторонне я пробирался через груду фактов и обстоятельств к истине. А истины все не было, и никакой так называемый счастливый случай не приходил мне на помощь. Впрочем, многое познав за эти годы на нелегком пути следователя, твердо убежден, что этот самый счастливый случай если и помогает нашему брату, то очень редко и при одном непременном условии, что мы сами организовываем его приход повседневной, глубоко продуманной и хорошо поставленной работой. Может быть, то, о чем пойдет речь дальше, на первый взгляд и противоречит сказанному, но это только на первый взгляд.

Пожалуй, впервые я увидел их вместе случайно, хотя пришел в этот довольно нескладный одноэтажный дом совсем не случайно: мне нужно было получить кое-какие данные по результатам снятия остатков после кражи в палатке Перцева. Они находились, точнее, висели, почти рядом: портрет Никоновой во втором, Перцева в третьем ряду небольшой доски почета конторы орса леспромхоза.

Видимо, именно в этот момент я впервые отчетливо подумал: «А почему, собственно, две такие одинаковые кражи произошли в торговых точках одной системы?» Известно, что в ходе работы по любому делу у следователя возникает много догадок или версий, как называют их учебники по криминалистике, но от возникновения версии до ее полной проверки путь длинный, и далеко не каждому хватает терпения его пройти.

В контору орса я пришел с утра. Попросил документы по ларьку Перцева и начал неторопливо их просматривать. Обычные отчеты заведующего за десять дней работы: справа — приход, слева — расход. В подтверждение прихода накладная на получение товаров с базы, в обоснование расхода — квитанции на сдачу выручки в банк. Изредка попадались акты инвентаризации: ничего примечательного — недостач и излишков нет. Единственное, что привлекало внимание,— это переброски товаров от Перцева к Никоновой и наоборот. Вообще-то такие вещи в торговле случаются: куда-то завезли товару с излишком, и, чтобы не испортился, надо перебросить в другую точку, где есть спрос. В данном случае перебросок, как мне показалось, было больше обычного.

Попросил папку с документами по палатке Никоновой, начал листать их. Та же картина. Так прошло часа три. Вот ее последние товарные отчеты, незадолго перед кражей. Обычное поступление: консервы, бакалея, кондитерские изделия, папиросы, водка. Нет, «водка» — это я добавил уже от себя, чисто механически. Водка, судя по отчетам, с 18 августа и по день кражи в палатку Никоновой не поступала. Странно, тем более странно, что я сам видел водку в магазине, а на бутылках стояла дата выпуска — «18 августа». Видимо, пришло время искать ответы на эти вопросы на базе.

База орса находилась на территории завода, и, чтобы туда попасть, пришлось выписать пропуск. Пожилой, но энергичный и подвижной заведующий Ефим Федорович Наумкин любезно и с охотой отвечал на мои вопросы. Все снабжение торговых точек орса продовольственными товарами идет через него. Никонову и Перцева хорошо знает. Аккуратные, знающие работники.

— Да, конечно, все товары отпускаются строго по накладным. — Ефим Федорович энергично взмахнул руками. — Это элементарно,— продолжал он,— у меня же двойной контроль. — И, как бы спохватившись, что излишне увлекся, стал пространно говорить о трудностях в связи с постоянным ростом товарооборота, плохими помещениями и отсутствием энергичных помощников.

Как и следовало ожидать, по документам базы отпуск водки в палатку Никоновой тоже не значился. Таким образом, складывалась парадоксальная ситуация: водку не отпускали, водку не получали, а в наличии она была. И тут пригодилась оговорка Наумкина о двойном контроле.

Возвратившись в проходную завода, я попросил корешки всех пропусков на вывоз грузов с завода за последний год. Затем пригласил бухгалтера орса и работника охраны и тут же, в конторе заведующего базой, стал неторопливо сопоставлять документы. Расходная накладная базы, пропуск за это же число на вывоз этого груза, приходная накладная по ларьку. А вот наконец и объяснение некоторых странностей последнего отчета Никоновой: пропуск от 22 августа на вывоз с базы в ларек Никоновой двенадцати ящиков водки, однако нет ни документов на отпуск водки с базы, ни на приход ее по ларьку. Дальше все пошло значительно быстрее. За каких-нибудь два часа мы установили двенадцать случаев, когда товары почти на 10 тысяч рублей были вывезены с территории базы без оформления операций соответствующими накладными.

И тут Наумкин, который молча и как будто безучастно присутствовал при всей этой процедуре, не выдержал. Он поднялся, быстро отошел в угол склада, покопался в каких-то ящиках и, ни слова не говоря, поставил передо

мною на стол жестяную банку из-под кофе. Когда я извлек оттуда аккуратно свернутые третьи экземпляры накладных, он с невинным видом пояснил:

— Видимо, забыл в свое время приобщить к отчетам некоторые накладные, в том числе и на отпуск товаров Никоновой, первые экземпляры затерялись, а вот третьи, к счастью, сохранились.

Это была ошибка, вторая ошибка опытного жулика за какие-нибудь последние три часа. Видимо, Наумкин потерял на какое-то время голову, да и сама процедура сопоставления документов подействовала на него слишком сильно. Спасая себя, он предъявил сохраненные экземпляры, которые должны были быть уничтожены, и этот шаг оказался для него роковым.

Когда я на другой день на допросе предъявил накладные Никоновой, она буквально рассвирепела и, не заботясь о выражениях, стала кричать, что не позволит этому проходимцу и организатору воровства спрятаться за ее спиной. Раз этот вопрос встал так, то она предъявит кучу документов и других доказательств («Все они у меня в кармане»,— кричала Никонова), и вся банда получит по заслугам — и Наумкин и Перцев.

Коротко махинации сводились к следующему: в палатку завозились товары, затем после их продажи документы на поступление товаров уничтожались, а выручка делилась на три части—одну брала себе Никонова, две шли Наумкину. Постепенно по ходу таких операций на базе получалась недостача, и, чтобы ее скрыть, Наумкин проделывал операцию наоборот, то есть, не отпуская товаров, выписывал накладную на палатку, а когда наступал критический момент — перед приходом ревизии,— в палатке инсценировалась кража, и все похищенное этими дельцами списывалось на мнимых воров.

Поначалу все шло хорошо, но Никонова увлеклась и стала брать себе больше установленной доли. Постепенно у нее образовалась недостача, и, когда сумма дошла примерно, по ее подсчетам, до 5 тысяч рублей, она вспомнила рекомендации предприимчивого заведующего базой и решила воспользоваться этим сама, благо сторожа у ларька не было. Ночью, когда все гуляющие разошлись по домам, вскрыла ларек, разбросала товары и ушла домой. Перед уходом поставила на подоконник пустую бутылку. Как-то за два дня до этого компания молодых людей, купив у нее водку, организовала выпивку в сквере. Среди гулявших был и Левкин. Когда они ушли, бросив пустую посуду, она осторожно в газете перенесла бутылку в магазин, а потом использовала ее, чтобы запутать следы.

День выдался хлопотливый. Допрос Никоновой затянулся, к тому же надо было до ухода прокурора получить санкцию на ее арест, распорядиться о задержании Перцева (Наумкин был доставлен в милицию накануне), да, кроме того, оставалось кое-что доделать и по другим делам.

Поэтому, когда я поздно вечером вызвал на допрос Перцева, у меня был довольно усталый вид. Впрочем, у Перцева был вид значительно хуже. Прождав несколько томительных часов в ожидании вызова, он психологически был сломлен и почти без сопротивления начал обстоятельно давать показания.

* * *

Да, действительно все бывает очень просто, когда следствие наконец закончено и над «и» поставлены все точки. Впрочем, в моем случае оставалась еще одна совсем незначительная деталь — резиновые перчатки.

— Послушайте,— спросил я Никонову на одном из последних допросов,— а какое все-таки имеют отношение к делу резиновые перчатки?

— Да никакого,— пояснила она мимоходом,— я-то оставила перчатку, вспомнив один из фильмов, а Перцев, когда увидел, что у меня все сошло благополучно, сам пустил по городу слух о «резиновой банде» и, работая под нее, подбросил перчатку. Только и всего,— закончила она.

ОМСКИЙ НАРОДНЫЙ

«Отплясывать «барыню»...»

...Наше поколение, пожалуй, только то и знает о «барыне», что это была самая веселая и озорная, любимая русская пляска.

Помните, как танцевала графинюшка Наташа Ростова «барыню»... И вот увидеть-то ее, «барыню», довелось недавно на концерте Государственного Омского русского народного хора, руководители которого удостоены премии имени Глинки.

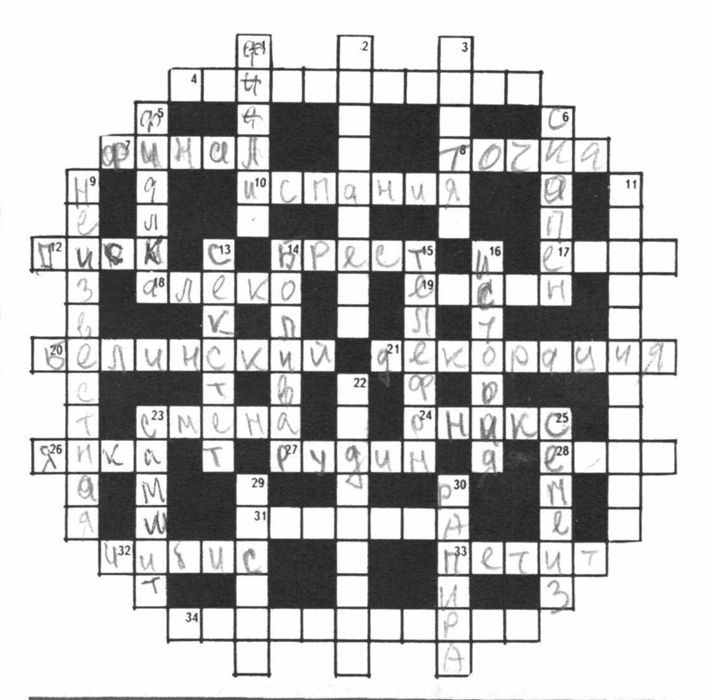
...«Барыня-барыня, сударыня-барыня»,— скороговоркой выпевают мужские голоса. Под этот удалой аккомпанемент на сцену стремительно выскакивают веселые, бесшабашные русские мастеровые с балалайками. Кепочки набекрень, синие брюки в полоску, косоворотки в белый и алый горошек... И что тут начинается! Они выплясывают без устали, так лихо, с таким озорством, что, кажется, никакие другие танцы для них просто и не существуют. А когда зрители, наверное, как и я, никогда не видевшие доселе такого безудержного танца, дружными аплодисментами снова вызывают танцоров,— те опять начинают отплясывать разудалую «барыню» уже с другими, нескончаемыми вариациями...

Радость, стремительность и степенность, удаль и лирика, все собрано в прекрасной программе танцоров и хора. Большинство номеров: песни и пляски из русского быта, сибирские народные песни — было забыто или забывается. Теперь они воскрешены. Эти прекрасные песни звучат в очень интересных обработках руководителя хора Георгия Николаевича Пантюкова, а также в обработках многих известных композиторов. Хор тесно связан с фольклорной группой омского Дома народного творчества, и есть, конечно, его доля в большом успехе ансамбля.

Главный балетмейстер Я. Коломейский и главный хормейстер И. Иванова с удивительным вкусом и чувством меры ставят танцы. Таковы «Сибирская потеха», «Масленица», «Ложкари», «Чай-чаек»... И как же прекрасно передает коллектив весь уклад жизни сибирской, как чувствуется в песне, в танце природа и необъятность края, ширь характеров... И тут хочется сказать еще об одном удивительном номере — песне «Гибель Ермака», которую исполняет хор... Ермак прославлен народом во многих исторических песнях, но эта особенно значительна, торжественна, глубоко лирична. И рождает чувства высокие.

Весь мир объехал хор. И всюду вызывал светлое чувство благодарности к русскому народу, к его безграничной талантливости.

Г. СМЕТАНИНА

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Итальянский композитор. 7. Заключительная встреча участников соревнования. 8. Знак препинания. 10. Государство в Пиренеях. 12. Спортивный снаряд. 14. Областной центр в Белоруссии. 17. Зодиакальное созвездие. 18. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». 19. Озеро в Красноярском крае. 20. Русский литературный критик и публицист. 21. Оформление сцены. 23. Журнал для молодежи. 24. Разновидность агата. 26. Белорусская народная плясовая песня. 27. Роман И. С. Тургенева. 28. Приток Печоры. 31. Японский остров. 32. Птица отряда куликов. 33. Типографский шрифт. 34. Ящик, корзинка для комнатных растений.

По вертикали: 1. Морская промысловая рыба. 2. Овощ. 3. Название ряда хребтов в Средней Азии и Сибири. 5. Цветок. 6. Комедия Мольера. 9. Картина И. Н. Крамского. 11. Город в Башкирии. 13. Ансамбль из шести музыкантов. 14. Денежная единица Венесуэлы. 15. Устройство, преобразующее электрические колебания в звуковые. 16. Наука, изучающая развитие человеческого общества. 22. Памятник древнерусской литературы XIV века. 23. Южное вечнозеленое дерево. 25. Курорт в Крыму. 29. Стихотворение А. В. Кольцова. 30. Оружие для фехтования.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 2. «Коляска». 8. Батальон. 9. Ярошенко. 11. Скотт. 12. Новелла. 13. Белая. 14. Фарлаф. 16. Минута. 17. Индиана. 18. Патронташ. 22. Острава. 24. «Чапаев». 25. Неолит. 28. Плица. 29. Дилижан. 30. Олово. 31. Демосфен. 32. Серенада. 33. Васюган.

По вертикали: 1. Диагональ. 3. Оборот. 4. Король. 5. Факультет. 6. Картули. 7. Вербена. 10. Лексикография. 15. Филатов. 16. Магадан. 19. Гравиметр. 20. Грибоедов. 21. Балатон. 23. Полотно. 26. Сирена. 27. «Мачеха».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сборная команда Советского Союза по хоккею — трехкратный чемпион Олимпийских игр будет защищать свой титул на очередной Олимпиаде в Саппоро. На льду сборные команды СССР и Швеции.

Фото Л. Бородулина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Танцевальная группа Государственного Омского русского народного хора исполняет сибирский танец «Ленок».

Фото Е. Умнова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото—253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 11/I-72 г. А 00613. Подп. к печ. 25/I-72 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 58. Тираж 2 125 000 экз. Заказ № 2390.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

А. ГОЛИКОВ,
А. НАГРАЛЬЯН,
специальные корреспонденты
«Огонька»

ХОЗЯЙКИ КРЫЛАТЫХ ЛАЙНЕРОВ

Борьба за лучшую сервировку.

Трудный вопрос.

Мы прошли в финал!..

Победительница конкурса Екатерина Кузнецова. Северо-Кавказское управление.

В Сухуми среди кипарисов Комсомольского парка стоит на мраморном пьедестале бронзовая фигура девушки. Это памятник бортпроводнице самолета «АН-24» комсомолке Надежде Курченко. Спасая жизнь пассажирам и летчикам, она грудью заслонила дверь в пилотскую кабину и пала, сраженная бандитской пулей. У подножия памятника среди многочисленных венков алеют гвоздики. Их принесли сюда коллеги Нади — хозяйки крылатых лайнеров, бортпроводницы. В Сухуми приехали 57 стюардесс — победительниц смотра-конкурса, проходившего во всех управлениях Гражданской авиации.

— Я заочно окончила юридический институт,— рассказывает Зина Лепустина из Хабаровска,— но продолжаю летать, не хочу менять профессию.

Надя Револь тоже имеет высшее образование, но ей, как и Гале Афонченко и Алле Абдулатиповой из Алма-Аты, профессия бортпроводницы кажется самой лучшей. Труд этот не из легких: полет и сам по себе утомляет, а ведь надо работать, обслуживать пассажиров, и в работе этой немало сложностей.

...Третий, заключительный тур конкурса. Сцена превращена в салон воздушного лайнера. В креслах «пассажиры». В первом ряду папа с грудным ребенком на руках. Младенец отчаянно кричит. Папа вызывает стюардессу. Она быстро меняет пеленки, укачивает ребенка и возвращает его отцу, так сказать, в лучшем виде. У другой пассажирки болит голова. Стюардесса предлагает одно лекарство, другое, но женщина капризничает, и ей надо не просто помочь, но и по-человечески успокоить. Молодой человек в третьем ряду вызывает стюардессу и просит узнать нужный ему номер телефона, по которому он будет звонить из аэропорта. Бывают и такие ситуации.

Строгое жюри задает финалисткам различные вопросы: о правилах перевозки в самолете ручного багажа, домашних животных, птиц. Ну, и, конечно, оценивает, как стюардессы умеют сервировать пассажирам обед, завтрак.

Первое место в этом конкурсе и звание лучшей хозяйки крылатого лайнера завоевала бортпроводница Северо-Кавказского управления Екатерина Кузнецова, второе и третье места — Любовь Енютина из Москвы и Тамара Донская из Хабаровска.

Счастливых полетов вам, девушки!

Самая молодая участница конкурса — Оля Осипенко из Киева.

Тамара Донская из Дальневосточного управления заняла третье место.

Москвичка Любовь Енютина заняла второе место.

— Стюардесса, помогите!

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.